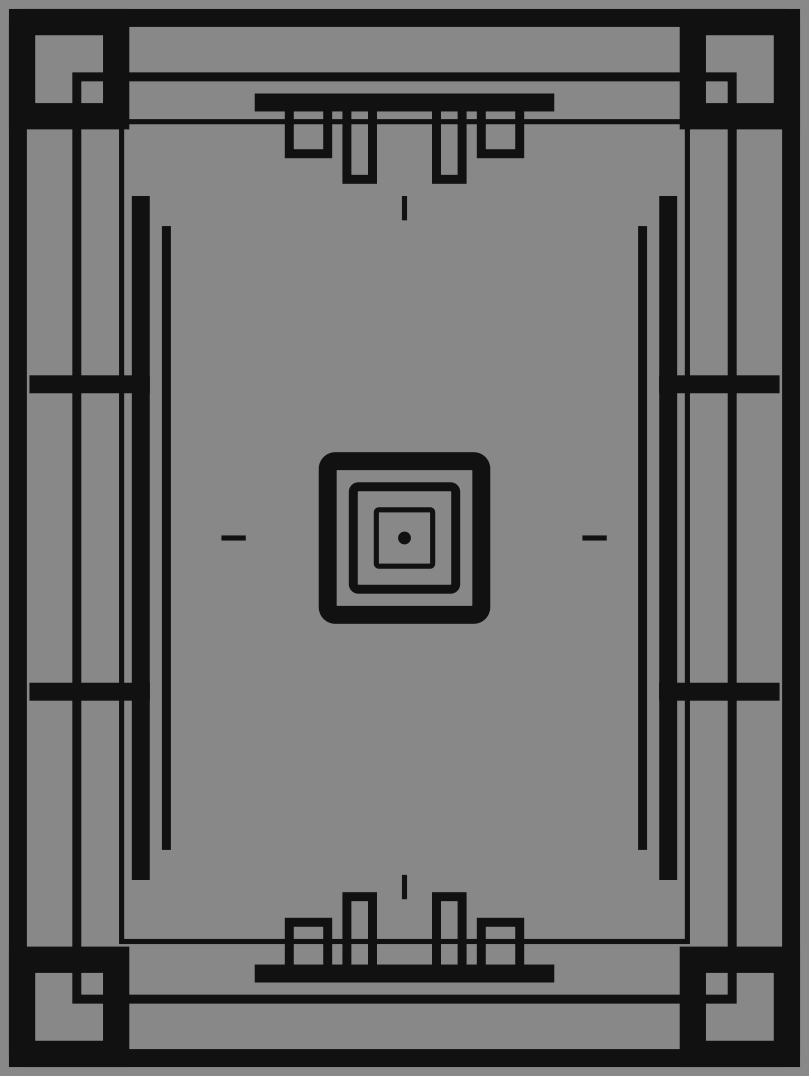

Последний гладиатор
Джонс Коуль

Дж. Коуль. Последний гладиатор

Дж. Коуль
Последний гладиатор

Переход был наполнен вонью и грохотом. Ослепительные мелтановые импульсы с визгом пронзали переборки, выжигая неровные звездообразные пробоины, из которых сочился едкий пластик. Все, что могло плавиться — плавилось, все, что могло гореть — горело, наполняя синтезированный воздух клубами удушливого дыма.

Взи–и-у! Взи–и-у! Взи–и-у! Пронзив тремя импульсами кишкообразный отросток перехода, откуда летели в ответ зеленоватые мелтановые молнии, гладиатор Керл Вельхоум набрал полную грудь воздуха и нырнул в облако пара, хлеставшего из перебитой системы терморегуляции. Здесь не было видно ни зги, поэтому надлежало быть осторожным. Ведь тиммеры, использовавшиеся на кораблях в качестве защитников, видели мир в инфракрасном диапазоне, и водяной пар не был для них помехой.

Импульс разорвал стену в дюйме от плеча Керла, обдав его горячими брызгами. Гладиатор стремительно присел на колено и дважды выстрелил. Сверкнула яркая вспышка, а спустя мгновение донесся оглушительный звук взрыва. Все вместе это означало, что тиммер, стрелявший в Керла Вельхоума, уничтожен, и отвоевано еще несколько футов пути. Сколько именно, Керл не

знал, за извилистым поворотом его мог подстерегать очередной тиммер. Кашляя и ежесекундно вытирая слезящиеся от дыма глаза, гладиатор побежал вперед.

Керл Вельхоум в совершенстве владел всеми видами оружия, но главным его козырем была стремительная реакция. Именно она помогала Керлу выходить победителем из множества поединков, именно она не раз выручала его, когда уже казалось, что гибель неминуема. Реакция спасла ему жизнь и в этот раз. Керл вырвался из облака пара и бросился ничком на пол. Считалось, что никто — ни человек, ни киборг — не в состоянии увернуться от мелтанового импульса. Что ж, верно, так оно и было. Но гладиатор Керл Вельхоум умел это делать. Недаром он считался лучшим гладиатором, недаром он был последним.

Великий Мастер Эрн Торландер по прозвищу Галл как–то сказал ему после очередного урока:

— Керл Алинс, ты совершенная машина убийства. И дело не в том, что ты прекрасно владеешь чоппером, синхронизированными гранатами и отравленным ножом. Я знаю парней, которые умеют делать это лучше тебя. Но никто не может столь совершенно уходить от опасности. Когда я

стреляю в тебя, ты словно растворяешься в воздухе, чтобы в следующий миг появиться вновь и вернуть мне выстрел. И как у тебя это только получается?

— Не знаю, — ответил Керл Вельхоум. И он был вполне искренен. Но и знай Керл этот секрет, он не раскрыл бы его Галлу. Ведь через три сомметанских месяца им предстояло драться на турнире в Эль–Коарне. На этом турнире Керл убил Мастера Эрна Торландера, как убил многих других, заслужив почетное прозвище Вельхоум, что на языке планеты Тменд означало — Несущий смерть.

Керл не имел четкого представления, как все это происходит, он знал лишь, что ему удается каким–то образом расчленять время, рассекая его на крохотные отрезки, чередуемые с паузами. Всё вокруг, как это и положено, существовало лишь в эти отрезки, Керл ухитрялся занимать также и паузы.

Когда он вырвался из удушливого облака и вдруг увидел пред собой серую шеренгу тиммеров, сознание привычно разложило время. Керл оттолкнулся от пола и прыгнул вперед, выбрасывая перед собой руки, сжимавшие рукоять оружия. Полет был плавным, глаза Керла при-

вычно ощупывали сонные пока дула чопперов, что были встроены в нефелитовые корпуса роботов–защитников. Но вот серые глаза гладиатора чуть дрогнули, фиксируя, как из продолговатых трубок вырывается цепочка тонких зеленых лучей, каждый из которых способен перерезать пополам трехдюймовый стальной лист. Глаза дрогнули, но лишь самую малость, скорей подчиняясь традиции, но не необходимости, так как Керл знал, что импульсы не попадут в него. Он медленно опускался на пол, а они еще медленнее устремлялись к тому месту, где мгновение назад была грудь гладиатора. Еще находясь в падении, Керл начал стрелять. Импульсы летели из раскаленного ствола чоппера и в тот миг, когда он катился на животе по гладкому зеленоватому покрытию, которым был устлан переход. Керл перестал нажимать на курок, лишь убедившись, что все его враги мертвы.

Мгновение он лежал неподвижно, ощущая, как бешено стучит сердце, а время обретает обычную скорость, затем поднялся и обежал взглядом поверженных тиммеров. Все пять защитников были выведены из строя. Их чопперы были расплавлены, а на исковерканных панелях управления изредка мигали суматошные огоньки. Ни один из

роботов так и не успел сделать второго выстрела. Керл всегда считал, что тиммер не боец, а сплошное недоразумение. Дим Ремдус, нажившийся огромное состояние на производстве этих боевых роботов, сконструировал их в соответствии с параметрами человека. Они обладали точно такой же реакцией, были не слишком быстры и весьма уязвимы. Тиммеры были созданы как защита от иррационалистов, они не могли конкурировать с космическими гладиаторами. Подобно обычному человеку они вначале анализировали ситуацию, в то время как для того, чтобы выжить, необходимо было незамедлительно действовать. Поэтому–то они не успели дать второй залп.

Как не успел выстрелить и человек. Керл движением ноги перевернул убитого на спину. Лицо, искаженное болью, показалось смутно знакомым. Так и есть — Оланн Ола'м. Он некогда ходил в учениках у Керла, а потом, уловив, куда дует ветер, переметнулся к паци. Он был весьма способным учеником, и из него мог бы получиться неплохой гладиатор. Сытая и спокойная жизнь на Соммете лишила его былой сноровки.

Керл поднял с пола чоппер убитого и сунул его в один из контейнеров, которые были во множестве разбросаны по поверхности гимпиора.

Запасное оружие было нелишним, так как мелтановый накопитель в чоппере Керла должен был вот–вот израсходовать энергию. Присев за шеренгой мертвых тиммеров, чьи покрытые нефелитовой броней тела служили великолепной защитой от внезапного нападения, гладиатор извлек небольшой модусный планшет, на котором была изображена точная схема корабля.

«ИНФЕРНО» — лидер типа КЛ-14.

Боб Муларс, ярый иррационалист из Лербены, уверял, что в переводе с древнеземного, «инферно» означает пламя.

Однако терролог Квинт Курций, словам которого Керл был более склонен верить, сказал, что словом «инферно» на Древней Земле обозначали место, где древние предки паци мучили тех, кто не согласен с их бредовыми идеями.

— Инферно не существовало в действительности, — добавил Квинт, почесывая прыщавый нос. — Оно существовало в воображении каждого земного народа. Британцы называли его «хелл», германцы — «хель», китайцы— «диюй», буддисты — «нарака», русские — «ад». Это место, где воздается наказание за совершенные людьми грехи.

Трудно судить, были ли белонняне столь греховны, но «Инферно» стал адом для Белонны,

как «Хорроу» ужасом для Катанра, а «Смерть» — гибелью для Армагаски.

«Инферно» явился на Белонну во время трехсезонного турнира на первенство Синей короны. Местные жители приняли его за купца с Шиллы. Каково же было их изумление, когда однажды утром из трюмов псевдокупца посыпались, словно горох, десантники Пацифиса, облаченные в белые с золотым шитьем мундиры и прозванные потому херувимами, вслед за которыми потянулись длинные колонны чоппингов и тиммеров.

Это был типичный пиратский рейд, подобный тем, что совершали древнеземные корсары вроде Дрейка или Моргана. С помощью натасканных на людей к'гатов были схвачены тысячи иррационалистов, которых погрузили в трюмы спустившихся с орбиты вспомогательных крейсеров. Среди пленников оказался и Керл, застигнутый врасплох во время традиционной утренней разминки. Имея при себе лишь отравленный нож, гладиатор не смог долго сопротивляться против целой бригады херувимов, державших на стальных поводках злобно воющих к'гатов.

Захватив пленников, паци вернулись на корабли, которые тут же поднялись на орбиту и залили поверхность Белонны жидким огнем. Погибло

более четырехсот тысяч колонистов, живших в сорока семи городах и шестиста двадцати трех метабазах. Лишь немногие успели скрыться в подземных бункерах. При этом было общеизвестно, что только восемь процентов жителей Белонны признают себя иррационалистами.

Керла отделили от прочих пленников и поместили не в одном из переполненных трюмов крейсеров, а в тюремном каземате заполненного солдатами и боевыми роботами «Инферно». Его стерегли строже, чем главаря космических пиратов Черноухого Билли, имевшего имплантированное черное ухо и репутацию скверного шутника. Обычно Черноухий Билли развлекался тем, что замуровывал своих пленников в стеклянные призмы и выбрасывал их в открытый космос. Некоторые из несчастных жили по несколько дней, постепенно сходя с ума от одиночества и ужаса перед бесконечностью космической бездны. Позднее его поймали, судили, приговорили к казни на электрическом стуле, но Билли поспешил раскаяться и записаться в активные паци. Суд счел возможным помиловать его. После этого Билли долго строил из себя праведника, но как только власти ослабили контроль за ним, проник на военный крейсер, перебил охрану и увел

корабль в неизвестность. Его так и не нашли, но судя по тому, что вновь стали исчезать яхты и грузовозы, Черноухий Билли занялся прежним ремеслом. Так вот, Черноухого Билли охраняли десять стражников. За Керлом следили двадцать пять херувимов и несколько тиммеров. Этим меры предосторожности не ограничивались. Модуль, в который поместили гладиатора, был изготовлен из нескольких слоев прочнейшего нефелита, путь в него преграждали три пневматические двери из того же сплава. Подобные пятидюймовые двери, по слухам, были лишь в Форт–Нисе, где хранился запас кредитов Пацифиса. Пищу пленнику подавали через специальный изолированный конвертор. Отбросы удалялись посредством автономного утилизатора. Великого гладиатора Керла Вельхоума готовили для показательного процесса на Соммете, и поэтому были приняты все надлежащие меры, чтобы доставить его на место целым и невредимым.

И все же он сумел бежать из своего каземата. Ведь недаром он прошел школу выживания у самого Люка Зубарта — маленького невзрачного человечка с фантастически умными руками. Теперь Люк был большой шишкой в Совете Пацифиса и должен был судить своего бывшего

товарища.

С помощью нехитрого трюка Керл отключил камеры наблюдения. О неполадках немедленно сообщили командующему карательной экспедицией адмиралу А. Торбински, и тот послал в каземат астротехников под охраной вооруженных херувимов, а перед тем приказал пустить через вентиляционные шахты усыпляющий газ.

Пятнадцать закованных в бронедоспехи воинов с опаской шагнули через порог каземата, в котором сидел Керл Несущий смерть. Они так и остались навечно лежать на серебристых нефелитовых плитах, сраженные беспощадной рукой гладиатора. Затем Керл расправился с оставшимися охранниками и ринулся по бесконечным переходам к сердцу корабля — к навигационному центру.

Он миновал три уровня из семи, прежде чем была объявлена общая тревога. Следующие два Керл преодолел с боем, уничтожив несколько десятков тиммеров, херувимов и астротехников.

Оставалось еще два уровня, на первом из которых его должны были ждать херувимы с к'гатами, а на последнем, если он, конечно, до него доберется, переходы будут перекрыты киборгами.

Керл неожиданно для самого себя расхохотался.

Все это напоминало незамысловатую электронную игру, где игрока по мере продвижения вперед поджидают все более и более серьезные противники. Сначала были тиммеры и херувимы, затем к'гаты и киборги–онги. Дешевка! Словно в школе для начинающих.

Гладиатор обернулся на едва различимый шорох, донесшийся справа, и выстрелил. Херувим беззвучно осел на пол, а Керл продолжал изучать, схему корабля.

Думай, Керл! Думай!

Чем ближе к навигационной рубке, тем количество переходов все сокращалось, а значит, перекрыть их было значительно проще. Сквозь плотный огонь чопперов и завесу синхронизирующих гранат не пройти даже Керлу Вельхоуму. Этот вариант мало подходил.

Думай, Керл! Думай!

Можно было вернуться назад и попробовать подняться по воздушной шахте. Теперь, когда он начал пробиваться через переходы, охрана вряд ли ожидает нападения с той стороны. Но возвратиться на первый уровень, где находились воздухоочистители, было не так–то просто. Пути отхода наверняка отрезаны тиммерами и херувимами.

Думай, Керл! Думай!

Был еще один путь, который наверняка никто не охранял. Система охлаждения энергетической установки. Огромные трубы, пронизывающие корабль сверху донизу. По этим трубам, защищенным свинцовой и керамической оболочками, струился вбдяной пар, охлаждавший раскаленное чрево реактора. Нагнетаемый мощным компрессором, который был расположен прямо под навигационной рубкой, он ледяной волной опускался вниз и поднимался обратно, нагретый до температуры кипения. Уже одно это, казалось, исключало всякую возможность передвижения по трубе без специального снаряжения. Кроме того, пар, охлаждавший реактор, был радиоактивен. Попав в подобную среду, человек получал смертельную дозу облучения в считанные мгновения. Лишь самоубийце или сумасшедшему могла придти в голову мысль воспользоваться системой охлаждения. Самоубийце или сумасшедшему, а еще — гладиатору.

За то, чтобы остановиться на этом варианте, выступало и то обстоятельство, что тюремщики не удосужились отнять у Керла гимпиор, его вторую кожу — специальный доспех, которые изготавливались для гладиаторов кузнецами–ир-

рационалистами из Лека — центрального города изумрудной планеты Катанр. Ныне Лек больше не существовал, исчезнув вместе с изумрудной планетой.

Гимпиор был изготовлен по принципу доспехов древнеземных воинов со странным именем — савроматы. Это они некогда изобрели полукольчугу–полупанцирь из разрезанных на узкие дольки копыт животных, схожих с сомметанскими рибефалами. Доспех из этих костяных чешуек отражал удары лучше, чем медная броня или кольчуга, сделанная из железных колец. Оружейники Катанра переняли опыт древних воинов. Только пластины они отливали из специального кремнесплава, который был невесомо легок и отражал не только сталь, но и мелтановый импульс. Правда, пластины эти были хрупки и не могли выдержать нескольких ударов мечом или нефелитовым ножом. Чтобы предотвратить их преждевременное разрушение, доспех обшивали поверху шершавой кожей морских анаконд, обитавших в морях Ламета. Эта кожа была очень прочна и водонепроницаема. Изнутри доспех простегивали тремя слоями пемса, стойкого как к жаре, так и к холоду. Имея на совесть сделанный гимпиор, можно было смело разгуливать по ледя-

ным пустыням Близнецовых планет и купаться в огненном источнике у Терзентского Везувия. Вот только от радиации он не спасал.

Из–за поворота показались два тиммера, вооруженные пневмоогнеметами. Узкие языки пламени устремились к Керлу. Гладиатор упал ничком на пол, дождался, когда смрадный пластиковый дым вознесется к потолку, и, почти не целясь, расстрелял обоих защитников. С последним выстрелом на пол упал энергетический накопитель, и Керл, отбросив ставшее бесполезным оружие в сторону, выдернул из–за пояса второй чоппер.

То, что паци пустили в ход огнеметы, свидетельствовало о том, что они начали переходить к активным действиям. Из–за переборки доносился вой к'гатов. Керл не испытывал желания схватиться с этими рептилеобразными монстрами, передвигающимися намного быстрее человека и защищенными превосходной кожаной броней. За свою жизнь он истребил не один десяток к'гатов на аренах Белонны или Армагаски, но он всегда бился против них один на один, а на этот раз ему придется иметь дело сразу с несколькими хорошо обученными тварями.

Гладиатор размышлял лишь долю мгновения.

Если он примет бой в этом переходе, ему удастся продержаться час, от силы два — до тех пор, пока паци не пустят в ход киборгов. Не слишком долгий срок, чтобы успеть насладиться жизнью. Если он рискнет пробраться наверх по трубе охлаждения, то проживет лишь считанные мгновения. Но тогда ему удастся отыграться не только на к'гатах или киборгах, но и на их хозяевах — паци. Керл Вельхоум ценил свою жизнь лишь потому, что она дает ему возможность сражаться с врагами и убивать их. Теперь ему предстояло умереть, и он желал отметить свой уход роскошным погребальным костром. Да будет так! Сняв с пояса мертвого Оланна Ола'ма гранату, гладиатор освободил ее от синхронизатора и засунул под остов одного из тиммеров. После этого он ползком добрался до трубы охлаждения. Несколькими выверенными импульсами Керл сбил сначала керамическую, а затем свинцовую заслонку и заполз в трехфутовый шлюз. Время от времени систему охлаждения осматривали астротехники, облаченные в специальные костюмы. Именно для этой цели были устроены переходные шлюзы, одним из которых намеревался воспользоваться Керл.

Какое–то время он сидел неподвижно, глубокими вдохами вентилируя легкие. Ему надлежало

проползти по вертикальной трубе около восьмидесяти футов, и все это на одном дыхании. Малейшее судорожное движение ртом влекло мгновенную смерть — раскаленный пар выел бы легкие. Поэтому Керл не спешил отправиться в свое последнее путешествие, хотя вот–вот должна была начаться атака. Он хотел подготовиться как следует.

— Ну что ж, — наконец сказал он сам себе. — Пора!

Керл одел похожий на шлем капюшон, скрывший сразу и голову, и лицо, и сделал глубокий, какой только смог, вдох. В тот же миг заслонка, отделявшая переходной шлюз от трубы, разделилась на восемь трапециевидных лепестков, и обжигающее облако пара поглотило гладиатора. Взорвалась болью кожа на ничем не защищенных кистях рук, горячие влажные струйки просочились сквозь щели маски. Керл поспешно шагнул в трубу и, цепляясь за скобы, полез вверх. С каждым движением боль становилась все невыносимей. Сильнее всего страдали руки. Они покрылись волдырями, затем кожа на ладонях стала трескаться и прилипать к раскаленным скобам. Вскоре подушечки пальцев превратились в комки обгорелого мяса. Раскаленное пятно

ожога охватило шею и начало медленно ползти вниз, воспламеняя грудь и живот. Керл опасался за глаза. Пока они еще были целы. По крайней мере, гладиатору хотелось так думать. Пытка огнем продолжалась целую вечность. Керл потерял счет времени и благословлял боль, которая мешала ему забыться и сделать столь лакомый вдох.

Он добрался до конца трубы и упал в распахнувшееся чрево шлюза. И даже нашел в себе силы дождаться, пока пар, что проник вместе с ним, не остынет. Лишь теперь он позволил себе вдохнуть и тут же закашлялся. А затем Керла вырвало. Кровью и мокротой из пораженного радиацией желудка. Острая боль в изъязвленном горле напомнила, что надо спешить. Стиснув от боли зубы, Керл медленно провел обваренными пальцами по магнитному клапану контейнера и извлек чоппер. Затем он откинул на спину ненужный больше капюшон. Глаза засвербило от рези, и тут же хлынули спасительные слезы. Когда они омыли зрачки и скатились по щекам, Керл обнаружил, что видит. Хуже, чем прежде, но видит.

Тщательно прицелившись, он расплавил замок свинцовой двери, затем та же участь постигла и керамическую. Приоткрыв ее, Керл осторожно

высунул голову. В переходе никого не было. Пронзительно мигали аварийные лампы, издалека доносился вой к'гатов. Керл попытался усмехнуться обожженными губами, что ему удалось не очень, и сжал синхронизатор. В тот же миг он почувствовал легкий толчок, а через несколько мгновений долетело глухое эхо взрыва. Отлично! Это должно было хоть немного сбить врагов с толку.

Гладиатор выбрался из трубы, медленно, ощущая боль в каждой клетке умирающего тела, поднялся на ноги и двинулся по направлению к навигационной рубке.

Он добрался до цели без особых помех, лишь однажды наткнувшись на паци. Это был здоровенный бородатый астромеханик с зеленым голубем на нашивках. Изуродованные пальцы Керла сомкнулись на шее врага прежде, чем тот успел крикнуть. Все остальное было несложно.

Навигационная рубка на кораблях, подобных «Инферно», всегда тщательно охранялась. В последнее время вошло в моду выставлять караулы из киборгов. Керла это вполне устраивало. Конечно, киборги имели великолепную реакцию, но было бы куда хуже, если бы вместо них оказались херувимы с к'гатами, обладавшими помимо

реакции еще и отменным нюхом.

Киборгов–онгов следовало убивать выстрелом в голову. И желательно одним выстрелом, потому что второго они просто не давали сделать. Несмотря на обожженные руки, Керл успел выстрелить трижды; ответный импульс сбил его с ног, но и падая, гладиатор ухитрился попасть обидчику промеж заполненных жидким гелием глаз.

Подниматься было тяжело. Разрывало болью желудок, гулко бухало сердце, Керл почти не чувствовал левую ногу. Его время неумолимо подходило к концу. Стиснув зубы, гладиатор подковылял к двери. Он не знал кода магнитного замка, но зато прекрасно разбирался в подобных механизмах. Нужно было уколоть мелтановой иглой между скрытыми в глубине двери розовым и зеленым проводками, что Керл и сделал. Импульс замкнул контакты в единую цепь, дверь поползла в сторону, давая Керлу пройти.

Чоппер весело плясал в его руке, выплевывая смертельные струи. Импульсы сразили адмирала А. Торбински, астрокапитана Рейна и трех астронавигаторов. Штурман успел выхватить свое оружие, и Керл с наслаждением размазал его по пульту. Затем он подошел к аварийному щиту,

разбил стекло и рёзко рванул вниз красный рубильник. В тот же миг все двери на «Инферно» с лязгом сомкнулись, рассекая корабль на сто сорок два изолированных отсека.

Лицо гладиатора ощерилось страшной гримасой, которая должна была выражать счастье. При этом его распухший язык выдавил два передних зуба, Керл тупо посмотрел на окрашенные розовой пеной комочки, упавшие у его ног. Он уже не чувствовал боли. Боль ушла, уступая место Смерти.

Смерть! Она предстала пред Керлом во всем своем омерзительном обличье. Прежде он считал, что Смерть похожа обликом на гладиатора. В доспехах — черных и обязательно залитых кровью. На деле Смерть оказалась омерзительной старухой, из которой были выпиты все жизненные соки. Увядшие щеки ее были покрыты глубокими морщинами, с всклокоченных волос падала жирная перхоть, а глаза были усталы и пусты. Во рту у старухи было всего два зуба — те самые, что выпали из прогнивших десен Керла. Гладиатор расхохотался, и Смерть обрела еще один резец.

— Подвинься! — приказал ей Керл. Он привык быть на ты со Смертью, и она уважала его за это. Смерть отошла в сторону, позволяя гладиатору

пройти к капитанскому креслу. Тяжело передвигая непослушные ноги, Керл дотащился до него и упал на синтепоновую подушку. Сердце, пронзенное мириадами нейтронов, отбивало сумасшедший ритм. Подняв вверх обваренные руки, Керл подобно пианисту уронил их на клавиши компьютера. На дисплее появились ровные строчки.

ЗАПРОС: Ближайшая звезда.

ОТВЕТ: Терта Лукреции, по универсальной классификации СКР–Х11.

ЗАПРОС: Расстояние.

ОТВЕТ: Три световых минуты.

ИМПУЛЬС К ДЕЙСТВИЮ: Курс на звезду.

ВОПРОС–ДУБЛЬ: Повторите приказ.

Занервничал, скотина! — прокомментировал Керл реакцию компьютера и отстучал:

ИМПУЛЬС К ДЕЙСТВИЮ: Курс на звезду.

ВОПРОС–ДУБЛЬ: Цель.

ПОЯСНЕНИЕ: Корабль поражен опасным вирусом. Для обеспечения безопасности Пацифиса необходимо уничтожить корабль.

ТРЕБОВАНИЕ: Отдайте приказ по инструкции № 108.

Пальцы уже не слушались. Прилагая неимоверные усилия, Керл отстучал:

ИМПУЛЬС К ДЕЙСТВИЮ: Согласно инструкции № 108. В связи с чрезвычайной ситуацией, угрожающей существованию Пацифиса, приказываю направить корабль на звезду СКР–Х11 и уничтожить его.

ОТВЕТ: Приказ принят. Приступаю к исполнению.

Едва живой Керл откинулся на спинку кресла. Спустя мгновение он почувствовал, как корабль дрогнул, и созвездие Меченосцев переместилось в левую часть обзорного иллюминатора. Он добился своего.

Добился!

И Керл запел. Из обезображенного распухшего рта летели хриплые бессвязные звуки. Он пел Луч зеленой звезды — гимн космических гладиаторов, написанный некогда его другом Пейном Урроу.

Луч зеленой звезды мое сердце пронзил,
Обжигая его, словно взгляд твоих глаз…

Он пел и мечтал прожить три минуты. Всего три минуты! И увидеть, как мир растворяется в огненном облаке звезды с таким поэтическим названием — Терта Лукреции.

Но Смерть не даровала ему такую милость. Верно, потому, что он слишком долго избегал ее. Керл умер, когда до назначенного срока оставалось лишь десять секунд. И наступила тьма.

А в нефелитовую дверь рубки стреляли из чоппероров.

Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один!!! И наступила тьма…

Почему–то его сон всегда обрывался именно на этом месте, не дожив всего десять секунд до победы. Керлу захотелось заплакать, но он не стал этого делать. Он не мог этого сделать — парализованные слезные железы были сухи, словно ручьи Калертинского нагорья. А кроме того, он знал, что стоит векам дрогнуть, она почувствует это и начнет гладить его по голове. Гладиатор ненавидел ласковые прикосновения ее рук, они мешали его сердцу ожесточиться.

И все же она заметила, что Керлу хочется плакать.

Мягкая ладонь опустилась на голову и ласково погладила жесткий ежик волос. Керл попытался стиснуть челюсти, но не смог. Он позабыл о том, что уже никогда не сможет стиснуть челюсти!

— Проснулся? Вот и хорошо. Сейчас умоемся, а потом будем завтракать. Я подумала, что тебе

надоела стряпня, которую готовит тензер, и сама сварила гайонику с подливой из настоящего банана. Ведь ты любишь бананы?

Веки Керла чуть дрогнули, что означало: да, люблю.

— Вот и хорошо.

Влажная губка обняла лицо, пощекотала под подбородком, коснулась шрама за ухом. Целая гамма непередаваемых ощущений. Прежде он и не подозревал, что обычное прикосновение может подарить целый мир. Он много о чем не подозревал.

Затем она вытерла лицо Керла салфеткой и расчесала чуть влажные волосы, а в довершение поцеловала его в губы. Он в сотый раз пожалел, что не видит ее серых глаз, умеющих быть ласковыми и беспощадными. Когда–то он целовал эти глаза, а затем смотрел в них, ожидая смерти. Но смерть не пришла. Как жаль, что она не пришла.

— Ну вот, а теперь позавтракаем.

Сильные руки подняли тело Керла и придали ему сидячее положение, подсунув под спину упругий валик. Затем Керл почувствовал, что в его рот входит пластиковый шпатель, размыкающий сначала губы, а затем и намертво стиснутые челюсти. Язык слабо уловил прикосновение жид-

кой массы. Керл не чувствовал вкуса пищи, но знал, что ест гайонику с бананом. Она никогда не обманывала его. Керл любил банан и, хотя не мог насладиться его чуть вязким прикосновением, ему все равно было приятно,

Удивительно, но глотать он не разучился. Это при том, что у него было парализовано все тело вплоть до самой мельчайшей мышцы. Челюсти не двигались, и поэтому Керл мог есть лишь жидкую пищу; возникало странное ощущение, когда она медленно скользила из пищевода в желудок. Кишечник не действовал, и все то, что не усваивалось организмом, точнее, остатками организма Керла, выводилось через катетер, вшитый вместо двенадцатиперстной кишки и выходивший наружу у основания ребер. Впрочем, потребности Керла были невелики. Много ли надо тому, у кого действуют лишь сердце, желудок, легкие, часть печени да мозг. Да еще крохотная часть нервных рецепторов, благодаря которым он может слышать и ощущать прикосновения.

Ему нужно было совсем немного. Керл с трудом сглатывал мягкую кашицу, и ласковый голос проникал в его мозг, а мягкие руки вытирали его губы.

— Вот молодец! Как мы сегодня хорошо куша-

ем! Не капризничаем…

Керл мысленно усмехнулся. Капризничаем! Интересно посмотреть, как бы это он сумел капризничать. Отказался глотать пищу? Паци стали бы кормить его с помощью зонда или внутривенных вливаний. Уж больно хотелось им явить всему миру побежденного Керла Вельхоума, Керла, Несущего смерть.

Она закончила кормить Керла и поменяла сосуд, присоединенный к катетеру. Она ушла, но затем вернулась вновь, подсела к Керлу, расстегнула рубашку на его груди и начала гладить покрытую шрамами кожу. Прикосновения были приятны, они возбуждали. Она ласково шептала, касаясь губами лица Керла. Теплое влажное дыхание ласкало щеки и волевой подбородок с неглубокой ямочкой посередине. В такие мгновения Керлу страстно хотелось, чтобы его губы ожили и впились в сладкий рот этой женщины, а сердце билось намного быстрее.

Она могла сидеть так часами. И Керл спрашивал себя: чего она добивается? Остатки ли это нежного женского чувства или она просто жалеет его? Как странно — жалеть, причинив невыносимую боль. Быть может, в ней рождалась любовь, схожая с материнской — любовь к слабому, без-

защитному, нуждающемуся в ней существу. А может быть, это была какая–то нездоровая похоть? Керл много раздумывал над этим, но не мог найти ответа. Но Керлу хотелось думать. Ему ничего не оставалось кроме того, как думать.

Он много думал. И не только над этим. Он много думал, и это помогало не сойти с ума.

А еще он вспоминал…

Керл был редким гостем на Соммете. А если и появлялся, то обычно под чужим именем, хотя сомметяне и не объявляли его вне закона, как это сделали на Тменде, Граннме, Океаниде и еще четырех планетах Пацифиса. Сомметяне были отъявленными паци, а Керл не доверял паци, в какие бы одежды они ни рядились.

В тот раз он позволил катанрянину Лайту Пазонсу уговорить себя. Лайт не был его другом — у Керла, как и у любого другого гладиатора, не было друзей. Но он относился к числу приятелей, с которыми Керл мог расслабиться и пропустить стаканчик–другой транзиосторианского вина. Лайт не имел при себе отравленного ножа и не был способен воткнуть его в спину.

Лайт и терролог Квинт Курций отправлялись на Соммету, где должны были состояться пышные торжества по поводу трехсотлетнего юбилея

Пацифистской Лиги. Керл как раз накануне выиграл турнир в Старом Плимуте. Он убил пятерых гладиаторов, среди них знаменитого Андрея Андреева, известного более как Отравленный Коготь, и заработал восемь тысяч двойных кредитов. Часть этих денег он собирался вложить в домик на полудикой планетке Элвера, а остальные прокутить. Тут–то и подвернулся Лайт со своим предложением.

Поначалу Керл не хотел лететь на Соммету. В Радужном поясе было немало злачных местечек, куда более привлекательных, чем пуританские бордели в цитадели Пацифиса, но Лайт уломал его.

Они отправились в путь на прогулочной яхте, взятой напрокат у толстяка Маркуса Визбата, владельца сети магазинов в Тараме. Перед тем, как выйти на орбиту, Керл тщательно осмотрел судно. Интуиция не подвела его. В каюте, которая по жребию досталась Лайту, он нашел цветочный горшок, на поверку оказавшийся пикринной бомбой с синхронизирующим механизмом. Где–нибудь около Фалтеи, где полно метеоритных потоков, этот горшок должен был превратиться в плазменное облако, которое прожгло б небольшую дыру в феррообшивке. На

Соммету прибыл бы гроб с тремя замороженными трупами, а несчастье приписали б на счет метеорита, случайно проскользнувшего мимо защитного экрана. Керл ясно представил себе кричащие заголовки информационных сообщений: «Великий Керл Вельхоум проиграл в схватке с метеоритом!», «Бесславная кончина Несущего смерть!» Усмехнувшись, Керл заменил синхронизирующий взрыватель, упаковал горшок в красивую коробку и послал ее «Господину Маркусу Визбату с добрыми пожеланиями». По чистой случайности коробка взорвалась в руках толстяка в тот миг, когда он принимал поздравления и подарки по поводу открытия нового супермаркета на Авеню Кактусов. Керл следил за этой церемонией по сферовизору и охнул в один голос с Лайтом и Квинтом Курцием. Синхронизатор он прицепил к золотому шнуру, который в шутку именовал ожерельем людоеда. Теперь на нем висели шестьдесят два инкрустированных замысловатой пластиковой вязью кружочка.

Путешествие до Сомметы удалось на славу. На всем пути им повстречался лишь один метеоритный поток, да и то трясло не более двух часов. Все системы корабля работали отлично, так что следить за ними нужды не было. Приятели погло-

щали пиво и древний напиток ойву. Лайт и Керл играли в шашки, а Квинт Курций развлекал их занимательными историями. Керл, в частности, узнал от него немало интересного про древнеземных гладиаторов. Он здорово удивился, когда Квинт сказал, что чопперами когда–то именовали грубо обтесанные камни, используемые дикими людьми, а уж потом это название по неведомой прихоти приклеилось к мелтановым излучателям. Квинт Курций рассказал им про Цезаря и про короля Генриха IV.

На исходе восьмого дня яхта приземлилась к космопорту Таама, главного мегаполиса Сомметы и столицы Пацифиса. Квинт и Лайт прошли таможню под своими именами, у Керла были документы на имя Джеймса Лакрицки, коммивояжера из Пояса астероидов. Космотаможенник скользнул по нему безразличным взглядом, сверив стоявший перед ним оригинал с фотографией на дисплее компьютера. На лице сомметянина не проявилось ни одной эмоции, но Керл был уверен, что тот узнал его. Трудно не узнать Керла Вельхоума, величайшего гладиатора Вселенной, чьи портреты периодически появлялись в сводках Галактических новостей.

Керла мало волновало то, что его узнали. Фаль-

шивое удостоверение личности не считалось в Содружестве большим преступлением, если только его обладатель не совершил действительно чего–нибудь тяжкого. Самым серьезным преступлением здесь считалось убийство, но между Пацифисом и Лигой Свободных Планет существовала договоренность, что смерть на гладиаторском ринге не считается убийством. Восемь планет Пацифиса признавали это соглашение с оговорками. Керл никогда не появлялся на этих планетах.

Ничего противозаконного не было и в том, что Керл имел при себе целый арсенал. В случае недоразумения с таможней он мог предъявить целых пять специальных разрешений, выданных ему правительствами Катанра, Белонны, Армагаски, Лербены и Толимиса. Поэтому он, не скрываясь, пронес с собой и чоппер, и синхронизированные гранаты, хотя последние были запрещены на Соммете.

Он вышел из здания космопорта добропорядочным гражданином Содружества, будучи при этом абсолютно уверен, что Служба Порядка Пацифиса уже известила всех заинтересованных лиц, что на Соммету прибыл гладиатор Керл Вельхоум.

Приятели остановились в «Короне принцев

Тишета». Набор удобств не слишком соответствовал звучному названию отеля, не было даже самого банального скеротинта, зато на стенах были развешены аляповатые салфеточки, на которых были вышиты заповеди Пацифиса. Керл отнесся к этому факту философски. Ему, особенно в начале карьеры, случалось, приходилось иметь куда худшее жилье.

Очутившись в номере, все трое с облегчением скинули насквозь пропотевшие комбинезоны и по очереди приняли душ. Перйым вышел Квинт Курций, тут же облачившийся в полупрозрачное трико, поверх которого он накинул шелковый плащ золотистого цвета, особенно любимого иррационалистами. Гладиатор остался верен гимпиору.

— Ты не устал от своей брони? — поинтересовался терролог, наблюдар, как Керл поправляет контейнеры у пояса. Гладиатор покачал головой.

— Нет. Я настолько привык к этой одежке, что без нее мне становится не по себе. Я чувствую себя уязвимым, словно младенец. Кроме того, мы на планете Пацифиса, а я верен принципу — никогда не оголяй зад там, где живут паци. — Заметив, что брови Квинта удивленно поползли вверх, Керл поспешно добавил:

— Я вовсе не имею в виду их противоестественные сексуальные наклонности, просто паци — большие любители стрелять в спину.

— Ты ошибаешься. Убийство противоречит морали Пацифиса.

Керл позволил себе улыбнуться.

— Как же! Как же! Заповедь третья. Я много слышал об этом, но еще чаще убеждался в обратном. Никогда не стоит оголять зад там, где живут паци!

Щелкая пневматическими застежками, гладиатор распихал по многочисленным контейнерам оружие и разного рода приспособления, которые могли пригодиться в непредвиденной ситуации. Слева — там, где ровно стучит сердце, — устроился чоппер, справа, в специальной обойме, упокоились три синхронизирующие гранаты, в контейнерах на поясе разместились нож, керамическая удавка, связка электронных отмычек, микрокомпьютер, баллончик с парализатором, радиоулавливатель, несколько энергетических жучков, пакет с трехдневным питательным рационом.

Квинт, для которого подобное представление было в новинку, заметил:

— Ты собираешься, словно на войну.

— Для меня всегда война.

— Полагаешь, на тебя могут напасть?

Гладиатор на мгновение задумался, затем отрицательно покачал головой.

— Нет. Нет, не думаю.

— Зачем же тогда все это?

— Оставь его в покое, Квинт, — вмешался в разговор Лайт Пазонс, только что вышедший из душа. — Он гладиатор, человек, совершенно не похожий на прочих. Он думает иначе, чем мы. Он действует по–другому. Он думает и действует, как гладиатор.

Керл хлопнул приятеля по плечу.

— Все верно, Лайт. — Затем он внимательно посмотрел на Квинта Курция. — У меня когда–то был друг. Его звали Гэм. Настоящий друг. Мы были знакомы с ним много лет, и я привык к нему настолько, что не опасался повернуться спиной. Однажды он выстрелил мне в спину…

Не договорив, Керл умолк. Он накинул на плечи блестящий плащ и закрепил его таким образом, чтобы неровные очертания чоппера и гранат, проступавшие через кожу гимпиора, не слишком бросались в глаза, но с другой стороны, чтобы при необходимости можно было быстро извлечь оружие. Квинт внимательно следил за

его действиями, Лайт стоял у сферозеркала и подравнивал усы.

— И что стало с этим Гэмом? — вдруг негромко спросил Квинт Курций.

— Нам пора идти, — сказал Керл, не отвечая на вопрос. — Я чертовски проголодался, а кроме того, хочу снять себе на вечер какую–нибудь пухленькую пацифисточку.

Он повернулся к двери, краем глаза уловив в зеркале отражение Лайта, делавшего Квинту Курцию какие–то знаки. Порою Лайт был невыносимо тактичен.

Лифт неторопливо повез их на крышу 19–этажной «Короны», где под стеклянным куполом находился ресторан, в котором, по уверению рекламных проспектов, во множестве разложенных в номере, можно было отведать настоящих устриц. Уставясь в серый пластик кабины, Керл сказал, и слова его были едва слышны в негромком посвисте пневматических валов:

— Его звали Гэм. Он выстрелил мне в спину, но мгновением раньше я успел броситься на землю. — Лифт остановился и гостеприимно распахнул двери. Керл вышел первым, оставляя за собой слова: — Второго выстрела он сделать не успел. Я воткнул ему в горло нож…

Они сидели на открытой террасе, любуясь закатом одного из трех сомметанских солнц. И ели настоящих устриц. Неважно, что каждая из них обошлась в три двойных кредита. Керл угощал.

— Жизнь коротка, — говорил он, без особого удовольствия высасывая полупрозрачную слизистую массу. — Кому, как не мне, знать это. Поэтому спешите насладиться ею.

— Именно так рассуждали эпикурейцы, — заметил Квинт, старательно изображавший блаженство — притворное по мнению Керла.

— Кто это такие? — поинтересовался гладиатор.

Они жили на Древней Земле. Примерно тогда же, что и гладиаторы. Эпикурейцы говорили, что жизнь существует лишь для того, чтобы наслаждаться. Эпикуреец по имени Сенека однажды заметил в письме своему другу: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владение природа, и не будь глуп — трать его во благо себе».

— Что ж, не лишено здравого смысла, — заметил Керл.

Издав короткий смешок, Квинт облизал губы.

— Император Нерон приказал Сенеке вскрыть

себе вены.

— И он послушался?

— Да.

— Странные люди. Я не понимаю их.

— Они, верно, тоже не поняли б нас.

Когда зашло последнее солнце, приятели покинули ресторан и направились к Дворцу Трех Добродетелей, на гигантской площади перед которым должны были состояться торжества, ради которых они прибыли на Соммету.

Улицы были заполнены путниками, спешащими на празднество. Людской поток заключил Керла и катанрян в свои объятия и неспешно повлек вперед. Людским его, правда, можно было назвать с определенными оговорками. Помимо гуманоидов земного типа, схожих обличьем с древнеземлянами, в толпе можно было встретить еще с десяток разновидностей разумных существ.

Чаще всего попадались геренги — плод генетического смешения землян с дикими гуманоидами планеты Гера. У геренгов была синеватая кожа и заостренные, покрытые шерстью уши; на месте носа красовалась трехкамерная перепонка, придававшая этим гуманоидам весьма свирепый вид. Но на деле геренги были добродушнейшими

ребятами. Они умели вкалывать, а потому у них водились кредиты, которые они щедро тратили. Геренги были желанными гостями как в Пацифисе, так и на Свободных планетах.

Чуть реже встречались селениты — так прозвали обитателей астероидов и всякого рода малых планеток. Жизнь в условиях слабой гравитации привела к постепенной мутации этих потомков землян. Селениты все как один были высоки ростом и хрупкого сложения. Они более чем на голову возвышались над прочей толпой, вызывая неудовольствие Керла. Он недолюбливал селенитов, выделявшихся своим коварством даже среди паци. Передвигались селениты с трудом — сказывалась значительная гравитация Сомметы.

То и дело попадались кафры — обитатели насыщенной ультрафиолетом Чегеры. Кафры были иссиня–черного цвета, на зависть поджары и широкоплечи. Их женщины были неистощимы в любовных ласках. Керл целый год содержал любовницу–кафрку.

Пару раз промелькнули бочкообразные трумпы, а на одном из перекрестков, где в живой поток вливались ручейки с боковых улочек, Керл почувствовал прикосновение чешуйчатой кожи лизавра — разумного ящера с планеты Ооо. Керл

невольно вздрогнул — не от того, что испытывал чувство отвращения к лизаврам, хотя в какой–то степени оно и существовало. Просто как–то на турнире в Тамбисе он уложил двух гладиаторов–лизавров. Они умерли в страшных конвульсиях, а из их ран сочилась зеленоватая, отвратительно пахнущая жидкость. Керлу было неприятно вспоминать этот эпизод.

Лизавр, почувствовавший конвульсивное движение человека, внимательно посмотрел на него. Болотные, с желтыми точками посередине глаза ящера встретились с голубыми глазами Керла. Лизавр узнал гладиатора и поспешил удалиться в сторону. Бешено работая локтеобразными отростками, напоминавшими диковинные наросты на древних доспехах, виденные Керлом в Музее Лиги, он продирался сквозь толпу; идущие то и дело наступали ему на хвост, и тогда лизавр громко шипел. Керл следил за ящером до тех пор, пока тот не скрылся из виду.

Еще попадались ткеры и кабанги, а по воздуху плыли крылатые полукошечки–полусобачки буммы. Одна из них долго висела над Керлом и корчила уморительные рожицы. Вероятно, бумма видела гладиатора по сферовизору.

Зажатые тисками толпы, приятели вступили

в Исторический центр мегаполиса. Здесь преобладали строения в стиле Космомодерна — много куполов и шпилей, длинные причудливые аркады, волнистые стены. Повсюду были установлены радиофоны, сообщавшие, какие развлечения ожидают сомметанцев и их гостей в эту праздничную ночь.

Когда они достигли Дворца, уже стемнело и в небе зажглись тысячи огненных шаров, заливших дома и медленно движущихся людей блеклым светом. Шары эти по случаю торжества были размещены таким образом, что составляли различные фигурные композиции — пяти– и шестиконечные звезды, круги, змейки, овалы с точечкой посередине, свастики, ромбы. Над покатой крышей Дворца несколько сотен шаров образовывали контур голубя. По карнизу тянулась бесконечная светящаяся цепочка из трех слов — МИР–РАЗУМ–ПРОГРЕСС. Слова эти были написаны на Универсале, а также восьмидесяти четырех природных языках Содружества.

Вместе со всеми Керл и его спутники — несколько раз их разлучали и лишь перед самым Дворцом им удалось встретиться вновь — прошли сквозь мраморную арку и очутились на огромной площади, служившей местом торжественных

собраний. Площадь была окружена со всех сторон трапециевидными зданиями, в стену одного из них была встроена громадная трибуна, предназначавшаяся для почетных гостей. Незримая черта делила трибуну надвое. Одну часть, значительно большую, занимали представители Пацифиса, другую — посланцы Лиги Свободных Планет. Трибуна была заполнена лишь наполовину, официальные лица продолжали прибывать по подземному конвертору из правительственного квартала Сомметы.

Керл, Лайт и Квинт Курций заняли назначенные им судьбой и толпой места и начали ждать. Начало церемонии затягивалось, кое–кто из собравшихся начали проявлять признаки нетерпения, ворча или переругиваясь с соседями. Стали раздаваться отдельные крики — таким образом выражали свое недовольство иррационалисты, во множестве пришедшие поглазеть на празднество паци.

Атмосфера накалялась не только в переносном, но и в прямом смысле. Сотни тысяч легких со свистом пожирали кислород, и вскоре стало трудно дышать. Тогда были включены огромные компрессоры, установленные под площадью. Они начали нагнетать свежий воздух, разметывая

полы ярких плащей.

Гладиатор внимательно разглядывал публику, с тревогой отмечая, что напряжение растет. Уже слышались вызывающие голоса, кое–кто из спорщиков пытался пустить в ход кулаки. Создавалось впечатление, что готовится провокация. Это косвенно подтверждало обилие порядов — агентов Службы Порядка. Целая компания их терлась вокруг Керла, а один даже попытался ненароком припасть к его груди, чтобы удостовериться, взял ли гладиатор с собой чоппер. Керл аккуратно отстранил наглеца, а затем незаметно для окружающих ударил его коленом. Поряд охнул, согнулся и надолго потерял интерес к объекту.

Керл ухмыльнулся и, поспешно повернувшись, Завел разговор с соседом справа.

— Полно народу. Наверно, интересно будет, а?

Сомметянин был весьма наивен. Он признал в Керле иррационалиста, но не обратил ни малейшего внимания на то, что вокруг них толкутся агенты Службы Порядка. Как и большинство паци, он был не прочь поругать местные порядки — естественно, вполголоса. Доверительно подмигнув Керлу, сомметянин сказал:

— Да ну! Пустая болтовня. Зато на выходе с пло-

щади всем будут давать по жетону на бесплатную выпивку и по двойному кредиту.

Гладиатор понимающе кивнул головой, мысленно посочувствовав разоткровенничавшемуся дурачку, который отныне попал под колпак Службы Порядка.

Торжество началось с получасовым опозданием. Налицо был весь Конклав Пацифиса, в том числе и одиннадцать непримиримых. Из представителей Свободных Планет не прибыли посланцы Катанра и Белонны.

Речь держал Секретарь Совета Пацифиса, он же президент Содружества, д–р Вольф Бермлер, сын сомметанского магната Нола Бермлера, которому принадлежала добрая треть Сомметы. Словам д–ра Бермлера внимали более двухсот тысяч слушателей, до отказа заполнивших площадь перед Дворцом Трех Добродетелей, и около девятисот миллионов граждан Содружества, прильнувших к экранам своих сферовизоров.

Д–р Бермлер держался уверенно, недаром он провел на трибуне большую часть своей жизни. Из встроенных в пол радиофонов летели глухие слова.

— Граждане Пацифиса и вы, уважаемые гости со Свободных Планет. Целых три столетия про-

шло с того знаменательного дня, когда жители Сомметы, Океаниды и Дирбита положили конец кровавым распрям и основали союз, который позднее был назван Пацифисом. В сомметанских анналах есть яркие свидетельства тому, как сам факт образования Пацифиса внес панику в ряды воинственных генералов, хотя в военном отношении Пацифис не представлял для них сколь–нибудь значительной угрозы. Но сила Пацифиса заключалась не в количестве книлтических установок или крейсеров с мономолекулярными ракетами, а в идеях, которые он проповедовал, идеях мира, межгалактического разоружения и разумного подхода к решению спорных проблем. Пацифисты поставили на первое место не корыстные интересы отдельных лиц или небольших групп, а общечеловеческие ценности. Эти идеи проникали в сердца людей, и ряды сторонников мира, которых в соответствии с древнеземной традицией стали именовать пацифистами, крепли изо дня в день. И это закономерно. Ведь в душе каждого человека заложено органическое отвращение к убийству, разрушению, дисгармонии — любому действу, выходящему за рамки разумных нравственных императивов. К тому же граждане Содружества

имели много примеров того, к каким катастрофам приводят войны. Взять хотя бы историю Древней Земли. Нашествия кочевников истребили великую греко–римскую цивилизацию, так называемая Тридцатилетняя война и многочисленные эпидемии, вызванные ею, сократили население материка Европа почти втрое. Во время войны, вошедшей в земную историю как вторая мировая, погиб каждый десятый житель планеты Земля. И, наконец, третья мировая война, развязанная религиозными фанатиками Запада и Востока. Она стоила жизни двенадцати миллиардам землян, а сама Земля превратилась в обугленный комок материи. Запрещение мономолекулярных видов оружия не повлекло…

Квинт Курций толкнул Керла локтем в бок.

— Здорово!

— Что?

— Я говорю, здорово чешет. Но как бы выразились древние — сказано хорошо, но это уже было сказано раньше. Эту речь сочинил для него Геродот, самая светлая голова среди террологов–сомметян.

— Геродот — это имя? — спросил Керл, удивившись такому странному созвучию.

— Что–то вроде прозвища. Так звали одного

древнего ученого.

— А… — протянул гладиатор, краем глаза отмечая, что поряды начинают проявлять подозрительную активность.

— …этим было сделано, — тряхнув копной бесцветных волос, закончил фразу д–р Бермлер. — Летели годы, и пацифистское движение набирало силу. К Пацифису присоединялись все новые и новые планеты Содружества. Напомню, что ныне членами Пацифиса являются сорок девять планет. Мы добились огромных успехов в деле установления мира и гармонии. По требованию Пацифиса запрещено применение мономолекулярного и книлтического оружия, строго ограничена численность военно–космических сил планет, не входящих в Пацифис. Мы выступаем за полное запрещение всех видов оружия, за прекращение бессмысленных убийств, которым рукоплещут жадные до кровавых зрелищ жители так называемых Свободных Планет. Пора всем понять, что разумные существа не должны совершать действий, которые не укладываются в рамки разумного сосуществования. Иррационалисты должны пересмотреть свои взгляды и признать десять заповедей Пацифиса. Я… — Что–то негромко щелкнуло, и звук исчез. Д–р Бермлер

продолжал говорить, но слов не было слышно. Он беспомощно хлопал губами, отчего становился похожим на старую, белесую, выброшенную на утопающий в ядовитом воздухе берег рыбу. Это было смешно, но Керлу становилось страшно. Предчувствия никогда не обманывали его, так случилось и в этот раз.

Видно, кому–то очень хотелось, чтобы торжества были сорваны. Сразу во многих местах вспыхнули потасовки, неподалеку раздался истошный вопль:

— Бей иррационалистов!

— Уходим! — Керл толкнул сначала Лайта, затем Квинта Курция. В тот же миг он стремительно присел, чувствуя, что какой–то предмет летит сзади в его голову. Тяжелый кулак лишь скользнул по упрямому ершику волос Керла. В следующий миг его обладатель — здоровенный детина–паци, под комбинезоном которого отчетливо проступали контуры чоппера — завизжал от боли. Керл неуловимым движением сломал ему руку.

Вот здесь–то и пригодился арсенал, захваченный гладиатором. Негромко разорвались две кассеты, наполненные слезоточивым газом. Часть толпы шарахнулась влево, другая — вправо, обра-

зуя узкий коридор, в который и устремился Керл, таща за собой ошеломленных катанрян. Впрочем, покинуть площадь желали не только они. Огромная масса людей, не ожидавших подобного развития событий, устремилась к трем аркам, через которые можно было попасть на улицы. Как ни старался Керл держаться вместе с приятелями, они все же потеряли друг друга. Обезумевшие от ужаса люди толкали и избивали преграждавших им путь. Уже включили радиофоны, чей–то голос призывал остановиться и образумиться. Но никто не прислушивался к этим увещеваниям. Люди рвались вперед, сбивая с ног и топча упавших. Керл несколько раз наступал на мягкое. Дико кричали те, кто пытались найти спасение у стен окружавших площадь зданий. Монолитная масса толпы сдавливала их, окрашивая мрамор в красный цвет. Многие стреляли из чопперов. Мелтановые струи летели со всех сторон, вонзаясь в стены, раскалывая светящиеся шары. Большинство импульсов были зеленого цвета, из чего можно было сделать вывод, что стреляют главным образом паци — иррационалисты предпочитали заряжать свои чопперы окисленным мелтаном, дававшим красный выброс.

Одна из мелтановых струек ужалила плечо

Керла. Попади она чуть выше, и тело гладиатора топтали бы уже тысячи ног. Доспех выручил и на этот раз. К своей досаде Керл не успел разглядеть стрелявшего.

Расталкивая неповоротливых паци, гладиатор наконец вырвался на простор улицы. Если не считать ожога на плече, отдавленных ног и сорванного в толчее плаща, он почти не пострадал. Забравшись на невысокую балюстраду, Керл наблюдал за бегущими, надеясь выхватить из толпы Лайта и Квинта Курция. Но оба катанрянина словно сквозь землю провалились. Оставалось надеяться, что их не растоптали и не убили шальным импульсом.

Тем временем люди, выбравшиеся с площади, не думали успокаиваться. Сквозь громкий гул голосов доносились крики о помощи, сверкали вспышки импульсов, затем грохнул ослепительно яркий взрыв плазменной гранаты. К месту волнений стали подтягиваться силы Порядка Пацифиса. На центральных улицах появились бронированные талиптеры с тремя мигающими кругами на башнях. Издалека доносился угрожающий вой к'гатов. Судя по всему, поряды намеревались принять решительные меры. Будут искать козлов отпущения и ими, естественно,

окажутся иррационалисты.

Керл ждал приятелей до тех пор, пока площадь не стали охватывать густые цепи херувимов. Тогда он покинул свой наблюдательный пункт и растворился в ночи…

Это случилось уже под утро. Уставший и довольный собою Керл возвращался в «Корону принцев Тишета». Ночные события ничуть не спутали его планов, и он осуществил свою мечту — нашел роскошную белокурую сомметанскую шлюху. Именно о такой Керл грезил, отправляясь на Соммету. Остаток ночи пролетел незаметно. Шлюха была в восторге от мужской силы странно одетого инопланетника. Керл тоже был вполне удовлетворен своей подружкой. Лишь немного мешали сирены, которые всю ночь выли в центре города.

Под утро гладиатор и сомметанская шлюха Лиззи расстались весьма довольные друг другом. Керл дал ночной бабочке триста двойных кредитов, что раз в двадцать превышало обычную таксу за подобного рода услуги.

Лиззи жила на окраине Таама. Пассажирских талиптеров в столь раннее утро не встречалось, и Керлу пришлось возвращаться в отель пешком. Он брел по прямым авеню и проспектам

города. Покрытые цементопластом тротуары были пустынны и отвратительно чисты. Похоже, их вылизывали с помощью массажных щеток. Ближе к центру стали встречаться косвенные свидетельства ночного буйства. На пластиковых окнах и стенах домов виднелись следы от камней, а кое–где и рваные дыры, выжженные мелтановыми импульсами. Талиптеры, оставленные беспечными хозяевами на обочинах, также не были оставлены без внимания. Зубчатые диски были искрошены, на крышах и пневматических дверцах были выцарапаны грубые слова. Здесь тоже пускались в ход чопперы, а один из талиптеров был разнесен в клочья гранатой. Иногда попадались лужицы засохшей крови. Судя по солидному размеру некоторых из них, кому–то пришлось здесь худо. Но ни убитых, ни раненых не было. Очевидно, их успели увезти.

Керл был уже недалеко от отеля, когда на одном из перекрестков наткнулся на группу танцующих молодых людей. Звучала негромкая музыка, девушки прижимались к парням, словно желая слиться с ними в единое целое. Пары плыли в диковинном танце, переступая через обломки камня и кровавые лужи. Ритм их движений околдовывал томлением, тягучим сладострастием.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам…

Гладиатор остановился, завороженный этим зрелищем. Внезапно одна из девушек оставила своего партнера и подошла к Керлу. Движения ее были медлительны и грациозны, словно у дикой кошки, готовой хищно встрепенуться при малейшем подозрительном шорохе. Не говоря ни слова, девушка положила тонкие руки на плечи Керла и повела его за собой. Шаг влево и чуть назад, шаг вперед и чуть вправо. Пам–рам–пари–бом–пам–рам. Прежде Керл редко отваживался танцевать, опасаясь, что будет выглядеть неуклюжим, но сейчас он переступал в такт ее ногам и чувствовал, что у него все получается. Девушка прижалась щекой к груди гладиатора, и ему вдруг страстно захотелось погладить эту щеку, бархатистую кожу которой он ощущал даже сквозь тройную броню гимпиора. И еще Керлу захотелось запеть. И он запел. Негромко. Единственную песню, которую знал.

Позабыл я о том, что когда–то любил.
И забыть я мечтаю, о чем грежу сейчас.

У этой песни был другой такт и иная музыка, но Керл сумел приспособить их к медленному

плавному танцу.

Девушка оторвала лицо от груди гладиатора и подняла пушистые ресницы. У нее были странные глаза. Чуть раскосые, как у одной ее подружки Лин, отца которой почему–то все звали Мандарином, но не черные, а светло–серые. Чуть с голубым отливом, отчего они напоминали холодный металл обшивки кораблей. Лицо ее было прекрасно и капельку капризно, а на виске билась тоненькая, похожая на синий лучик, жилка.

— Красивая песня, — шепнула девушка. Керл кивнул, соглашаясь. — Ты придумал ее сам?

— Нет. Не я. Его убили.

Керл не стал говорить, что гладиатора Пейна Урроу, сочинившего эти слова, он убил сам в честном поединке.

— Ведь тебя зовут Керл?

— Да… — после некоторой заминки ответил гладиатор.

— Я знаю твое имя. Ты сильный и красивый как бог.

Керл не уважал богов, но сравнение ему понравилось.

— Да, — прошептал он. — А как зовут тебя?

Незнакомка улыбнулась и глазами поманила

Керла к себе. Он нагнулся к лицу девушки. Она прикоснулась губами к небритой щеке, словно целуя, и шепнула:

— Вельхаум Керл.

Затем она впилась в его губы, и Керл позабыл обо всем на свете. Лишь теплые губы, гибкий и сильный язычок и плавные движения ног — пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Когда же способность к восприятию вернулась, Керл обнаружил, что находится посреди усыпанной окровавленными камнями дороги. Он медленно переступал ногами, а его руки были чуть приподняты, словно обнимая сладострастную талию. Прекрасная девушка исчезла, оставив лишь имя — Вельхаум Керл.

Что означает — Несущая смерть Керлу.

Несущая смерть…

Пам–рам–пари–бом–пам–рам. В умирающие звуки мелодии ворвался шелест крадущихся ног. Керл стряхнул с себя остатки оцепенения и огляделся. Со всех сторон к нему приближались агенты Службы Порядка…

Чоппер оказался в руке гладиатора раньше, чем тот успел о чем–либо подумать. Поряды также вскинули свое оружие, но за их спиною не было долгих лет упорных тренировок и со-

тен боев против опаснейших воинов. Восемь паци пали замертво, сраженные импульсами в голову, остальные бросились наутек. Керл же не получил ни одного попадания. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы поскорее смотаться с Сомметы. Не медля ни секунды, Керл бросился к отелю. На ходу он расстегнул один из контейнеров и извлек радиофон. Едва прилетев на Соммету, Керл настроил его на волну Службы Порядка, код которой расшифровал, подключившись к терминалу космопорта. Теперь он, по крайней мере, мог знать, что намеревается предпринять противник.

Едва гладиатор вставил радиофон в ухо, как тот заверещал целым хором голосов.

— Его видели на авеню Эйнштейна. Затем он свернул…

— Я веду его. Он бежит по бульвару Золензор к центру. Видимо…

— Внимание! Внимание! Объявляется всеобщая облава. Объект — гладиатор Керл Вельхоум. Вооружен и чрезвычайно…

Керл резко повернул направо, нырнул под арку и очутился в небольшом переулке из серых куполов, мода на которые прошла лет тридцать назад. Радиофон тут же завопил:

— Он исчез из виду! Возможно, свернул на улицу Правды или…

— Вызывайте махолеты!

— Внимание! В центр города направляются три поисковые бригады с к'гатами.

Агентами группы Ди-20 занят номер, в котором остановился Керл Вельхоум. Задержан один из его попутчиков, именующий себя Квинтом Курцием. Личность задержанного…

Керл перескочил через бетонопластиковую решетку и очутился в небольшом парке. Он не знал, где находится, но интуиция помогала ему определить примерное направление. Парк был безлюден. Скрытый от посторонних глаз буйной порослью сомметанских кустодревов, Керл позволил себе расслабиться и чуть замедлить шаг. Радиофон разрывался от воплей.

— Мы потеряли его!

— На Грант–авеню не замечен.

— Всеобщая облава…

— К'гаты прибыли к местам дислокации.

— Срочно прочесать парки Вирланера и ракеты № 2…

Спасибо за подсказку! Керл сориентировался по двум уже взошедшим солнцам и свернул с тропинки в густые заросли. Острые колючки

цеплялись за шершавую кожу гимпиора, то и дело путь Керлу преграждали полусгнившие скользкие стволы гигантского растения Таума. Чтобы преодолеть эту преграду, приходилось затрачивать немалые усилия. Но вот деревья стали редеть, и Керл увидел здоровенный монумент — каменного бородача в костюме астронавта. Это был памятник Мику Виланеру, знаменитому паци, добившемуся присоединения к Пацифису сразу трех планет. О способах, какими он действовал, сомметяне предпочитали не распространяться, а жители Феррадо, Жилма и Грагерраунда при упоминании имени Виланера обычно вздрагивали. Керл видел верхнюю половину монумента Попрошайки (таково было неофициальное прозвище каменного Виланера, стоявшего с протянутой ладонью кверху рукой) из окна своего номера. Теперь он окончательно сориентировался.

Отсюда уже можно было увидеть обрамленную прозрачными галереями крышу отеля. До него было не более двух тысяч футов. Но эти футы наверняка контролировались целой армией порядов, а вход в «Корону», как узнал Керл с помощью радиофона, блокировала бригада херувимов с к'гатами. Гладиатор представил себе розово-

мордых парней, разгуливающих по зеркальному фойе отеля и убеждающих встревоженных постояльцев, что повода для беспокойства нет. Нечего было даже думать о том, чтобы попасть в отель этим путем. Керл решил действовать иначе.

Он перелез через очередную решетку и углубился в сплетение старых улочек постдазовой застройки, когда были в моде строения с пышными фасадами, множеством ложных колонн и гиппоровых куполов, вычурными беседками и прочей архитектурной дребеденью. Обнаружить гладиатора среди этих каменных нагромождений было весьма непросто, к тому же он раздобыл неяркий плащ, спрятав от любопытных глаз слишком приметный гимпиор. Бывший обладатель плаща вдохнул парализующего газа и отдыхал в сточной канаве.

С помощью этих нехитрых уловок Керлу удалось подобраться к тыльной стене отеля. Вырезав с помощью чоппера пластиковое окно на нижнем этаже, Керл проник в один из номеров, слегка потревожив находившуюся там влюбленную парочку. Девушка была прехорошенькая, и гладиатор улыбнулся ей, выпуская синеватую струю паралитика. По аварийной лестнице Керл попал на четвертый этаж, а затем без особого труда

проник в номер 417, находящийся, как он не без основания предположил, точно над 317–м, в котором остановились гости с Катанра Лайт Пазонс, Квинт Курций и некий Джеймс Лакрицки, который на поверку оказался знаменитым гладиатором Керлом Вельхоумом.

Запирая за собой дверь, Керл поблагодарил судьбу, что еще существуют старые добрые гостиницы стиля Терра с захламленными аварийными лестницами, обычными электронными замками и без надоедливых роботов–сканнеров, подглядывающих за постояльцами из каждого угла. Смешно — еще вчера вечером он клял этот отель за то, что в нем нет сферотинта и прочих новомодных мерзостей, но сегодня он был готов объясниться ему в любви — я люблю тебя, отель «Корона принцев Тишета»!

Радиофон продолжал надрываться.

— Исчез!

— Исчез!!!

Неподалеку от парка Виланера обнаружен парализованный и ограбленный человек.

— Обыскать!

— Пункт один, как дела у вас?

— Ждем.

— Блокированы все подступы. Наши люди у

входа, просматриваются все этажи, пять специальных агентов охраняют номер, в котором остановился…

Керл рассмеялся и вынул радиофон из уха. Его трескотня порядком надоела гладиатору. Всего пять человек. Ай–яй–яй, как неосторожно! Керл быстро прикинул в уме. В их номере пять комнат, душ и утилизатор. Значит, паци не могли блокировать все помещения, а скорей всего ждут его в примыкающей к входной двери гостиной. По крайней мере, им должно было быть не до того, чтобы сидеть в утилизаторе.

Керл пожелал себе, чтобы все именно так и оказалось, после чего вытащил алмазный резак и контейнер с универсальным клеем.

Подобным штучкам его научил Табучи–Мадучи, уверявший, что состоял в отряде космических диверсантов директории Ансы. Некогда этот отряд доставлял множество хлопот Пацифису, уничтожая крейсера, захватывая карговые суда, взрывая пацифистские опорные базы на атоллах Желтой туманности, которую Анса относила к своей зоне влияния. Но в один из дней эскадры Пацифиса внезапным ударом разгромили флотилию директории и захватили непокорную планету. Большинство диверсантов сумели

скрыться и избежали ожидавшей их казни. Они укрылись на Свободных планетах. Кое–кто сменил род деятельности, другие продолжали заниматься старым ремеслом. Ведь специалисты подобного рода нужны везде и всегда. Табучи–Мадучи осел на Армагаске. Толстый и добродушный, большой любитель пива, он казался совершенно безобидным, а меж тем он знал, как убить человека одним прикосновением пальца. Керл научился у него этому и многому другому. Сейчас пришло время воспользоваться кое–какими приемами из арсенала космических диверсантов.

Первым делом Керл проверил, достаточно ли крепка балка у основания утилизатора. Затем он извлек небольшую присоску, смазал ее клеем и прилепил к пластику пола. Через ушко присоски был продет тонкий, но чрезвычайно прочный медно–керамический шнур, один конец которого Керл привязал к трубе, а второй обмотал вокруг запястья.

Тоненько, едва слышно завизжал алмазный резак. Твердая рука Керла вела его по пластиковому перекрытию, очерчивая почти идеальную окружность полутора футов в диаметре. Данную работу гораздо быстрее можно было сделать с помощью чоппера, но в этом случае паци могли

услышать звук импульсов или учуять вонь горящего пластика. Поэтому гладиатор предпочел использовать алмазный резак.

Вся работа отняла не более минуты. Вскоре аккуратно выпиленный кусок пластика дернулся и провалился на несколько дюймов вниз, шнур сдавил запястье. Непонятно, зачем Керл заглянул в образовавшуюся щель. Естественно, в утилизаторе 317–го номера никого не было, иначе в том месте, где разместилась задница Керла, была бы уже не одна дыра от импульса.

Плавно разматывая шнур, гладиатор опустил выпиленную пластину вниз, а спустя мгновение последовал за ней. Очутившись внизу, Керл затаил дыхание и прислушался. Из гостиной долетали негромкие голоса. Тогда гладиатор извлек чоппер, и началась потеха.

Дверь утилизатора с грохотом отскочила в сторону. Не говоря ни слова, Керл начал стрелять. Трое агентов рухнули мгновенно, четвертый попытался прикрыться, словно щитом, Квинтом Курцием, но Керл прострелил ему сначала руку, а когда тот, заорав от боли, оставил терролога в покое, и голову.

— Где? —спросил он беззвучно, поднимая вверх один палец. Квинт был ошеломлен случившимся,

но нашел в себе силы кивнуть в сторону одной из дверей. И тут же раздались выстрелы. Это перетрусивший паци пытался сразить Керла посланными наугад импульсами.

— Идиот! — завопил Керл, подражая выговору сомметанцев. — Своих перестреляешь. Помоги лучше скрутить его!

Агент клюнул на нехитрую уловку, и через мгновение его череп разлетелся вдребезги.

Покончив с порядами, Керл кинулся к входной двери и привалил ее контейнером для одежды. Этот солидных размеров ящик был сделан в стиле «Пионеры космоса», его массивные бронзовые бока были покрыты изображениями жарких схваток колонистов с фантастическими чудовищами. Теперь проникнуть в номер из коридора было непросто.

Стены вибрировали от множества мелтановых импульсов, когда Керл, кряхтя, втягивал Квинта Курция в утилизатор, из которого начал успешную пока операцию. Квинт был, ой, как тяжелехонек, видно, слишком любил синтетические бифштексы.

Давая ему время отдышаться и придти в себя, Керл быстро объяснял:

— Сейчас же дуй в космопорт и садись на ко-

рабль. Документы у тебя при себе?

— Да. Они лишь сняли код и тут же вернули.

Керл осклабился.

— Болваны! Надеюсь, за тобой не числится никаких грешков и у них не найдется повода задержать тебя на Соммете. Скажешь таможенникам, что спешишь на… — Керл на мгновение замялся. — Куда угодно! Придумаешь. И что у тебя нет времени ждать меня и Лайта. А где, кстати, Лайт?

Квинт Курций пожал плечами.

— Я не видел с тех пор, как выбрался с площади.

— Ладно, будем надеяться, что цел. — Керл не был сентиментален и не собирался предаваться скорби по поводу возможной гибели приятеля. — Деньги у него есть. Если объявится, доберется на пассажирском лайнере. А ты, значит, садись на яхту и немедленно взлетай.

— А как же ты?

— За меня не беспокойся. Я выкручусь.

Снизу донеслись яростные вопли. Это паци ворвались в номер и обнаружили, что пленник исчез, а их товарищи мертвы.

— Ходу! — велел Керл.

Они выскочили в коридор, и в тот же миг паль-

цы гладиатора сжали синхронизатор. Отель покачнулся от мощного взрыва. Керл бросил вторую гранату в открытые двери лифта и отправил его вниз. Через мгновение эта граната разорвется в холле, и тогда начнется паника. Керл решил выбираться из «Короны» тем же путем, что и проник сюда. Увлекая за собой Квинта, он бросился по коридору к аварийному выходу. Однако здесь их ожидала небольшая неприятность— по лестнице бегом поднимался отряд херувимов с рвущимися с цепей к'гатами. Прежде чем паци успели опомниться, Керл швырнул им под ноги последнюю гранату и сжал одновременно оба синхронизатора.

Пол взбрыкнул и начал проваливаться. Схватив приятеля за руку, гладиатор поволок его вниз прямо по валявшимся на ступенях трупам. Квинта рвало, отовсюду доносились крики о помощи и стоны. В холле ошалевшие от страха паци палили куда попало из чопперов. С верхних этажей доносился грохот. Старый отель не выдержал взрывов синхронизированных гранат и начал разваливаться.

Охраны у входа уже не было; она частью погибла от взрыва, частью разбежалась. Беглецы без особых проблем выбрались на улицу. Керл

втолкнул перепачканного зеленой блевотиной терролога в талиптер, владелец которого глазел на извергающий дым и пламя отель, и что есть сил заорал:

— В космопорт!

Сомметянин вздрогнул и повернул голову. Чоппер в руке Керла оказался достаточно убедительным доводом, чтобы паци, не прекословя, захлопнул пневматическую дверцу и рванул свою колымагу с места.

Только теперь гладиатор позволил себе обернуться и посмотреть, что же происходит там, откуда они только что выбрались.

Отель разваливался подобно карточному домику. От фасада его отпадали огромные куски камня, бетона и пластика, с грохотом обрушивавшиеся на перегороженную исковерканными талиптерами улицу. Изнутри здания доносился ужасный треск. Время от времени из отеля выскакивали ошалевшие постояльцы. Если везло, они добегали невредимыми до оцепления, где их тут же задерживали и подвергали проверке. От многих удача отворачивалась. На глазах Керла огромная глыба размазала по цементопласту женщину с грудным младенцем. Гладиатор пожал плечами и пошел прочь. За его спиной раздался грохот

— это все девятнадцать этажей отеля рухнули вниз, погребая под обломками сотни людей. Керл не обернулся. Он перевидал на своем веку немало куда более сокрушительных катастроф.

До космопорта он добрался быстрее, чем Квинт Курций. Для этого ему потребовалось лишь остановить на ближайшем углу талиптер, вырубить сидевшего в нем сомметянина и, сломя голову, гнать по взбудораженным авеню и проспектам Таама, не обращая внимания на угрожающие сирены дорожных роботов.

Взлетные площадки охранялись достаточно примитивно. Подступы к ним преграждала дёсятифутовая бетонная ограда с натянутыми поверх нее высоковольтными проводами да барьер из сканирующих лучей. Керл преодолел оба препятствия с помощью летастата — нехитрого устройства, которое имел при себе каждый опытный гладиатор. В контейнере на спине был спрятан мешок из тонкого непроницаемого пластика, соединенный баллончиком с жидким гелием. Достаточно было сломать перемычку предохранительного клапана — и газ начинал поступать в емкость. Керл так и сделал, а через мгновение взвился в воздух. Старательно загребая руками — в этот миг он был похож на тощую

летающую лягушку с огромным горбом на спине — гладиатор пролетел сначала над сканирующим барьером, а затем, поднявшись чуть выше, и над бетонной оградой. После этого Керл стравил гелий, опустился на землю, избавился от ненужного больше летастата и, приняв скучающий вид, направился к яхте.

Как он и подозревал, болваны–паци даже не побеспокоились о том, чтобы выставить около нее охрану. Вскоре Керл сидел в рубке и терпеливо ждал, когда объявится Квинт Курций. Вот наконец он вышел из переходного модуля, и отчаянно жестикулируя, направился к яхте. За ним следовали таможенники и не менее десятка порядов. Керл подозревал, что паци перед отлетом непременно обыщут яхту, и позаботился о достаточно надежном укрытии. Если хочешь хорошо спрятаться, прячься там, где тебя никто не будет искать. Достав пару ремней с магнитными присосками, Керл повис словно вампир над дверью в каюту Лайта.

Едва он успел немного освоиться в новом положении, как вся компания завалила внутрь. Паци, как и следовало ожидать, перевернули яхту вверх дном, заглянув даже в очко утилизатора, но поднять глаза вверх они так и не догадались.

Керл слышал, как один из них что–то втолковывает Квинту, но тот был непоколебим. Он орал, почему–то фальцетом:

— Я опаздываю на симпозиум террологов в Тернабе. Это моя яхта. Она записана на мое имя. Я законопослушный гражданин Содружества. Я буду жаловаться в Совет Пацифиса!

В конце концов поряд сдался и оставил Квинта в покое. Керл слышал, как по трапу протопало множество ног, затем трап въехал внутрь корабля, а внешний люк, сочно причмокнув компрессорами, захлопнулся.

Стало тихо. Лишь из–за переборки доносилось негромкое сопение рассерженного Квинта Курция, да щелкала, оживая, система обеспечения. Время шло. Квинт тянул с отлетом, а Керл не рисковал спуститься вниз, будучи уверен, что паци наверняка нашпиговали корабль подслушивающими устройствами и едва услышат его голос, немедленно блокируют яхту магнитным полем и попытаются захватить Керла. У гладиатора начали затекать ноги, когда терролог наконец решил, что больше ждать бессмысленно. Глухо взревели двигатели, и яхта стремительно взвилась вверх, заставляя Керла беспокоиться за надежность магнитных присосок.

Квинт разинул рот, когда Керл Вельхоум как ни в чем не бывало вошел в рубку, на ходу оторвав от переборки похожего на крохотную черную таблетку «жучка». Терролог пребывал в изумленном состоянии достаточно долго, чтобы Керл избавил рубку от еще двух опасных «насекомых», тут же испепелив их плазменной горелкой. Наконец Квинт с лязгом сомкнул челюсти, шмыгнул носом и выдавил:

— Но как?!

— Что — как? — прикинулся непонимающим Керл.

— Как ты здесь очутился?

— Мы, космические гладиаторы, умеем проникать даже на корабль, рассекающий волны космоса.

— Позволь мне усомниться, — заявил Квинт, но в голосе его не было уверенности.

Керл расхохотался.

— Ну ладно, я пошутил. — Он вкратце рассказал, как проник на яхту и обвел вокруг пальца искавших его паци.

— Ловко! — восхитился Квинт.

— Пустяки. — Керл сказал так отнюдь не из желания покрасоваться. Просто ему случалось проделывать куда более сложные трюки.

Гладиатор сел в кресло рядом с Квинтом, его пальцы забегали по клавишам бортового компьютера.

— А теперь давай побыстрее уберемся отсюда. Паци уже знают, что я на борту, и могут попытаться перехватить яхту.

— А откуда они могли узнать?

Керл незаметно вздохнул. Что ни говори, Квинт Курций знал много занимательных историй, но в остальном он был совершеннейшим ребенком. Керл протянул руку и снял с плеча терролога очередного «жучка».

— Видишь? — Гладиатор продемонстрировал свою находку. — Это подслушивающее устройство. Пока таможенники заговаривали тебе зубы, поряды распихали множество подобных штучек по всему кораблю. Так что сейчас они слушают нас.

— Вот сволочи! — констатировал Квинт Курций.

Керл кивнул головой в знак согласия. Совместными усилиями они ввели в компьютер новую программу, направив яхту в Пояс розовых астероидов. Это несколько удлиняло путь к Катанру, зато теперь они обходили стороной Тменд и Латинон, где яхту вполне могли подстерегать

сторожевые корветы Пацифиса.

Остаток дня приятели посвятили сбору подслушивающих «жучков». Урожай был обилен. Керл нашел двадцать шесть штук, а Квинт — пять. Приплюсовав к этому числу четырех «жучков», найденных в самом начале полета, и исходя из здравого смысла и любви агентов–паци к ровным числам, Керл предположил:

Пятнадцать «жучков» мы проглядеть не могли. Скорей всего их осталось пять. Ладно, плюнем на это дело. Чертовы паци могли прилепить их куда угодно. Когда прилетим на Катанр, я обыщу яхту с л–детектором. А впрочем, можно вернуть ее и так. Старина Маркус, я думаю, не будет в претензии.

Квинт хихикнул, и они отправились пить пиво.

Пиво было превосходное, марки ЛЛЛ — «Лотос–ландыш–лилия», — ввезенное контрабандой с Тменда.

Это пиво производилось по специальному заказу селенитов, обитавших на Красных астероидах, и было упаковано особым образом. Так как на большинстве астероидов сила гравитации отсутствовала совсем, а на остальных была очень мала, потребление там пива, как и прочих напитков,

было связано с определенными трудностями. Конструкторы ЛЛЛ разработали специальную питьевую трубочку, снабженную двумя клапанами. Оболочка упаковки протыкалась заостренным концом этой трубочки, после чего можно было спокойно тянуть пиво, не опасаясь, что стоит зазеваться — и оно покинет емкость, раскрасив каюту тысячами мыльно сверкающих шариков. С гравитацией на яхте все было в порядке, но Керл предпочитал пиво ЛЛЛ еще и потому, что в него добавляли экстракты цветов, в изобилии росших на Тменде. Эти экстракты придавали пиву своеобразный привкус, пришедшийся по нраву гладиатору.

Приятели расположились в каюте Керла и принялись праздновать успешное бегство с Сометы. Квинт довольно быстро окосел, а Керла хмель отчего–то не брал. Перед его глазами стояла девушка, с которой он танцевал этим утром. Керл отчетливо видел серые искрящиеся зрачки, чувствовал прикосновение нежных губ, обонял аромат бархатистой кожи. И такое странное имя — Вельхаум Керл. Несущая смерть…

Керл не верил, что можно умереть от любви.

Но прекрасное лицо незнакомки стояло у него перед глазами.

Гладиатор потряс головой, словно отгоняя наваждение, и единым глотком втянул в себя содержимое целой упаковки.

— Эй, Квинт, расскажи что–нибудь.

— А что? — не очень внятно поинтересовался непривычно молчаливый Квинт. Керл пожал плечами. — Хочешь, расскажу о странных обычаях племен, именовавших себя кельтами. Они жили давным–давно на Древней Земле.

— Да ну их! Надоело слушать про Землю. Расскажи лучше, как все это начиналось.

— Что все?

— Пацифис, Свободные Планеты, Содружество.

— Но тогда все равно придется начать с истории Земли.

Проткнув трубочкой очередную упаковку, гладиатор устроился поудобнее в покрытом синтетическим мехом кресле.

— Ладно, валяй!

Квинт Курций был из породы тех грамотеев, которые более всего в жизни любят продемонстрировать свою ученость. Керл в глубине души слегка презирал их. Эти грамотеи много знали, но их знания не могли пригодиться в жизни, а значит, были бесполезны. Но все же Керл порой был не прочь послушать их раскрашенные в

яркие цвета рассказы.

— Современная история началась с двух событий. Главным из них был выход человека за пределы планеты, положивший начало покорению космического пространства. Первым астронавтом был русский по имени Гагарин.

— Знаю, знаю. Ему поставлен огромный памятник в Новой Москве на Пунагрисе.

— Верно. — Люк присосался к трубочке и сделал пару глотков. — Другим событием, коренным образом изменившим развитие Древней Земли, было открытие ядерных процессов. Первое стало благом для Земли, второе — причиной ее гибели.

Потребовалось целое столетие, прежде чем люди сумели достичь земного солнца. И лишь с изобретением ортонных двигателей и ти–компьютеров они смогли отправиться в другие системы. В течение нескольких десятков лет было открыто более пятидесяти пригодных для жизни планет, началась так называемая Малая колонизация.

Освоение космического пространства шло успешно, а тем временем Древнюю Землю раздирали противоречия. Это может показаться невероятным, но земляне, хотя и достигли весьма высокого уровня развития, продолжали верить

в так называемых богов. Ты, верно, знаешь, что это такое. — Керл причмокнул губами и кивнул. — Так вот, богов этих становилось все больше и больше, и между приверженцами различных верований то и дело вспыхивали конфликты. Поначалу противоборство сводилось к информационной и психологической войне, но со временем земляне стали все чаще прибегать к оружию. Дело осложнялось еще и тем, что две древнеземные супердержавы, так называемый Западно–Христианский Союз и Всеамериканское содружество, которые до этого, угрожая мономолекулярным оружием, предотвращали крупные конфликты, ослабли из–за внутренних междоусобиц, развязанных сторонниками различных богов.

Вначале война вспыхнула в части Земли, именовавшейся Ближним Востоком, постепенно в нее втянулись все крупные государства, но ни одно из них долгое время не решалось применить мономолекулярное оружие. Боевые действия велись не один год; все это время Землю покидали сотни космических лайнеров, заполненных людьми, ищущими спасения от ужасов войны на других планетах. Это была так называемая Большая колонизация.

Теперь колонизация велась не так хаотично, как прежде. Стремясь обеспечить себе надежный тыл за пределами Земли, древнеземные государства вели планомерное заселение планет лишь своими колонистами. Таким образом, за пределами Земли постепенно образовались планетарные блоки, враждебные друг другу. Так, четырнадцать планет поддерживали Всеамериканское содружество, восемь — Великую Россию. По четыре собственных планеты имели Западнохристианский Союз, Японо–Корея, Бразильская конфедерация и Северо–африканский тон–блок.

Печально, но именно в космосе было впервые применено термоядерное оружие. Русские переселенцы с планеты Волга подвергли мономолекулярной атаке базы на Хонсю и Сомикоре, заселенные японо–корейскими колонистами. Яки нанесли ответный удар по Великой России на Земле, использовав только что изобретенное книлтическое оружие. В результате на четвертой части земной поверхности было уничтожено все живое.

Затем началась всеобщая катастрофа. Мусульмане обстреляли мономолекулярными ракетами города Западнохристианского Союза. Всеамериканское содружество исчезло в огне

термоядерных взрывов, устроенных фанатиками–террористами всех двадцати четырех вероисповеданий, официально признанных во Всеаме. В один из дней, когда небо уже было сплошь покрыто слоем радиоактивных багровых облаков, было объявлено о сошествии на Землю Будды, Магомета, Христа, Ахурамазды, Тигантры, Атфотуса, Сатаны и множества других божеств и пророков. Проповедники возвестили о том, что наступил день всеобщего суда. Это был последний день Земли. Как только стартовали космические корабли, увозившие на своем борту уцелевших президентов, королей и пророков одиннадцати ведущих церквей, взорвались громадные ядерные арсеналы в Нью–Мичигане, Туремчибо, австралийском Буллу. Грандиозные взрывы разорвали планетарную кору, открыв путь кипящей магме, воздух наполнился раскаленными газами, в небе зародились черные вихри. Почти вся органическая материя мгновенно погибла. Уцелели лишь некоторые простейшие микроорганизмы, но и они подверглись сильным мутациям и впоследствии вымерли. Так погибла Земля…

Квинт Курций отбросил прилипшую к влажному лбу прядь волос и перевел дух. Он так увлекся рассказом, что совершенно позабыл о пиве. Керл,

напротив, методично уничтожал упаковку за упаковкой.

Стержень, связывавший планеты в единое целое, был уничтожен. Отныне они оказались предоставлены сами себе. Это привело к новому всплеску насилия. Правительства большинства планет оказались, правда, достаточно благоразумны, чтобы не допустить на свою территорию бежавших с Земли пророков, но войны тем не менее продолжались. Это были уже не религиозные, а скорее планетарно–национальные войны.

Памятуя о той страшной участи, что постигла Землю, колонисты, не сговариваясь, отказались от использования в межпланетных войнах мономолекулярного оружия. Упорствовали лишь Магриб, заселенный фанатиками–мусульманами, да Планета десяти богов, на которой обосновались бежавшие с Земли пророки. Они продолжали применять термоядерное оружие, в частности, против Тменда, Посьерры и Белонны. Тогда главы восьми самых сильных государств встретились на Соммете и заключили договор об образовании Планетарного Содружества. Затем они организовали совместную экспедицию сначала против Планеты десяти пророков, а затем против Магриба. Все живое на этих планетах

было уничтожено. Как только исчезли два основных виновника межпланетных раздоров, войны стали постепенно затихать.

— Бермлер приписал эту заслугу Пацифису, — заметил Керл.

Квинт Курций махнул рукой.

— Какой там еще Пацифис! Когда Соммета, Гранима и Океанида заключили между собой тройной договор, войны уже почти не велись. Иногда возникали мелкие конфликты из–за спорных территорий, но, как правило, они быстро улаживались мирным путем. Пацифис был образован вовсе не за тем, чтобы искоренить войны. Его основатели преследовали совсем иную цель. И Соммета, и Гранима, и Океания да со времен Малой цивилизации были самыми влиятельными планетами в Содружестве, но постепенно их начали оттеснять на второй план Белонна с ее богатейшими природными ресурсами, предприимчивая Гера, заселенная Яками Хонсю и Посьерра. Встревоженные падением своего влияния сомметяне предложили океанцам и граннмянам сделку, которая позволяла этим трем планетам занять главенствующее место в Содружестве. Вскоре после возникновения Тройного союза к нему присоединились еще

восемь планет, находившихся в зависимости от Сомметы и Гранимы. Новое образование стали именовать Пацифистской Лигой. С тех пор началась безудержная экспансия Пацифиса. Через пятьдесят универсальных лет в него входила уже двадцать одна планета, через сто — тридцать четыре. Пацифисты вернулись к старым методам и стали решать возникающие конфликты силой. Войска Пацифиса оккупировали Близнецовые планеты, Толимис и Жилм. Тогда восемнадцать планет во главе с Белонной подписали договоры о взаимопомощи и объединились в Лигу Свободных Планет, провозгласив себя приверженцами иррационального мировоззрения, основы которого были разработаны лербенцем Казимиром Моком. Если пацифисты ставили на первое место мир и благополучие общества, иррационалисты признавали главенство интересов человека. И таким этот мир…

— Пам–рам–пари–бом–пари–рам.

Керл очнулся словно от неясного толчка. Накануне усталость взяла свое, и он уснул, так и не дослушав до конца рассказ Квинта Курция. Гладиатор глубоко вздохнул и окончательно вернулся из сна в реальность. Гимпиор влажно прилип к телу, голова болела. Немудрено, накануне он

здорово перебрал. Но отчего–то стучало сердце… Керл задумался: что же могло взволновать его?

— Чепуха какая–то! — С этими словами Керл отправился в утилизатор, но на полпути передумал и, сам не понимая почему, повернул в сторону рубки. Повинуясь желанию человека, наступившего на контрольную пластину, дверь с ровным гулом раскололась на три части, давая Керлу войти. На первый взгляд все было нормально. Неспешно перемигивались лампочки на пульте управления, за обзорным экраном жирно блестела черная пустота, наполненная мириадами блесток–звезд. Но… Керл озадаченно прищурился, его лоб пересекла суровая морщина. Судя по очертаниям созвездий, корабль сбился с курса и шел в направлении Ожерелья Тонгиона. Сбой в компьютере? Быть может, паци успели покопаться в нем? И что это за странные точки мелькают на экране радара?

Гладиатор быстро сел в кресло и потребовал от компьютера дать определение космических объектов, стремительно приближающихся к яхте. Через несколько мгновений на дисплее высветился ответ.

Опознавательные сигналы кораблей военного флота планеты Тменд. Лидер «Торжество Пацифи-

са-3» и корветы номер семнадцать, одиннадцать… — На дисплее появлялись все новые строки, но Керл уже не вникал в их смысл. Быстро нажимая клавиши, он вводил новый курс — поворот все вдруг и на полной скорости к Белонне, куда тмендские корабли не рискнут сунуться. Пальцы гладиатора стремительно летали по клавиатуре, по спине текли ручейки холодного пота.

Внезапно Керл почувствовал, что в его затылок уперлось что–то твердое.

— Сиди спокойно, Керл. И не делай резких движений.

Это был голос Квинта Курция, но как не похожи были эти с холодной отчетливостью сказанные слова на бессвязные торопливые фразы, вылетавшие из уст терролога прежде. В этом голосе были властность и торжество.

— Ты глупец. Неужели ты думал, что Пацифис позволит тебе уйти безнаказанным? Мы давно охотимся за тобой, гладиатор Керл Вельхоум.

— Но ты же катанрянин! — выдавил Керл сквозь зубы.

— Да, я катанрянин, принявший идеи Пацифиса.

— Вчера ты говорил совсем другое.

— Хороший актер должен уметь сыграть лю-

бую роль.

— А ты, значит, считаешь себя хорошим актером?

— Да, — подтвердил Квинт Курций и добавил: — Тебя будут судить на Соммете как опасного преступника!

Керл знал, что переполненный самодовольством человек в конце подобной выспренной фразы обычно немного задирает голову вверх, словно любуясь собой, и что в такие мгновения он обычно теряет бдительность.

Резко осев в кресле с расчетом, чтобы голова оказалась прикрыта бронированной спинкой, Керл выбросил правую руку вверх. Грянул выстрел. Импульс прошел над головой Керла и растворился в защитном экране. Пальцы гладиатора поймали запястье Квинта Курция, последовал резкий рывок. Терролог с воплем перелетел через кресло и врезался в сферомониторы, расположенные над пультом управления.

Керл скинул мертвое тело вниз и брезгливо отер пальцы о штаны. Возня с мерзавцем отняла слишком много времени, и теперь он не мог ускользнуть от быстроходных корветов, уже взявших яхту в клещи.

Они хотят судить его на Соммете. Керл расхохо-

тался. Пусть его судьей будет Космос. А заодно и их, если повезет!

Корабли Пацифиса стремительно приближались. Гладиатор какое–то время следил за тем, как ярко–зеленые точки неуклонно подползают к черному кружку в центре экрана локатора. Затем он сходил в каюту и взял пару упаковок пива. Больше выпить он вряд ли успеет.

Вскоре вражеские корабли подошли столь близко, что стали видны невооруженным глазом. В обзорном экране мелькнул похожий на стремительную каплю фрегат — всего их было пять, — затем показался огромный лидер. Керл впервые видел подобного монстра столь близко.

Космический броненосец потрясал своими размерами и причудливостью очертаний. По его громадному телу были разбросаны сотни различных надстроек — кубы, сферы, модули, похожие на гигантские металлические кристаллы. Все это казалось хаотическим нагромождением, порождением буйной фантазии, но Керл знал, что каждая из надстроек имеет свое назначение и располагается в данном месте строго в соответствии с десятками всевозможных требований.

Вскоре громада тмендского корабля закрыла весь обзорный экран. Мощное силовое поле, со-

зданное магнитными излучателями, замедлило ход яхты и заставило ее следовать курсом, параллельным курсу лидера. Глухо щелкнули захваты. Гладиатор открыл вторую упаковку пива. ЛЛЛ сегодня было особенно вкусно.

Он потягивал прохладную кисловатую жидкость мелкими глоточками, наблюдая за тем, как одна из призм на тулове лидера раскололась надвое, открывая нутро огромного ангара. Керл живо представил себе, как завывают вакуумные насосы, спеша втянуть в себя остатки драгоценного воздуха. Прошло еще несколько мгновений, и захваты потянули плененную яхту к махине лидера.

Бездонная чернота космоса сменилась серостью тюремных стен. Керл медленно плыл мимо забранных прозрачным пластиком галерей, за которыми стояли сотни паци. Их разделяло всего несколько десятков футов, и Керл отчетливо видел ухмыляющиеся физиономии врагов. Они тоже видели его и торжествующе поднимали вверх указательный палец. Гладиатор с удовольствием представил, как их ликование исчезает в раскаленном облаке взрыва.

Пора! Керл нажал на большую черную кнопку, приткнувшуюся на самом краю панели. Брызнул

пластиковыми осколками предохранительный футляр, и на свет появился алый с тремя синими полосками стержень. Гладиаторы называли его «Последним другом». Стоит надавить на этот столбик пальцем — и через десять секунд сработает механизм самоуничтожения, и яхта превратится в огромный ослепительно яркий цветок, энергия которого раскидает на сотни световых дней исковерканные модули «Торжества Пацифиса».

Керл положил указательный палец на «Последнего друга» и… Подобная оплошность случилась с ним впервые в жизни. Прежде Керл всегда неуклонно следовал правилу — убедись в смерти своего врага. Теперь эта оплошность стоила ему — не жизни, с жизнью он уже простился — она стоила ему роскошного погребального костра, который уже не вспыхнет в космической ночи, и великолепной легенды о красивой смерти Керла Вельхоума, которую уже не споют космические бродяги–карвы.

Импульс, посланный внезапно ожившим Квинтом Курцием, пробил Керлу затылок. Рука судорожно дернулась и упала, так и не выполнив своей последней миссии. Но инерция мелтанового удара бросила гладиатора на пульт — прямо

на «Последнего друга»; то, что не успела сделать рука Несущего смерть, сделала его окровавленная голова.

«Последний друг» с глухим звоном скрылся в недрах тревожно завывшей панели.

И пошел отсчет времени.

Десять, девять, восемь, семь, шесть…

Квинт Курций визжал, широко открывая рот.

… пять, четыре, три, два, один…!

И был взрыв. Взрыв, ослепительная вспышка которого была замечена астронаблюдателями четырнадцати планет Содружества. Прощальный салют в честь гладиатора Керла Вельхоума.

Но Керл не дожил до взрыва десять мгновений…

Он лежал и прислушивался к гулким ударам сердца. В горле ворочался липкий ком. Керлу хотелось плакать. И предательски дрожали ресницы.

Она была как всегда рядом. Керл в который раз поразился этой ее способности. Казалось, она вообще не спала. Впрочем, вполне возможно, она могла себе это позволить.

И вот его лицо вновь ощущало прикосновение нежных рук, а слух обволакивала патока ласковых слов.

— Ты великолепно сегодня выглядишь. Хорошо спал?

Керл кивнул ресницами. Ей вовсе незачем знать, какие сны он видит. Иначе она отберет и сны. А сны — единственное, что у него осталось.

Сегодня был день генеральной уборки. Сильные руки раздели Керла, затем он почувствовал, что его тело поднимается в воздух, плывет и плавно опускается в теплую жидкость. Она пузырилась мелкими комочками воздуха, а по поверхности плавали мягкие хлопья, издававшие вкусный запах. Неудачно нахмурив брови, Керл попытался вспомнить, где он встречал этот тонкий с серебристыми прожилками аромат. Серебристые прожилки и бело–голубые лепестки. Конечно же, это ландыш. Его обожала малышка Кэрол, с которой он развлекался пару лет назад. Ее отец Том Гровн был редчайшим экземпляром — гладиатор, счастливо доживший до старости. Правда, Том провел не так уж много боев, но сам факт, что он дожил до сорока и был торжественно препровожден на отдых, свидетельствовал о невероятном везении. Керл познакомился с ним, когда бывшему гладиатору было уже под семьдесят. Том прошел два курса гипноомоложения и выглядел молодцом. Реакция его оставалась вполне при-

личной, а стрелял он не хуже Керла. Керл вполне серьезно посоветовал отставному гладиатору вернуться на арену. Гильдия переживала не лучшие времена. Хороших гладиаторов осталось мало, а приток молодежи уменьшился. К тому же новички, еще толком ничему не научившиеся, спешили делать деньги и обычно гибли в первом же поединке. Том обратил это предложение в шутку. Затем они пили сладковатое везуанское пиво. Том вспоминал былое, а Керл вежливо слушал, думая о своем. Несмотря на свою грозную славу, Керл Вельхоум не рассчитывал дожить до старости и уйти под торжественные звуки Гренадского оркестра, сжимая в потной руке сертификат на пожизненную пенсию от Гильдии. Он слишком много дрался и рано или поздно его должны были убить. А если судьба даже дарует ему шанс дожить до сорока — срока, определенного правилами Гильдии, Керл подозревал, что он вряд ли сможет расстаться с ареной. Жизнь без постоянного риска казалась ему слишком пресной. Керл рассеянно слушал болтовню отставного гладиатора и из вежливости кивал головой. А затем пришла Кэрол. Она была премиленькой и вызывала желание, а когда Керл узнал, что она замужем за бригадиром–паци, ему захотелось

ее еще больше. Их имена удивительно красиво звучали вместе — Керл–Кэрол. Заполучить ее в свою постель, как и предполагал Керл, оказалось совсем несложно. Мало какая женщина могла устоять перед Керлом Вельхоумом — загадочным, страшно–обаятельным. Имя Несущий смерть действовало безотказно, но даже зовись Керл иначе и не будь его репутация столь привлекательна для женщин, он все равно имел бы у них успех. Женщины находили этого высокого шатена с голубыми глазами и твердыми, чуть асимметричными чертами лица, неотразимо обаятельным. Ах, малышка Кэрол! Она была очаровательна, а ее кожа пахла ландышем. Ее муж знал, что они встречаются, но боялся пикнуть.

Керл вздохнул и едва не подавился пеной. Это не осталось незамеченным, и сильные руки приподняли голову Керла, водрузив ее на упругий пластиковый валик.

Керл лежал и чувствовал, как невесомая пыль оставляет поры полумертвой кожи. Временами ему казалось, что вместе с пылью отстает и эпидермис. Слой за слоем. Скоро кожа отпадет совсем, и обнажатся покрытые полупрозрачной пленкой мышцы. А затем и они начнут распадаться. Тоненькими длинными волокнами — пока не

останутся лишь белые кости. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы наполненная щелочью вода растворила скелет? Лишь череп будет лежать на пластиковом валике и ухмыляться.

— Бедный Йорик!

Интересно, откуда выплыла эта странная фраза? Керл чуть пошевелил плотно сжатыми губами, пытаясь повторить:

— Бедный Йорик!

— Сделать похолоднее?

Он не ответил. Откуда она знает, что Керл любит холодную воду? Раньше он всегда мылся лишь ледяной водой и презирал шампуни, жидкое мыло, разного рода губки, щеточки и аквамассажеры. Откуда она все это знает? Чувствует? Или, может быть, вызубрила наизусть досье на гладиатора Керла Вельхоума?

Должно быть, он неважно выглядит. Тело исхудало и покрылось синими пролежнями; атрофированные руки и ноги напоминают корявые сучья погруженного в липкий ил дерева. Неважно.

В первый раз ему было очень неприятно, когда она положила его тело в ванну. Беспомощный, лишенный одежды, уродливо–неподвижный, доступный чужим взорам. Он и прежде редко

раздевался, тем более на людях, проводя большую часть жизни под броней гимпиора. Очутившись в ванне, которую заливали яркие лучи света — он чувствовал их кожей, — Керлу захотелось спрятаться или хотя бы перевернуться на живот. Но он знал, что не сможет сделать этого. Гораздо проще было умереть, но и это было недоступно. Она зорко следила за тем, чтобы Керл не захлебнулся. Вскрыть бы себе вены, подобно этому, как его… О ком рассказывал Квинт Курций.

Старина Квинт! Славную недельку они провели тогда на Соммете. Керл мысленно улыбнулся, вспомнив кривые рожи порядов, когда на его удостоверении ставили выездную визу. Он не доставил им удовольствия скомпрометировать себя и не поддался ни на одну их провокацию. Паци лишь осталось пожелать Керлу доброго пути. А он послал им воздушный поцелуй. Это было великолепно!

Она словно почувствовала, что Керлу хочется лечь на живот. Руки приподняли негнущееся тело и перевернули его. Голова вновь оказалась на мягком валике. Где–то у самого носа плескала вода. Если бы Керл мог высунуть язык, то, верно, дотянулся б до нее. Что–то шершавое и мягкое одновременно принялось тереть спину.

Это было приятно, и Керлу захотелось зажмуриться. Как жмурится кошка, когда ей чешут за ухом. Теплая волна пробилась сквозь кожу в омертвелые мускулы. Керл попробовал пошевелиться. Нет, только показалось. А как бы было великолепно, если бы его тело вдруг ожило, он встал и сомкнул пальцы на тонкой шее.

Гладиатор Керл Вельхоум.

Шея обычно тоненько хрустит, если ее сильно сдавить пальцами. И тут же становится скользкой от крови.

Интересно, успела бы она удивиться?

Интересно, смог бы он сомкнуть пальцы?

Шершавое коснулось пяток. Стало чуть щекотно. Затем мягкие руки обработали пальцы ног, вычищая несуществующую грязь.

Тело Керла вернулось в исходное положение. Шершавое коснулось груди, живота, (малыш, ты не слишком привлекательно смотришься!), ног. Точно так же делала Гэй с Оргуски, подобравшая его, раненного, у своего дома. Керл тогда был еще молокососом и по собственной глупости имел неприятную встречу с ночным патрулем. Он не помнил точно, сколько президентских леопардов он уложил и как сумел уйти от погони. Гэй подобрала его, спрятала и долго лечила. Скорей

считала, что лечила. На Керле обычно все заживало, как на кошке. Он мог уже на третий день покинуть ее дом, но на него была объявлена охота, и гладиатор счел, что лучше отсидеться. Гэй точно так же купала его, медленно ведя рукой от иссеченной синеватыми венами шеи к ногам. Где–то на полпути она обычно возбуждалась и, не снимая халата, лезла в воду. Тяжелая ткань набухала и неохотно пропускала руки Керла к округлым бедрам.

Она начала теребить его шевелюру. Волосы пока жили, но Керл подозревал, что скоро они начнут выпадать. Облысев, его голова будет смотреться весьма уродливо.

Зажурчала, убегая, вода. Керл был извлечен из ванны и помещен в сушильню. Горячие струи приятно обжигали тело, теплыми язычками проникая в самые крохотные щели. Это смутно напомнило Керлу его безумное путешествие по Огненной пустыне в Мераске. Это было давно, когда он был горяч и неумен. Как–то Керл поспорил, что пересечет пустыню в Мераске — самое страшное место на планетах Содружества. Пари равнялось десяти тысячам кредитов. Керлу было известно, что пройти надо всего шестнадцать миль, что температура здесь достигает семидеся-

ти градусов по Цельсию. Он знал обо всем этом, но не предполагал, что значит семьдесят по Цельсию. Он не предполагал, что значит шестнадцать миль, когда воздух напоминает расплавленный кисель, вязко обжигающий рот и трахею. Условия пари были жесткими, и он должен был идти без сопровождения гиппера. Если бы Керл упал, то так бы там и остался. Керлу захотелось упасть уже после первой мили. Но он стиснул зубы покрепче — тогда он еще мог это сделать — и шел. Каждый глоток воздуха был невообразимой пыткой, лицо и обнаженные кисти рук горели так, словно на них капали кислоту.

Он пришел к роднику, где его ждали, через десять часов. Лицо и руки были багрового цвета, одежда превратилась в пропитанный солью панцирь. Отправляясь на эту веселую прогулку, он весил двести десять фунтов, когда же его взвесили в госпитале — всего сто пятьдесят. Местный док сказал, что организм обезвожен до такой степени, что Керлу не выкарабкаться. Организм был и впрямь порядком обезвожен — когда по ноге Керла стучали пальцами, раздавался глухой стук, словно от соприкосновения с доской. В остальном доктор ошибся. Керл не только выжил, но через семь дней покинул госпиталь, дав зарок никогда

не впутываться в подобные авантюры. Весь его выигрыш ушел на лечение. Через месяц на турнире в Лондоне он убил пятерых противников.

Кожа ощутила легкое прикосновение материи. Керла облачили в чистые брюки и куртку. Затем он почувствовал, что вновь летит по воздуху, поддерживаемый ее руками. Неужели она столь сильна? Если так, то Керл проявил большую оплошность, недооценив ее. А скорей всего, он здорово потерял в весе. Не меньше сорока фунтов. Скоро его придется помещать под капельницу.

А пока она кормила своего пленника с ложечки, заверяя, что сегодня он ест клубничный мусс. Керл не чувствовал вкуса, но ему хотелось верить, что это правда. Еще он не отказался бы от бокала хорошего пива, но она не предлагала ему пиво, а попросить об этом Керл не мог. Не мог…

На Новой России в свое время пользовалась популярностью водка «Витязь Илья», на этикетке которой был изображен здоровенный бородатый тип с увесистой дубиной в руке. Кто такой витязь и кто такой Илья, никто толком объяснить не мог, но валила эта штука с ног подобно дубине этикеточного бородача.

Керл никогда не пил перед боем ничего, кроме сока, зато Диг Фейстерс глотал стакан за ста-

каном. Завтра им предстояло драться. Сначала парой против команды из шести новичков, а затем, если оба уцелеют, и не получат серьезных ран, друг против друга.

Они сидели в баре «Гибель трусливых паци» и обсуждали план предстоящего поединка. Говорил больше Дик, а Керл потягивал свой сок и разглядывал раскрашенный под мореный дуб потолок. Ему было наплевать, какие ловушки могул придумать шесть молодых недоумков, которым по сценарию отводилась роль добычи. Это были статисты, обреченные на смерть, а в лучшем для них случае на увечье. Мысли Керла куда больше занимал возможный поединок с Дигом Фейстерсом, которого он безусловно уважал хотя бы потому, что Диг был лет на пять старше его и имел на своем счету больше сотни побед, а кроме того, Керла восхищала поразительная способность Дига восстанавливать силы. Фейстерс мог дотемна тренироваться на стадиуме, а затем всю ночь поглощать крепчайшие коктейли и заниматься любовью сразу с несколькими шлюхами. Наутро же он выглядел бодрым и свежим, словно целые сутки пронежился в постели. Прежде им приходилось драться вместе лишь раз. Это было на Армагаске. Тогда они работали

вчетвером с Розовым Полем и еще одним парнем, имени которого Керл не помнил. Против них сражались восемь гладиаторов–кафров — сильная, спаянная команда, выигравшая не один бой. Керл убил четверых, Диг — троих. Розовый Поль был ранен в самом начале поединка, но все же сумел выпустить кишки одному кафру. Парень, имени которого Керл не помнил, не успел сделать ни одного выстрела. Верно, потому Керл и не запомнил его имя. Диг показал себя тогда великолепным бойцом, и Керлу не хотелось встречаться с ним в очном поединке. Не то чтоб он опасался Дига — Керл знал, что дерется лучше, — просто Фейстерс был превосходным гладиатором, каких осталось совсем немного. Если погибнет и он, могут настать времена, когда Керлу будет не с кем померяться силой.

Диг проглотил шестой стаканчик и потребовал еще один.

— Тебе не кажется, что уже достаточно?

— Брось, Керл! Не будь занудой.

— Как знаешь, Дигги. Но я бы на твоем месте остановился.

— А я бы на своем ни за что. Скажи лучше, ты слышал что–нибудь о гладиаторах–паци?

Керл пожал плечами.

— Макс Терраунд говорил мне, что на турнире в Нервегуте пожелали принять участие двое парней, не входящих в Гильдию. Правилами это не запрещено, поэтому тургер поставил против них пару новичков. Ставки, говорят, были весьма высоки. Дилетанты дрались хорошо и победили, хотя и были ранены. После того, как они получили деньги и смотались, прошел слух, что одного из этих парней видели в Атлантик–Мехико и будто он вел себя как отъявленный паци.

Диг пригубил своего «Илью», шлепнул стаканчик на стойку и, проведя пальцем по щеточке усов, заявил:

— Выходит, эти паци наплевали на все свои принципы ради того, чтобы заработать быстрые деньги.

— Выходит, что так. А может быть, Совет Пацифиса затеял какую–то игру.

— Хотел бы я оторвать яйца какому–нибудь паци! Ты не знаешь случайно, на турнире не будут участвовать какие–нибудь дилетанты?

Керл с усмешкой посмотрел на Дига.

— Тебе мало неприятностей, приключившихся с тобой в Баграсе?

Диг продемонстрировал искусственную челюсть, одарив Керла белозубой улыбкой. Баграс-

ские похождения относились к числу самых приятных его воспоминаний. Празднуя свой успех на турнире в Ладенте, Диг разошелся во взглядах с местными паци. Спор перерос в потасовку, в которой баграссцам пришлось несладко. Корогеры, местные стражи порядка, попытались успокоить драчуна. Сначала Диг беседовал с ними кулаками, затем раззадорился и извлек чоппер. Он перебил корогеров всех до единого, после чего ухитрился благополучно покинуть планету. Нелишне упомянуть, что вскоре местный парламент принял закон, запрещавший гладиаторам посещать Баграс. Диг как раз собирался поведать о том, как ловко он расправился с паци, но Керл не был расположен выслушивать эту историю вновь. Он поднялся с табурета и расплатился за свой сок.

— Завтра рано вставать. Пойдем отдыхать.

— Ты иди. Я тебя догоню.

— Как знаешь.

Диг так и не догнал Керла. Скорей всего, он заказал восьмой стаканчик и принялся рассказывать кабатчику о своих похождениях на Баграсе.

Наутро Диг Фейстерс выглядел как всегда великолепно. Было шесть часов по местному циклу. Керл и Диг стояли на отгороженной невысоким

барьером площадке по правую сторону от сфероэкрана, на котором стремительно мелькали цифры ставок. Расклад был сегодня пять к одному в их пользу. В случае очного поединка Керла Вельхоума ценили вдвое выше, чем Дига Фейстерса.

Неподалеку от Керла и его напарника стояли шесть гладиаторов–новичков. Они старались выглядеть воинственно, но на деле были явно смущены направленными на них сферокамерами. Керл, позевывая, — перед боем его обычно одолевала судорожная зевота — рассматривал своих противников. По виду они были ничего себе — атлетичные, настороженные, со взрывными мышцами. Их мощные торсы были буквально увешаны оружием; создавалось впечатление, что эти парни собираются воевать с целой армией.

Начало поединка затягивалось. Где–то пропадал один из тургеров — судей, которые с помощью мониторов следили за соблюдением правил. Толпа, собравшаяся на Площади игр, постепенно заводилась. Болельщики то тянули бесконечное «пель–пель», то начинали скандировать имена любимых гладиаторов, нетерпеливо поглядывая на матовые пластины сфероэкранов. Ставки на Керла и Дига выросли до шести к одному.

Наконец последний тургер прибыл. Делая вид,

что не замечает недружелюбных взглядов зрителей, он проскочил мимо гладиаторов и исчез в контрольном модуле. Вскоре оттуда появился глашатай, пригласивший внутрь сначала новичков, а затем Керла и Дига.

Началась обычная процедура оформления поединка. Гладиаторы заполнили типовые формуляры, гласившие, что данные лица намерены совершить самоубийство при помощи граждан Содружества — далее перечислялись имена — и не имеют претензий к своим противникам. Затем следовало указать того, кому завещается имущество. Керл вписал в эту графу свою тетку Силву, хотя не был уверен, что она до сих пор жива. В крайнем случае пятьюстами кредитами, что остались на его счету, воспользуется правительство Белонны,

Когда все бумажные формальности были улажены, тургеры сообщили условия поединка. Право назначать зону было отдано, как всегда, «добыче». Новички, как и предполагал Керл, выбрали каменные джунгли. Неопытные бойцы всегда предпочитали драться именно в этой зоне, полагая, что здесь у них будет больше шансов сразить своих противников. Они рассчитывали не на свою реакцию или владение оружием, а

на слепую случайность, которая позволит сразить противника из–за угла. Это было большой ошибкой с их стороны, так как Керл и Диг знали Каменные джунгли Тореммы словно свои пять пальцев. На месте этих желторотиков Керл избрал бы пустыню или озеро, где можно было использовать преимущество в плотности огня. Но давать подобные советы своим противникам он, естественно, не собирался. Судя по нарочито кислому выражению лица Дига, Каменные джунгли его тоже вполне устраивали.

С оружием никаких проблем не возникло. Шестеро выбрали категорию А. Это означало, что гладиаторы могут использовать все виды современного оружия, кроме психотропов и паралитических газов. Новички могли бы поставить своих противников в весьма затруднительное положение, избери они для поединка категории Д или Р. Керл давным–давно не дрался на мечах и неважно орудовал воздушной петлей.

По требованию тургеров Керл перечислил оружие, какое он намеревался взять с собой: многозарядный мелтановый чоппер, пять синхронизированных гранат, отравленный нож, два метательных диска, керамическую жилу. Диг ограничился двумя чопперами — он любил

стрелять сразу с двух рук — и гранатами. Оба гладиатора были облачены в доспехи. На Керле был гимпиор, Диг затянулся в новомодный нивитановый комбинезон.

Затем им дали ознакомиться со списком оружия, которым располагали противники. Новцчки вооружились ракетометами и ультразвуковыми пистолетами, у каждого было по два чоппера, по десять гранат, отравленные ножи, летающие кольца и диски, кинетические дротики и прочая, эффектная с виду, но малодейственная дребедень. Лишь один из них по имени Мел Чолсон был вооружен как подобает настоящему гладиатору — чоппером, гранатами и двумя метательными ножами. Похоже, это был парень с мозгами, из него мог получиться неплохой гладиатор. Керл дал себе слово, что попытается отключить его, но не будет убивать.

Пока новички занимали позиции для боя, один из тургеров, знавший Керла добрый десяток лет, принес свежезаваренный элтанированный кофе. Считалось, что он улучшает реакцию. Диг осушил свою чашку до дна, Керл чуть пригубил из вежливости.

— Поосторожней, ребята! — пожелал на прощание тургер–дуайен Пуг Пьопоф. Несмотря на то,

что смерть Керла и Дига принесла бы лично ему солидные деньги, он предпочитал, чтобы проиграли их соперники, иначе следующий турнир, в котором не будет бойцов класса Вельхоума или Фейстерса, даст мизерные сборы.

— Как всегда, дуайен! — ответил Диг наигранно–веселым голосом. — Не беспокойся. Посуди сам, чем нам могут грозить эти сопливые идиоты, которые, как мне показалось, собрались начать небольшую космическую войну.

Керл хмыкнул и хлопнул напарника по плечу. Диг мыслил точно так же, как и он.

Пуг Пьопоф позволил себе улыбнуться.

— Мне тоже показалось, что они взяли слишком много всяких ненужных штучек, но я не стал их отговаривать.

— Все верно, дуайен. Пусть побегают да попотеют, а когда высунут языки, мы возьмем их за задницу.

Тургеры дружно заржали и проводили гладиаторов до выхода из контрольного модуля.

Зрители приветствовали бойцов криком и свистом. Стоявший на возвышении глашатай быстро затараторил:

— Господа и дамы! Дамы и господа! Вы имеете возможность лицезреть двух великих парней —

Керла Вельхоума, на счету которо–го–а-а, страшно выговорить, двести восемнадцать побед, и не менее известного Дига Фейстерса, вышедшего победителем в ста девяти поединках! — Зрители заорали изо всех сил. Керл невольно усмехнулся, подметив, что его лицевой счет ровно вдвое больше счета Дига. — Сегодня нас ждет потрясающий бой. Шестеро молодых волков против двух матерых тигров. Шестеро или двое? Делайте ваши ставки, господа и дамы. Пока соотношение семь к одному в пользу Дига и Керла. Делайте ваши ставки, и вы не только насладитесь невиданным зрелищем, но и сможете заработать деньги!

Сопровождаемые визгливым голосом глашатая и воплями зрителей гладиаторы миновали полосу безопасности, разграничивавшую Площадь игр и боевые зоны, и двинулись по узкой дороге, которая вела в Каменные джунгли.

Арена в Торемме издавна считалась одной из самых лучших. Она была заложена еще в эпоху Активной Экспансии Пацифиса и состояла поначалу из трех зон — пустыни, озера и ледяного каньона. Все зоны были оборудованы с максимальным соответствием природным аналогам, в них даже поддерживался искусственный микроклимат, и получили хорошие отзывы гла-

диаторов. Предложение построить четвертую зону — часть мегаполиса, что существовали на Древней Земле, поначалу вызвало недоумение, но президенту Новой России Биму Картману, страстному поклоннику всего древнеземного, удалось добиться одобрения своего проекта Думой. Деньги на строительство были изысканы, а колоссальная энергия Бима позволила закончить его в рекордно короткие сроки.

В результате поучился целый квартал древнеземного города, прозванный Земным Киевом. Все было сделано точно по рекомендациям лучших специалистов–террологов. Строители возвели почти две сотни массивных коробок из бетона, кирпича и камня, были прорыты дренажные системы и разного рода подземные коммуникации, улицы застелены настоящим асфальтом. Так как на большинстве планет Содружества асфальт из–за своей токсичности, недолговечности и дороговизны уже не применялся, его пришлось специально завозить с консервативной Демары.

Строители постарались на славу, возводя этот город–призрак. Помимо зданий и коммуникаций они соорудили множество подземных бункеров, каменных осыпей, грозящих вот–вот обвалиться карнизов и стен. Было сделано все, чтобы игра

получилась как можно более интересной. И надо сказать, новороссам удалось достичь задуманного. Турнир на Торемме стал самым популярным. За его ходом напрямую следили пятьдесят тысяч зрителей, делавших ставки. Еще сто миллионов наблюдали за играми по сферовизору. Для этой цели в Каменных джунглях было установлено невиданное число сферокамер — целых 1800! Они были вмонтированы в стены, полы, потолки, пролеты, арки, каменные тумбы, установленные посреди захламленных дворов. Камеры подавали сигнал на пульт контрольного модуля, компьютер отбирал шесть наиболее интересных изображений и репродуцировал их на сфероэкраны, донося таким образом это увлекательное зрелище до всех граждан Свободных Планет.

Тем временем Керл и Диг достигли крайнего дома, представлявшего собой бетонный приземистый пакгауз с гремя десятками окон–бойниц. В подобном сооружении можно было сдерживать натиск целой армии.

На прошлом турнире Кира и Буйли встретили прямо здесь, — негромко заметил Диг Фейстерс. Керл молча кивнул, соглашаясь. Обычно новички не особо напрягали фантазию в изобретении коварных ловушек. Они опасались впустить сво-

их более опытных противников в центр города и встречали их прямо на окраине, уверенные, что в этом случае им по крайней мере не ударят в спину.

Не говоря больше ни слова, оба гладиатора вставили в правое ухо крохотные шарики радиофонов, соединенные с трубкой речевика, и разделились. Керл двинулся вправо, Диг — влево.

Все вышло именно так, как они и предполагали. Не успел Керл сделать и двадцати шагов, как в одном из окон что–то мелькнуло. Гладиатор растянулся в прыжке и втиснулся в небольшую расселину между двумя плитами. Где–то на задворках сознания возникла четкая картина, как в этот миг взрывается дружным воплем толпа на Площади игр и верещит, глотая слова, глашатай.

Над головой Керла пронеслась горячая волна, и тут же раздался взрыв. Спору нет, пьезоракета — неплохое оружие, но ее слишком непросто послать точно в цель. Здесь же, на открытом месте, им следовало использовать ультразвуковые пистолеты. Если бы вместо ракеты был послан ультраимпульс, Керл бы сейчас рвался собственными кишками.

Неподалеку был полузасыпанный ров, и Керл

быстро переполз туда. Грохнул еще один взрыв. Затем раздался оглушительный вой. Новички все же догадались пустить в ход ультразвуковик. Теперь Керлу даже не стоило думать о том, чтобы приподнять голову. Прижимаясь как можно плотнее к влажной земле, он пополз туда, где, по его расчетам, должен был находиться люк, через который можно было попасть в подземные коммуникации.

Новички наверняка потратили немало времени на изучение Каменных джунглей, но все равно они знали их много хуже Керла, сражавшегося здесь уже в двенадцатый раз. Люк оказался на месте. Гладиатор очистил его от мусора и осторожно приоткрыл. В радиофоне раздался голос Дига.

— Ты цел?

Керл приблизил к губам речевик.

— Да, все нормально. Только что увернулся от двух ракет и ультразвука. Как у тебя?

— Похоже, они намереваются зажать меня в доме с лестницей. Помнишь такой?

— Да! — Еще бы Керлу не помнить, он однажды едва не подорвался там на гранате, поставленной Длинным Реем.

Слева грохнули две ракеты. Керл вжался в землю. Диг завопил в радиофон:

— Я ползу туда! Они не оставили мне другого выхода. Меня ведут сразу трое. Боюсь, что еще кто–то поджидает меня в самом доме.

— Иду к тебе на помощь через подземный коридор. Выйду у небоскреба Ниринга. Побережись синхронизированных гранат.

— Ладно.

В радиофоне щелкнуло, и связь прекратилась. Не теряя ни секунды, Керл спрыгнул на дно подземного колодца, нацепил на глаза очки с шелоновыми стеклами, которые позволяли видеть в темноте, и побежал вперед. Это был очень опасный участок. Здесь Керл был уязвим абсолютно для любого оружия, будь то чоппер, ультразвуковой излучатель или синхронизированная граната. Но новички, очевидно, не знали об этом ходе.

Вскоре подземный коридор разделился на несколько ответвлений. Керл выбрал то, что вело к восьмиэтажному бетонному зданию, прозванному небоскребом Ниринга по имени гладиатора, обожавшего устраивать засады именно в этом месте. Керл торопился, но в меру. Важно было появиться на поверхности, не сбив дыхания. Пару раз ему попадались здоровенные крысогасы, запущенные в зону для пущего сходства с древ-

неземным Киевом. Это были препротивнейшие твари, способные вцепиться в ногу, и Керл, не задумываясь, пустил в ход чоппер. У самой цели его ожидала неприятная неожиданность. Выход из тоннеля был завален. Возможно, обвал произошел сам по себе, возможно, это было дело рук земных техников, пожелавших усложнить задачу гладиаторов. Керл не утруждал себя долгими размышлениями.

— Диг, как у тебя?

— Жарко. Слегка зацепили ногу. Я, кажется, тоже попал в одного из них. Ракеты…

В радиофоне грохнуло. Стоило надеяться, что Диг еще жив. Стоило. Гладиатор достал из контейнера гранату, сунул ее под люк и, отбежав на приличное расстояние, сжал синхронизатор. Раздался оглушительный взрыв, Керла засыпало каменной трухой. Кашляя и отплевываясь, гладиатор поднялся с земли и бросился к образовавшемуся проему. Теперь его появление не будет для противников неожиданностью.

Так и вышло. Наверху его встретили залпы чопперов.

Уворачиваясь от них, Керл на бегу извлек еще одну гранату, швырнул ее вперед и тут же сжал синхронизатор. В воздухе вырос столб брызжуще-

го осколками пламени. Стрелявших разметало в разные стороны. Один остался неподвижен, второй пополз к углу дома, пытаясь скрыться. Керл прикончил его аккуратным выстрелом в голову.

В тот же миг он почувствовал, что его присутствие в этом месте крайне нежелательно. Керл привык полагаться на свою интуицию и потому со всех ног устремился к кирпичному строению с вывеской «Хлеб». Тотчас же сзади прогремел оглушительный взрыв, горячо толкнувший в спину.

Керл юркнул в дверь «Хлеба», пересек захламленное помещение и выпрыгнул в окно с противоположной стороны. Едва он успел это проделать, как строение содрогнулось и развалилось на части.

Это означало, что новички нашпиговали гранатами все близлежащие здания. Керл был вынужден признать, что они не столь глупы, как показалось вначале.

Сейчас его оставили в покое, должно быть, решив, что он погиб от взрыва гранаты. Теперь противники намеревались покончить с Дигом Фейстерсом. Загнав гладиатора в одну из кирпичных четырехэтажек, новички лупили по зданию из ракетометов и чопперов.

Дигу наверняка приходилось туго, но Керл не

торопился к нему на помощь. Необходимо было точно оценить ситуацию и выяснить, где находятся противники. Это заняло не слишком много времени. По траектории и количеству выстрелов Керл определил, что двое новичков засели в свежевыкрашенном здании почты, а один стреляет из дома напротив. Диг не отвечал на выстрелы, но Керл был уверен, что его напарник жив. Диг Фейстерс умел выжидать.

Первым делом Керл решил позаботиться о парочке, что засела на почте. Не боясь показаться чересчур осторожным, он ползком подобрался к окну и заглянул внутрь. Двое молодых парней лежали у противоположной стены и увлеченно расстреливали дом, в котором прятался Диг, изо всех видов оружия, не исключая и кинетические дротики, совершенно бесполезные в данной ситуации. Они явно играли на публику, то и дело косясь в сторону камеры, которая фиксировала их бесплодные потуги.

Еще одна камера в этот миг поймала в объектив Керла, и толпа на Площади игр, верно, ревела от восторга, наблюдая за тем, как Керл достает из контейнера две гранаты, освобождает их от синхронизаторов, перевешивается через подоконник и толкает черные шарики в

сторону ничего не подозревающих врагов. Через мгновение и камера, и два молодых гладиатора растворились в огненном облаке взрывов.

Это была хорошая работа. Теперь следовало связаться с Дигом.

— Диг, ты меня слышишь?

— Ага! — Судя по голосу, рот Дига был забит грязью. — Куда ты пропал?

— Да никуда. Я тут, рядом. Только что поднял в воздух двух ребят, сидевших на почте.

Диг радостно закудахтал.

— Отлично!

— Ты не очень внятно говоришь. Тебе что, здорово досталось?

— Немного. Контузило и пара царапин. Серьезных попаданий нет.

— Тогда нечего там рассиживаться. Выбирайся из своей норы и вали ко мне. Я за углом желтого дома.

— Иду.

Прошло несколько мгновений, и в одном из окон нижнего этажа показалась физиономия Дига Фейстерса. Керл призывно махнул напарнику рукой. Вскоре Диг сидел рядом с ним.

— «Илья» выходит! — Керл похлопал гладиатора по бурно вздымающейся и опадающей спине.

— Да нет. Надышался какой–то пакости. Похоже, эти умники тайком прихватили с собой гранаты с паралитиком, не занеся их в протокол.

— Подадим протест.

— На кого? — Диг засмеялся–закашлялся. — На покойников?

Какое–то время они сидели молча, глядя прямо в черный зрачок нацеленной на них сферокамеры. Затем Диг спросил:

— Сколько ты уложил?

— Четверых. А ты?

— Двоих.

Керл покачал головой.

— Кто–то из нас ошибается. Один из парней обстреливал твое логово с другой стороны. Если только ты его не ухлопал.

— Нет, я сидел, не высовывая носа.

— Значит, один жив наверняка. Придется его искать.

— Разделимся?

— Лучше пойдем вместе, — сказал Керл после краткого раздумия. — А то ненароком еще перестреляем друг друга. Давай пойдем по косой дуге через Музей и Фонотеку. Он сейчас напуган и сам выскочит на нас.

— Согласен.

Они вернулись чуть назад, выбрались на центральное авеню и рысцой побежали через Каменные джунгли. Когда они миновали небоскреб Ниринга, Керл указал на два неподвижных тела.
— Вот мои первые. Еще двое сгорели на почте.

— Значит, это мой, — сказал Диг.

Вскоре они добрались до невысокого забора, сплошь покрытого яркими щитами. Знаки со стороны зоны предупреждали, что гладиатору нельзя пересекать эту границу, в противоположную сторону глазели белые черепа на алом фоне.

— Пошли к школе. Он наверняка спрятался там, — сказал Диг.

Керл кивнул, соглашаясь. Школа была идеальным местом для засады.

Это П–образное здание состояло из доброй сотни помещений, соединенных узкими извилистыми коридорами. Еще здесь были полутемные подвалы и очень неприятный захламленный чердак, где Керла однажды едва не подстрелили. Диг зашел в школу, а Керл остался снаружи на тот случай, если шестой избрал иную тактику — не затаился, а непрерывно перемещается по зоне. Керлу уже приходилось сталкиваться с подобными «бегунами».

Диг осматривал этаж за этажом, периодиче-

ски сообщая напарнику, где находится. Когда по расчетам Керла Фейстерс должен был добраться до чердака, грохнул взрыв. Керл уже мчался по обшарпанному холлу, и в этот миг в радиофоне послышался слегка сконфуженный голос:

— Все в порядке. Это был здоровенный крысогас.

В школе шестого не оказалось. Не было его и в соседних строениях. Посовещавшись, гладиаторы решили обратиться к коллегии тургеров. Дуайен выслушал их и ответил:

— По правилам я не могу сообщить вам, где он, так как это противоречит нашим обязательствам по отношению к гладиаторам. Но так как в Кодексе Гильдии есть пункт, запрещающий затягивать игру, я вправе дать вам подсказку.

Тот, кого вы ищете, находится в данный момент примерно в тысяче футах к северо–востоку от вас. И сдается мне, он пытается выйти из игры, так как начал уничтожать сферокамеры.

— Мы спасем имущество муниципалитета Тореммы, — с легкой усмешкой заметил Керл, после чего отключил связь. — Дядюшка Пуг–Пуг дал нам наводку. Шестой в районе Серых домов.

Вскоре они были на месте, но приступать к розыскам не спешили. Шестой был напуган, а

значит, мог запросто затаиться.

— Надо заставить его раскрыть себя, —сказал Керл. — Ты неплохо поработал в школе. Теперь моя очередь.

Керл должен был стать приманкой. Сунув чоппер в нагрудный контейнер так, чтобы его рукоять высовывалась наружу, он беспечной походкой двинулся по улице вдоль цепочки одинаковых бетонных пятиэтажек, прозванных Серыми домами. Диг наблюдал за товарищем издалека, стараясь не попасться на глаза шестому. Противник должен был поверить, что Керл здесь один, без напарника, и настроен более чем беспечно.

Керл медленно ступал по выщербленному асфальту, каждой клеточкой ощущая, что вот–вот последует выстрел. Только бы этот идиот не воспользовался ультразвуковым излучателем. Гимпиор был бессилен против ультразвука. Шаг, еще шаг, еще. Гладиатор искоса поглядывал в черные провалы окон. Как их, однако, много, а еще есть и подвальные отдушины. Тут даже не надо целиться. Достаточно положить излучатель перед собой и нажать на спуск.

Он миновал четыре здания, оставалось еще три. Если дуайен не солгал — хотя зачем ему

лгать? — шестой должен прятаться где–то здесь. Внезапно внимательный взгляд Керла засек разбитую импульсом сферокамеру. Это доказывало, что шестой недавно был здесь. Был… А скорее всего и остался. Следовало подтолкнуть его на решительные действия. Керл сжал кулак, в котором был синхронизатор. Издалека донесся грохот взрыва. Это сработала граната, оставленная ими у небоскреба Ниринга. Пусть шестой думает, что кто–то из его партнеров еще сражается. А Керл один. И тогда…

Матушка Алинс родила Керла по меньшей мере в двух рубашках. Шестой намеревался пустить в ход ультразвуковик, но нечаянно задел рукой камень, лежавший на подоконнике. Этим движением он выдал себя. Керл заметил своего противника за мгновение до выстрела и бросился под защиту стены. Сзади него проревела ультразвуковая волна. Не целясь, Керл швырнул в одно из окон последнюю гранату. Мощный взрыв должен был отвлечь противника и помешать ему сделать более прицельный выстрел. Так оно и вышло. Второй импульс прошел ближе от Керла, но не задел его. И все. Гладиатор запрыгнул в одно из окон. Теперь шестому было не уйти. Выход из здания был всего один, а прыгать с четвертого

этажа — безумие, на которое б смогли отважиться лишь Керл Вельхоум и еще пять–шесть столь же отчаянных голов. Этот парень был явно не из их числа. Вряд ли следовало опасаться, что он попытается спуститься по веревке. Тот, кто берет с собой ракетомет и ультразвуковик, обычно забывает захватить обычную веревку.

— Керл, с тобой все в порядке? — послышался в радиофоне слегка встревоженный голос Дига.

— Лучше, чем когда–либо, — ответил гладиатор, прижимаясь спиной к холодной стене. — Поднимайся наверх. Только осторожно. Этот тип палит из ультразвуковика. Я на третьем этаже. Он — чуть выше. Придется выкуривать.

Диг не заставил себя ждать. Довольный тем, что развязка близка, он был не прочь пошутить.

— А здорово ты петлял, когда он накрыл тебя волной!

— Хотел я посмотреть, как петлял бы ты!

Оба захохотали, вгоняя затаившегося шестого в смертную тоску.

Радиофон внезапно вякнул голосом Пуга Пьопофа.

— Поторопитесь, ребята! Зрители начинают скучать. Кстати, ставки на вас поднялись до двадцати к одному.

— Почему так мало? —удивился Диг. — По–моему, они должны быть сто к нулю.

— Мы не задержим вас долго, дуайен, — сказал Керл.

Однако шестому хотелось жить. Он устроился у входа на этаж и поливал лестницу из всех видов оружия, какие были у него под рукой. Напарники безуспешно пытались достать его импульсами, затем Диг извлек последнюю гранату. Прогремел взрыв, принесший больше вреда, нежели пользы. Рухнула вниз солидная часть лестничного пролета, каменный осколок рассек Керлу щеку.

— Поторопитесь, парни, — вновь возник в радиофоне голос Пуга. — Шестой дерется отчаянно. Тургеры подумывают о том, чтобы объявить ничью.

— И отдать этому ублюдку половину призовых денег! — возмутился Керл. — Ни за что! Дуайен, дайте нам еще десять минут.

— Хорошо. Время пошло.

— Ты с ума сошел! — зашипел Диг, дождавшись, когда Керл отключит радиофон. — Что мы сможем сделать за десять минут?! Да нам потребуется в десять раз больше, чтобы выкурить этого подонка!

— Десять минут! — отчеканил Керл. — Ты по-

стреливай вверх. Я сейчас вернусь.

— Ты куда?

— Сейчас.

По коридору Керл добрался до самой отдаленной комнаты. Здесь он извлек из контейнера тонкий шнур с титановым цилиндриком на конце. При ударе о твердую поверхность из цилиндрика выскакивали четыре острых крючка. Подобные приспособления использовались мегарянами для охоты на жемчужных акул. Керл внес в конструкцию кое–какие изменения, слегка выпрямив зубья таким образом, что теперь они напоминали кошачий коготь. Четыре когтя — кошачья лапа. Керл и не подозревал, что изобрел давно изобретенное— приспособление, на Древней Земле именовавшееся кошкой.

Со второй попытки он забросил кошку на крышу здания. Несколько раз дернув за шнур и убедившись, что стальные когти не соскользнут с бетона, Керл оттолкнулся от окна, уперся ногами о стену и стал медленно подниматься наверх. Вскоре беспорядочная стрельба прекратилась, и Диг Фейстерс с удивлением услышал голос Керла.

— Эй, Диг! Кончай пальбу. Поднимайся.

Через мгновение Диг был наверху.

— Ловко сработано! — восхитился он, хлопнув Керла по плечу. — Что будем делать с этим?

Под «этим» Диг подразумевал шестого, который с посиневшим лицом хлюпал остатками воздуха, пытаясь оторвать от шеи керамическую петлю.

— Лично мне он не нравится.

— Мне тоже.

— Спроси у дуайена.

— Пуг! — завопил Диг Фейстерс. — Что нам делать с этим ублюдком?

— Сами решайте, ребята. Публика, как и вы, не слишком симпатизирует ему. Но если надумаете его шлепнуть, сделайте это на улице. Здесь на этаже не работает ни одна камера.

— Хорошо, дуайен! Постараемся ради искусства.

— Пошли! — Керл потянул за собой упирающегося шестого. Не без труда преодолевая истерзанные взрывами пролеты, все трое спустились вниз. Здесь Керл освободил пленника от петли и подтолкнул его к стене.

— Так хорошо, дуайен?

— Отличный план, ребята! Отойдите чуть вправо. Все, отлично! Можете приступать.

— Оп! — сказал Керл. Гладиаторы вскинули чопперы и изрешетили шестого импульсами.

— Лучше бы ты, парень, принял честный бой, — философским тоном заметил Диг. Он подошел к ближайшей стене и, повозившись с застежками, стал справлять естественную нужду. Керл вновь вызвал на связь контрольный модуль.

— Работа сделана, дуайен.

В ухе раздался короткий смешок.

— Не совсем, Керл.

— Как это понимать?

Ответа Керл не дождался, потому что в этот миг раздался дикий крик Дига:

— Керл, сзади!

Жизнь приучила Керла Вельхоума не дожидаться подробных объяснений. Памятуя о том, что рука стреляющего легче перемещается вправо, Керл бросил свое тело влево. Импульс ожег его плечо. Падая, Керл перевернулся на спину и выхватил чоппер, но опоздал. Диг стрелял сразу с двух рук. Мелтановые струи подбросили новичка в воздух и рвали его тело до тех пор, пока оно не врезалось в кирпичную стену и медленно сползло вниз.

Керл поднялся на ноги.

— Вот он, шестой.

Диг медленно процедил сквозь усы застрявший в горле воздух и картинным жестом сунул

чопперы в нагрудный контейнер. После этого он сложил на груди руки и оставался в позе героя все то время, пока Керл осматривал убитого.

— Это тот парень, Мел, не помню его имени полностью, который взял с собой лишь чоппер и гранаты. Я полагал, что убил его у небоскреба Ниринга, но, верно, он был лишь оглушен и оказался достаточно умным, чтобы притвориться мертвым. Ты молодец, Диг, но все же, — Керл искоса взглянул на напарника и, не выдержав, расхохотался, — застегни комбинезон. Ведь нас смотрят и дамы!

Пуг Пьопоф не дал им вдоволь посмеяться над этим казусом. Сферовремя дорого стоило, а они занимали его уже около трех часов.

— Вы победили. Теперь по условиям состязаний вы должны драться между собой, если, конечно, у кого–нибудь из вас не найдется веских причин для отказа от поединка. Победитель получает весь выигрыш плюс еще пять тысяч кредитов. Бросаете ли вы вызов друг другу?

— Нам надо посоветоваться, — сказал Керл.

— Хорошо. У вас две минуты.

Накануне Керл не испытывал желания драться с Дигом Фейстерсом, сегодня ему не хотелось делать этого еще в большей степени. Они провели

славный бой и по разу выручили друг друга. Керлу было трудно представить своего напарника в качестве мишени.

— Ты, кажется, ранен? — спросил он Дига.

— Пустяки. Пара царапин. Все вместе они не стоят раны в твоем плече.

— Там лишь ожог, — заметил Керл и замолчал. Как не хотелось Дигу брать инициативу на себя, ему все же пришлось произнести эти слова.

— Керл, мы должны драться. Они ждут этого.

— Керл невесело усмехнулся. Да, они — сто миллионов, засевшие у экранов сферовизоров — с нетерпением ждали этого. Уже давно не было поединков между гладиаторами столь высокого класса, и зрители мечтали о подобном зрелище.

— Но мы можем сказаться ранеными, и любой врач подтвердит это. Мы ведь действительно оба ранены и к тому же здорово устали.

— Керл, я буду драться. Если хочешь, ты можешь отказаться.

Наверно, это был единственный выход из данной ситуации. Никто не осмелился б обвинить Керла Вельхоума в трусости. Но…

— Керл Вельхоум никогда не отказывался принять вызов!

Диг сглотнул слюну и связался с контрольным

модулем.

— Пуг, мы готовы драться!

Со стороны Площади игр донесся вой болельщиков Керл представил себе, как зрители у сферовизоров потирают руки и спешат достать из морозильных камер еще одну упаковку пива.

— Оружие? — спросил тургер.

— Выбирает Диг.

Диг Фейстерс раздумывал лишь мгновение.

— Я беру два чоппера. — Он вопросительно взглянул на Керла.

— Мне достаточно ножа и метательных дисков.

Похоже, Диг счел это оскорблением, хотя Керл не думал обижать его, он хотел лишь уравнять шансы.

— Хорошо, будь по–вашему, — согласился дуайен, — Место?

— Где вам угодно, — сказал Керл. Диг поддакнул ему.

— Тогда большой магазин. Там действуют все сферокамеры.

Керл машинально провел рукой по контейнеру, где лежали отравленный нож и метательные диски. Что ж, драка в большом магазине обещала быть захватывающей. Он взглянул на Дига.

— Пошли?

— Пойдем.

Они шагали плечом к плечу, как прежде, и ничто внешне не свидетельствовало о том, что судьба назначила одному стать убийцей другого. У большого магазина они разделились. Керл вошел в первый подъезд, Диг в четвертый.

— Дуайен, мы начали, — сказал Керл.

— Отлично. Камеры работают. Удачи!

Губы Керла растянулись в усмешку. Хорошее пожелание — удачи! Вот только кому?

Первую сотню футов Керл преодолел бегом — необходимо было выиграть побольше места для маневра. У обувной секции он остановился и прислушался. Радиофон тоненько пискнул.

— Ау, Керл!

— Я слышу тебя, Диг, — негромко ответил гладиатор.

— Напрасно ты оставил свой чоппер. Позерство тебя погубит. Я отстрелю тебе задницу!

— Побереги свою!

Керл миновал еще два отдела, дошел до лестницы и, немного подумав, поднялся на второй этаж. Если ему не изменяла память, здесь должен был располагаться отдел верхней одежды.

Он не ошибся. Две тысячи квадратных футов,

сплошь заставленные стояками со множеством обветшалых одежд древнеземного стиля. Здесь было нетрудно спрятаться и устроить засаду. Так же легко можно было попасть и в засаду, устроенную Дигом. Керл медленно двинулся вдоль стеллажей, готовый при любом подозрительном шорохе броситься на пол. Зрачок сферокамеры бесстрастно фиксировал его движения.

— Эй, Диг! — позвал Керл.

Экс–напарник не отозвался.

Керл двинулся дальше мимо стопок с изъеденными крысами ремнями и полуистлевшими комбинезонами. Ожидание становилось невыносимым, тишина давила. Начиналась игра нервов. Керл проиграл первый раунд — желая хоть немного разрядить обстановку, он с грохотом обрушил на пол стеллаж, наполненный какими–то металлическими штучками, после чего немедленно перебрался в отдел с игрушками. Он затаился среди больших ярких мячей и какое–то время сидел не дыша, ожидая, не послышатся ли осторожные шаги Дига. Но тот не клюнул на уловку противника и не бросился на шум. Диг был опытный гладиатор и понимал, чем может обернуться спешка в бою против Керла Вельхоума. Он явно не хотел стать двести двадцать третьим.

Это был поединок нервов. В нем должен был победить тот, у кого хватит терпения не обнаружить себя, и чья рука не дрогнет, нанося смертельный удар. Керл знал, что сразить Дига он должен одним ударом.

Он по–прежнему прятался в отделе игрушек. Мгновения тянулись томительно. Керл представил себе, как Диг точно так же, как он, сидит едва дыша где–нибудь в бакалейном отделе, и едва удержался от нервного смеха. Он уже хотел было вызвать Дига по радиофону, но вдруг уловил едва заметное перемещение объектива сферокамеры, переключившейся на иной объект. Механизм сферокамеры реагировал на тепло и на движение. Это могла быть крыса. Это мог быть Диг Фейстерс. Керл распростерся на полу и стал смотреть в щель между сваленными грудой уродливыми зверюшками, сделанными из ткани, насквозь пропитавшейся пылью, которая лезла в нос, вызывая нестерпимое желание чихнуть.

Вначале ничего не было видно — скорей всего Диг следовал той же тактике, что и его противник, — затем глаз уловил едва заметную тень. Диг медленно двинулся вперед, не подозревая о том, что уже проиграл бой.

Теперь от Керла Вельхоума требовалось лишь

одно — быть терпеливым. Сто миллионов зрителей, затаив дыхание, следили за тем, как Диг Фейстерс медленно крадется навстречу своей смерти. Они разом вскрикнули, когда брошенный Керлом диск рассек яремную жилу. Но Диг был еще жив. Упав на колени и зажимая рану рукой, он начал расстреливать стеллажи с пластиковыми солдатиками и пустоглазыми куклами, за которыми прятался Керл Вельхоум. Прятался…

Керл появился из–за его спины, взвился в воздух и на лету ткнул в щеку Дига отравленным ножом. Смерть пришла мгновенно. Диг Фейстерс дернулся и затих. Рука, сжимавшая разрезанное горло, беспомощно повисла вдоль тела, давая выход алой крови, которая в один миг залила комбинезон и тоненькими струйками растеклась по полу.

Вынув из безвольной руки чоппер, Керл отсалютовал в потолок, осыпая себя и мертвого Дига крошками штукатурки. Затем он подошел к сферокамере и произнес:

— Великий боец Диг Фейстерс умер!

Никто не ответил ему, и тогда Керл разнес камеру вдребезги.

Засунув чоппер Дига в нагрудный контейнер, гладиатор покинул большой магазин и направил-

ся к выходу из зоны. С горьким чувством покидал он сегодня это место, где все — дома, улицы, дворы — было фальшивым. Настоящей была лишь смерть. Он шел туда, где его ожидали пятнадцать тысяч кредитов и восторг болельщиков.

А еще его ждали восемьдесят рейнджеров с Посьерры…

Подходя к Площади игр, Керл с легким недоумением отметил, что толпа не приветствует его дружным «славный парень Керл» — словами, которые стали по сути девизом иррационалистов. Болельщики угрюмо молчали, неприязненно поглядывая на окружавших их людей в черных комбинезонах, в руках которых были длинноствольные чопперы.

У контрольного модуля стояли два третбера, также выкрашенные в черный цвет. Их мощные трехствольные чоппинги были направлены на дорогу, по которой шел Керл Вельхоум.

Первым побуждением Керла было броситься назад в Каменные джунгли, где было достаточно оружия, чтобы уложить не одну сотню молодчиков в черном. Словно предостерегая его от подобной затеи, из–за окружавшего дорогу бетонного забора поднялись вооруженные люди. Черные дула их чопперов были направлены в

грудь гладиатора.

В этой ситуации ничего не мог поделать даже Керл Вельхоум. Поэтому он не сопротивлялся, когда один из солдат вытащил из нагрудного контейнера чоппер Дига, а второй забрал нож и метательный диск. Керл ласково улыбнулся им. Он желал выглядеть нахальным, а кроме того, был доволен, что они не обратили внимания на керамическую жилу, которая в его умелых руках была страшным оружием.

Затем Керл позволил отвести себя в контрольный модуль, где лежали трупы пяти тургеров и глашатая. Еще работал компьютер, давая на контрольные экраны картинку — поочередно убитых шестерых и истекшего кровью Дига Фейстерса. Один из черных вскинул чоппер и выстрелил. Кашлянув дымом, компьютер умер, изображение исчезло.

Пришельцам потребовалось совсем немного времени, чтобы убедиться, что захваченный на выходе из зоны человек действительно тот самый Керл Вельхоум, которого жители Свободных Планет считают символом мужества и иррационального статута.

— Он–то нам и нужен, — заметил один из черных, на левом плече которого было пять золо-

тистых звездочек. Затем он обратился к Керлу:

— Керл Вельхоум, в соответствии с полученным приказом я должен доставить тебя к космогенералу Сатгу, командующему Особым корпусом армии Посьерры.

Керл слышал это имя. Знал он и о том, что представляет собой Особый корпус армии Посьерры.

Планета Посьерра, входившая в Пацифис, пользовалась весьма своеобразной известностью. Знакомый Керла полипланетик Бо Тмей не раз говорил, что здравым смыслом не объяснить, почему Посьерра добровольно уступает Соммете лидерство в Пацифисе. В военном, да и в экономическом отношении это была самая сильная планета Содружества. Вместе с тем это была и самая закрытая планета. Мало кто из инопланетников–паци, не говоря уж о иррационалистах, мог похвастать, что гулял по силиконовым полям Посьерры. Консулат чрезвычайно неохотно выдавал разрешения на посещение планеты.

Развитая промышленность, базировавшаяся на богатой сырьевой базе, позволяла посьеррянам содержать мощную армию. Посьерра располагала семью общекосмическими корпусами, огромным флотом и Особым корпусом. Последний был своего рода дубиной Пацифиса, каравшей непо-

корных и устрашавшей несогласных. Насколько Керл мог судить по нашивкам на комбинезонах, он оказался в руках крылатых рейнджеров — наиболее привилегированных солдат Особого корпуса.

— Я не совсем понимаю, что здесь происходит, — обратился Керл к офицеру, объявившему о его задержании. — Насколько мне известно, я нахожусь на…

— Не ко мне! — перебил офицер Керла вполне дружелюбным тоном. — Все объяснения вам будут даны в штабе. Я лишь выполняю приказ.

Керл понял, что спорить бесполезно. Оставалось лишь подчиниться неизбежному и ждать объяснений от генерала Сатга. Гладиатор полагал, что его повезут в штаб в третбере, однако выяснилось, что посьерряне весьма ценят персону Керла Вельхоума. За ним прибыл махолет. Запястья Керла заключили в электронаручники, а в сопровождение назначили капитана и шестерых парней, каждый из которых был на голову выше гладиатора.

Да, посьерряне ко всему относились серьезно. В этом Керл смог еще раз убедиться, когда махолет прибыл на место. Еще несколько часов назад здесь было виковое поле, теперь же ста-

раниями строительных когорт на нем словно по мановению волшебной палочки возникла первоклассная военная база. Землеройные роботы вырыли глубокие рвы, выброшенная земля образовала валы, по которым были размотаны спирали Риола, насыщенные мощным электроматическим разрядом. Они грозили смертью каждому, кто приближался к ним ближе, чем на двенадцать футов. Мгновенно были собраны легкие пластиковые модули, в которых разместились штаб и различные службы. В данный момент роботы сооружали плац, чуть поодаль солдаты монтировали навесы для техники и модули–казармы.

— Вы ставите свой лагерь быстрее древнеземных римлян! — решил щегольнуть своей эрудицией Керл.

— Мы пользуемся рекомендациями Вегеция, гусита Клима Кривогузного, Клаузевица и космометодикой Карндорфа, — невозмутимо ответил офицер–посьеррянин.

Керл прикусил язык и поспешно уставился в иллюминатор. Посьеррянин сделал вид, что не замечает смущения пленника.

Генерал Сатг проводил совещание. При появлении закованного в наручники Керла, за спиной

которого встали шесть громадных рейнджеров, присутствующие в кабинете офицеры с любопытством уставились на него. Начальник конвоя подбежал к генералу и начал негромко рапортовать. Керл не слышал, о чем он говорил, но на лице Сатга появилась недовольная гримаса. Так же вполголоса — видно, в посьерранской армии не было принято прилюдно распекать подчиненных — генерал начал выговаривать офицеру, указывая взглядом то на скованные руки Керла, то на рейнджеров, с бесстрастным видом взиравших поверх головы пленника. Во время этого краткого разговора капитан не раз краснел и бледнел, Керл заметил, что он облегченно вздохнул, когда генерал Сатг кивком головы отпустил его. Капитан лично освободил руки Керла, подняв при этом брови кверху, словно говоря: ну и влетело мне из–за тебя, приятель! Затем он четко козырнул и вышел из кабинета. Охранники последовали за ним.

Возникла небольшая пауза, и Керл получил возможность осмотреться. Небольшой кабинет генерала Сатга был чист и неестественно уютен, словно его обживали не один день, и не хозяин, а хозяйка с теплыми умелыми руками. На окнах были повешены аккуратные цветные занавесоч-

ки, в одном из углов стояла кадка с огромным декоративным элиантусом с Геры. Середину кабинета занимал большой старомодный деревянный стол, за которым сидели семь офицеров посьерранской армии. Судя по обилию звездочек, все они были в чине не ниже майора, а судя по могучим фигурам, они не менее двух часов в день проводили на спортивных тренажерах.

Пока гладиатор изучал обстановку, генерал Сатг поднялся со своего места и подошел к пленнику. Ростом и сложением он походил на своих подчиненных, волосы были коротко острижены, в глазах блестела сталь. Ее глухой звон был и в голосе генерала.

— Господа, мне приятно вам сообщить, что нас удостоил посещением знаменитый гладиатор Керл Вельхоум.

Офицеры все как один встали и приветствовали Керла кивком головы. Гладиатор был озадачен. Подобного приема он никак не ожидал. Даже в Тигуласе во время вручения ордена Космической славы к нему относились куда менее уважительно. Керл не слишком хорошо представлял, как следует вести себя в подобной ситуации. Подражая посьеррянам, он тряхнул головой и сказал:

— Мне очень приятно, — Честно говоря, он и

сам не ожидал, что из его уст вылетит подобная фраза.

— Нам тоже, — сказал генерал. — Позвольте представиться — Дел Сатг, генерал, командир Особого корпуса.

— Левест Торвигий, бригадир…

Офицеры по очереди называли свои имена и козыряли, будто перед ними был не гладиатор и злобный иррационалист Керл Вельхоум, а сам Секретарь Пацифиса. Все это походило на нелепый розыгрыш, но лица посьеррян были серьезны, Керл не смог заметить даже намека на усмешку. Дождавшись, когда последний офицер назовет свое имя, генерал обратился к Керлу.

— Керла Вельхоума, очевидно, интересует, зачем он здесь оказался?

— Да, весьма интересует.

Сатг позволил себе улыбнуться.

— Что ж, сознаюсь, это моя прихоть. Я давнишний поклонник гладиатора Керла Вельхоума. Я видел почти все его поединки, которые транслировались по сферовидению, не исключая и сегодняшний.

Подобное признание озадачило Керла еще более.

— Но, если мне не изменяет память, Совет

Пацифиса запрещает пацифистам принимать передачи, транслируемые станциями Свободных Планет, в особенности гладиаторские бои.

Улыбка вновь посетила лицо генерала.

— На Древней Земле была хорошая поговорка — «Что положено Юпитеру, не положено быку». Поясняю: Юпитер — это бог…

— Не стоит. — Керл никогда не считал себя слишком вежливым. — Я немного знаком с древнеэллинской этнокультурой.

— Похвально. Приятно иметь дело не только с сильным, но и умным человеком.

— Взаимно, генерал.

— Так вот, на Посьерре военные есть Юпитер. Нам позволено многое, что запрещено прочим. Совет Пацифиса вынужден мириться с этим, так как мы нужны ему. Поэтому я имел возможность видеть поединки Керла Вельхоума и признаюсь, что считаю его самым опасным человеком в Содружестве.

— Я польщен. — Керл чувствовал себя полным идиотом. Он готовился к жестокому допросу, возможно, к смерти, а вместо этого стал участником нелепого фарса, цель которого, казалось, состояла лишь в том, чтобы наговорить друг другу как можно больше приятного. Генерал Сатг словно

прочел мысли гладиатора.

— Я говорю это не за тем, чтобы сделать Керлу Вельхоуму приятное. Просто так и есть на самом деле. Среди наших привилегий есть такая — говорить то, что думаешь. Используя подвернувшуюся возможность, я решил лично познакомиться с гладиатором Керлом Вельхоумом. Потому–то он и оказался в этом кабинете.

— Мне очень приятно, генерал. — Гладиатор посмотрел в глаза Сатга, для чего ему пришлось чуть поднять голову. — Но я хотел бы высказать маленькое пожелание.

— Я слушаю.

— Не говорите обо мне в третьем лице. Когда я слышу о себе «он», мне кажется, что меня наконец–то пристрелили и вмуровали в цементопласт на площади Мира в Соммете. — Генерал засмеялся, офицеры словно по команде вежливо растянули губы. — Договоримся так: генерал Сатг симпатичен гладиатору Вельхоуму, и тот позволяет генералу обращаться к нему на ты. — Едва закончив говорить, Керл проанализировал произнесенную фразу. То, что он сказал, было по крайней мере нелепо — захваченный в плен иррационалист позволял генералу–паци обращаться… Но Сатг не обратил внимания на

этот нечаянный казус.

— Хорошо. Генерал Сатг взаимно разрешает гладиатору Вельхоуму обращаться к нему на ты и объявляет последнего своим гостем. Полагаю, господа офицеры последуют моему примеру.

Господа офицеры дружно кивнули.

Обмен любезностями был закончен. Керл решил, что пришло время поинтересоваться:

— Статус гостя означает, что я могу быть свободен, когда захочу?

— Не совсем. Не торопись, Керл Вельхоум. Всему свое время. Я и господа офицеры должны обсудить текущие вопросы. Ты можешь занять место рядом с космомайором Таромом.

Керл не помнил, кто из офицеров представлялся этим именем, но так как свободное кресло было одно, космомайором Таромом следовало считать моложавого симпатичного блондина, чрезвычайно схожего с популярным ламетянским актером Дуком Горльтоном, специализировавшимся на ролях благородных героев.

Итак, вначале Керл из пленника превратился в гостя, а теперь ему предстояло стать участником военного совета. Изумляясь подобному повороту судьбы, Керл сел на указанное ему место. Посьерряне говорили, совершенно не смущаясь

его присутствием. Из их разговоров стала ясна приблизительная картина событий.

Не было секретом, что на Новой России проживало немало сторонников Пацифиса. Вели они себя вполне прилично, и Дума не обращала на них особого внимания. Тем временем новороссские паци не сидели сложа руки. Связавшись с Советом Пацифиса, они предложили совершить государственный переворот, итогом которого стало бы вхождение Новой России в Пацифистскую Лигу. План был гениально прост и апробирован историей уже не единожды. Пацифисты должны были захватить один из населенных пунктов, объявить его самостоятельным государством и запросить помощи у Пацифиса. Все остальное делала посьерранская армия. Совет Пацифиса дал согласие, и вскоре консулат Посьерры известил жителей Содружества, что намерен провести военные маневры неподалеку от сдвоенного солнца системы Гаграу. Это было обычным делом, и новороссские иррационалисты ничего не заподозрили. Как только второй космофлот занял исходную позицию, мятежники приступили к осуществлению плана. Вооруженный отряд захватил крохотный городишко Д'Агуцио и объявил о создании пацифистской республики. Новоявленное

государство обратилось за помощью к Пацифису, и второй космофлот немедленно блокировал Новую Россию. Три военные базы новороссов подверглись бомбардировке и были уничтожены. Отряды рейнджеров захватили Торемму, свергли Думу и арестовали правительство. Сейчас как раз решался вопрос об образовании нового кабинета, подконтрольного Совету Пацифиса. Посьерранские вояки не особенно церемонились с побежденными, тасуя состав марионеточного правительствва по своему усмотрению.

Первая фаза операции, как резюмировал Сатг, была завершена успешно. Но далее все пошло не столь гладко. Новороссы опомнились и начали оказывать сопротивление. Они славились отчаянным иррационализмом и не собирались сдаваться без боя. Почти каждый житель Новой России имел личное оружие, на законсервированных военных складах, оставшихся от прошлых войн, было в избытке вполне пригодной техники; многие новороссы были в прошлом наемными солдатами и диверсантами, а кое–кому довелось даже попиратствовать в Сиреневой туманности. Поэтому недостатка в опытных командирах не было. На дисплеях, которые стояли перед каждым участником военного совета, ежесекундно появ-

лялись скупые строки донесений, сообщавших о том, что отряды новороссов движутся к опорным пунктам захватчиков. По данным косморазведки, повстанцы имели на вооружении махолеты, боевые роботы и даже давным–давно не применявшиеся бробили — допотопные прообразы тритберов, вооруженные не чоппингами, а орудиями, посылавшими снаряды. Судя по слегка озадаченным лицам посьеррян, со снарядами им приходилось сталкиваться лишь на занятиях по военной истории.

— Не хватало еще, чтобы они обстреляли наш штаб какими–то снарядами! — возмущенно заметил генерал Сатг, ознакомившись с этим донесением. Он отдал ряд четких указаний, и трое офицеров, козырнув, отбыли организовывать заслоны на наиболее опасных направлениях. Еще один был назначен военным министром Новой России, а симпатичный майор Таром — комендантом Тореммы.

— Если иррационалисты вздумают сопротивляться, не миндальничайте! — велел ему Сатг.

Двух оставшихся офицеров генерал отослал под надуманными предлогами. Было очевидно, что генерал хочет остаться наедине со своим необычным гостем.

Как и все посьерряне, Сатг предпочитал напиток солдат — ром.

— Старая Гавана, — заметил он, наполняя вместительные бокалы желтоватой пахучей жидкостью. — Был такой городишко на Древней Земле. Его уничтожили мономолекулярной бомбой во второй день Религиозной войны.

Ром приятно обжег нёбо. Керл погонял его во рту и проглотил. Затем он взглянул на Сатга, который выглядел весьма озабоченным.

— Насколько я понимаю, события развиваются не совсем так, как вам хотелось бы?

Генерал суетливым движением потряс свой бокал.

— Нет, все идет, как я и предполагал. Я был уверен, что новороссы не сдадутся без боя. Но мы намного сильнее. Мы — армия, а они — вооруженный сброд. Кроме того, если события примут неблагоприятный для нас оборот, я уполномочен применить книлтическое оружие. Неподалеку отсюда уже возведен купол, под которым монтируется излучатель.

— Вот как! — Керл удивленно вскинул брови. — Но ведь книлтическое оружие запрещено!

— В общем–то, да. Однако Особый корпус располагает одной установкой. По личному рас-

поряжению Президента Содружества.

Гладиатор поставил свой бокал на стол. Его лицо выражало негодование.

— Я знал, что паци не слишком искренни, уверяя, что они против убийства вообще, но считал, что, по крайней мере, они отрицают массовое убийство!

— Великий древнеземной ученый Роб Оппенгеймер был пацифистом, но это не помешало ему принять активное участие в разработке мономолекулярного оружия, в котором он видел прежде всего средство для поддержания мира. Он говорил, что ради достижения мира стоит заплатить любую цену. Мы придерживаемся того же принципа. Эта планета заражена духом насилия. Пацифистские идеи оправдывают все средства, если они способствуют искоренению насилия.

— Выходит, насилие ради искоренения насилия?!

Подняв вверх указательный палец, генерал подчеркнул:

— Разовое насилие ради искоренения вечного. Словно удалить больной зуб. Мы отрицаем иррациональный принцип, признающий право человека на обоснованное убийство. Заповедь третья гласит — убийство противоречит чело-

веческой натуре. Гладиаторские бои, вендетта, узаконенные разборки с оружием в руках… Насилие должно быть искоренено! Так завещал первый Секретарь Пацифиса Шерм Стоурт.

— Но в этом случае вы вступаете в противоречие с самими собой. Выходит, ради того, чтобы предотвратить вероятную — я подчеркиваю, вероятную! — гибель сотни новороссов, вы готовы уничтожить многие тысячи!

— Да, но это случится лишь единожды. Мгновенно. Раз — и больше не будет никаких убийств. Никогда!

— Это логика людоеда, генерал. Ведь для тысяч погибших этот раз будет последним!

— Идея стоит жертв, дорогой мой Вельхоум! Мир нуждается в упорядочении. Все необходимо свести к определенным канонам. И мы сделаем это. Надеюсь, ты обратил внимание на солдат Особого корпуса?

— Да. — Керл усмехнулся. — Сдается мне, вы выращиваете их в одном инкубаторе!

Генерал растянул губы в вежливой улыбке, продемонстрировав ровные, без единого изъяна, зубы.

— Хорошо сказано. Ты почти угадал. С помощью сомметанских геноинженеров мы работаем

над созданием расы солдат. Пока идет первый этап программы, в ходе которого мы отбираем наиболее пригодных по своим психофизическим параметрам юношей и девушек и сводим их вместе, чтобы в будущем получить идеальных детей, из которых вырастут совершенные солдаты. Этой расе будет принадлежать будущее!

— Напоминает селекцию скота, — заметил Керл, — Впрочем, идея не нова. Нечто подобное, кажется, пытались сделать тернеладцы во время второй Рифовой войны.

— И не только они. Наместники Тернелада реанимировали генетические программы древнеземного государства, именовавшегося третьим рейхом. А еще ранее подобные опыты проводил великий полководец Александр, цари Спарты и теночтитланские инки. Но все это было на примитивном уровне. Сейчас же над генетическими программами работают лучшие умы Пацифиса. Пока мы применяем естественно–биологические методы, но вскоре перейдем к искусственному вынашиванию перспективных зародышей в специальных инкубаторах.

— Вы уже заключили в тесные оковы пацифистских догм сознание, теперь же вы хотите подогнать под одну мерку и человеческое тело!

— А почему бы и нет? Что в этом плохого? Я не думаю, чтобы ты предпочел дурнушку красавице. Зачем же загрязнять мир уродливыми созданиями? Пусть его заселят люди, похожие на моих рейнджеров или на гладиатора Керла Вельхоума — сильные и красивые. Или я не прав?

Генерал был в чем–то прав, но Керл не думал сдаваться.

— А что станет с теми, кто слабы и некрасивы, кто страдает от телесных болезней? Вы уничтожите их?

Сатг развел руками, словно желая сказать: неужели обо мне можно так думать?

— Они вымрут сами. А если этот процесс затянется, мы немного поможем им.

— И воцарится искусственный человек!

— Нет, мы против сознания искусственного человека. Достаточно того, что существуют киборги Кромера. Наш человек будет вполне естествен, но с максимально богатыми данными и хорошей наследственностью. Он будет умен, могуч телом, у него будет хорошая память, сердце, легкие, зубы, ему будут неведомы неврастения, ипохондрия и слизняковые опухоли. Жизнь будет доставлять ему лишь удовольствие.

— Умен, красив, весел, хорошие зубы, — за-

думчиво произнес Керл. — Так это же точный портрет генерала Сатга!

Гладиатор искоса взглянул на хозяина кабинета. Тот добродушно усмехнулся.

— Нет, я рожден обычной матерью от обычного отца. Хотя могу с гордостью отметить то обстоятельство, что мои данные также заложены в банк генетической программы, как, впрочем, и данные большинства моих рейнджеров. Кстати, я давно подметил, что у инопланетников сложился определенный стереотип в отношении военных, который можно охарактеризовать тремя словами — сила, исполнительность, тупость. Возможно, так оно и есть, но только не на Посьерре. Наши военные великолепно развиты не только физически, но и умственно. Я, например, закончил университет и Космическую академию, изучал древнеземную историю, философию, психологию, космоискусство, неплохо разбираюсь. Мои любимые композиторы — Глюк и Родинович…

Керл жестко усмехнулся.

— Поклонники Глюка ни за что перерезали глотки пятерым тургерам и глашатаю на Площади игр.

— Суровая необходимость. Это был мой приказ. Новороссы должны позабыть даже само сло-

во «гладиатор». Как только беспорядкам будет положен конец, все сфероматериалы и иные документы, касающиеся гладиаторских поединков, будут изъяты, а Площадь игр уничтожена.

— Жаль, — вздохнул Керл, — это лучшая зона в Содружестве.

— Что поделать. Как говорили древние: искусство требует жертв. — Генерал заметил, что Керл не прикасается к бокалу. — Я вижу, ром не по вкусу гладиаторам. Может быть, кофе? Мы пьем настоящий, а не из элтанированной губки.

— Не откажусь.

Сатг протянул руку к пульту управления и нажал на одну из кнопок.

— Два кофе. — Генерал допил свой бокал и убрал бутылку в контейнер–морозильник. — Открою тебе один секрет, Керл. Хотя, скорей всего, это не является для тебя секретом. Мы, посьерряне, подобно вам, гладиаторам, поклоняемся силе, а не какому–то там разуму, миру и тому подобной дребедени. Заповеди Пацифиса — не более, чем побасенки для простаков, в которые не верят даже сами простаки. Древнеземной психоаналитик Фрейд, труды которого были изъяты из информационных хранилищ по распоряжению Совета Пацифиса, справедливо заметил, что человек по

сути своей есть дикий зверь, им движет страсть к насилию, стремление подчинить своей воле других людей и распоряжаться их судьбами. Человек жаждет доказать свое превосходство над прочими, потому его тянет убивать и насиловать. Когда он убивает, его охватывает наслаждение более сильное, чем от любовного слияния. Это нормально, в этом суть человека. Подобное наслаждение он должен испытывать и наблюдая за убийством. Унижая и убивая другого, человек расходует отрицательную разрушительную энергию. Это благо, даже мы признаем это. Но дело в том, что эта энергия расходуется бесцельно. А наша задача — собрать ее и направить в нужное русло, заставив служить нашим целям. Потому–то мы и требуем запретить гладиаторские бои, как крайнее проявление иррационализма, как предел бессмысленности. Хотя невозможно отрицать, что это очень увлекательное зрелище, и лично мне жаль, что придется расстаться с ним. Но согласись, Керл, кому это нужно. Ведь даже смерть должна преследовать определенную цель. А те убийства, что совершают гладиаторы, лишены какого–либо смысла. За что один человек убивает другого? За деньги? Или чтобы утолить кровавую похоть испорченных нездоровых людей? Но ведь

это лишено всякого смысла!

— Слушаю я тебя, генерал, и мне кажется, что передо мной два человека. Один, облаченный в мрачные одежды, со здоровым румянцем. Он жесток и циничен, но он честен. Я могу не принимать того, о чем он говорит, но он мне понятен и по–своему близок. Но стоит этому человеку обрядиться в белый комбинезон пацифроповедника, и передо мной лжец и лицемер. Причем превращение это происходит в считанные мгновения. Еще недавно я слушал честного воина–посьеррянина, и вот уже говорю с криводушным генералом — паци. И истина, которая уже почти нашла выход из сумрачного тоннеля, застревает в тенетах лживых слов. Почему вы, паци, пытаетесь найти во всем какой–либо смысл? Гладиаторские бои нравятся людям, и они готовы платить за это деньги. А я люблю драться и готов драться. И для меня не существует вопроса: зачем. А зачем в таком случае мы живем? Чтобы дышать, жрать и пить? Тогда я живу для того, чтобы сражаться на арене, а они живут ради того, чтобы смотреть, как я сражаюсь. Если это доставляет им наслаждение, то я не вижу здесь ничего дурного. Мы не нарушаем права других граждан. Каждый, кто пожелал стать гладиатором, сделал этот выбор

добровольно. Так же добровольно люди сидят у своих сферовизоров и делают ставки. Почему вам, паци, необходим во всем смысл?

Генерал Сатг поспешно накинул на плечи белую пелерину лицемерия.

— Человек должен мыслить рационально. То, что противоречит здравому смыслу и не оправдывается действительно практическими потребностями общества — бессмысленно. А значит — вредно. Это иррационализм, который рано ли поздно будет полностью искоренен. Причем вы сделаете это сами, без нашего вмешательства.

Керл хмыкнул.

— Как это произошло на Новой России!

— Да, как это произошло на Новой России, — ничуть не смущаясь, подтвердил генерал. — Благоразумные люди, составляющие большинство жителей этой планеты, наконец осознали, сколь пагубно для их общества увлечение иррационализмом, и подняли восстание против тех, кто оправдывает убийство. Мы по вполне объяснимым причинам пришли им на помощь.

— На языке военных это называется интервенцией.

— На языке военных это называется братской помощью единоверцам, — поправил Сатг. — А

вот и наш кофе!

В кабинет вошла девушка–рейнджер с подносом в руках. Керл взглянул на нее и обомлел. Припухлые губки, чуть вздернутый носик, серые искрящиеся глаза. Вне всякого сомнения, это была таинственная незнакомка, с которой Керл танцевал на Соммете и которая назвалась несуществующим именем — Вельхаум Керл. Гладиатор открыл рот, желая обратиться к той, которую он так долго и безуспешно искал, но она даже не взглянула в его сторону. Поставив поднос на стол, она четко сдвинула каблуки мягких сапожек и вышла. Военная форма была ей удивительно к лицу.

— Так вот, — генерал пригубил кофе, и по лицу его пробежала гримаса удовольствия, — мы избавляем мир от иррационализма, сглаживаем все случайные шероховатости, создавая идеально правильный многогранник. Разве это не благо? Но находятся глупцы, которые отвергают добро, преподносимое им на блюдечке.

— А вы не задавались вопросом: а хотят ли эти глупцы жить по вашим правилам?

— А кто спрашивает их желания? — прямо заявил генерал. — Отвергать рациональное — иррационально, а значит, признается аксио-

матично вредным. И, соответственно, подлежит искоренению.

После подобного объяснения Керлу расхотелось дискутировать, и он сказал:

— Генерал, ты тратишь на меня слишком много времени.

Но Сатг только вошел во вкус. В ответ на замечание Керла он махнул рукой и философски заметил:

— А что значит это время? Впрочем, может быть, ты боишься снарядов? — Генерал, медленно, отчетливо разбивая каждый слог, рассмеялся. Керл отрицательно покачал головой, и тогда Сатг продолжил: — Все эти жалкие потуги новороссов не более, чем примитивная инсургентщина. Война против них подобна гладиаторскому бою, где сильному, опытному, прекрасно вооруженному бойцу противостоит зеленый, неумелый юнец, которого нужно отшлепать. Мы, собственно говоря, и существуем ради того, чтобы учить уму–разуму нахальных юнцов. Здесь проявляется еще одно различие между нами и вами, иррационалистами. Я слышал, ты немало учился, прежде чем вышел на арену?

— Да, — ответил Керл, слегка изумленный внезапной переменой темы разговора. — Десять лет.

— Зачем же так долго?

— Чтобы прожить еще тридцать.

— Отлично сказано! Хотя, подозреваю, ты произносишь эту фразу не в первый раз. — Керл не мог отказать генералу Сатгу в проницательности. — Так вот, все эти десять лет тебя учили те, кому предстояло в будущем сразиться с тобой. Я не ошибаюсь?

— Нет, все так и есть. — Керл все еще не понимал, куда клонит собеседник.

— А так как все, кто сражались против тебя, умерли, выходит, они готовили своего будущего убийцу или, говоря иначе, каждый из них научил тебя, как расправиться с собою.

— Выходит, так.

— Но ведь это парадокс. Лишенный всякого смысла парадокс! Разве придет нормальному человеку в голову мысль научить своего потенциального убийцу владеть оружием. Куда как предпочтительней иметь дело со слабым.

— Но тогда поединок теряет всякую привлекательность.

— Игра, за которую приходится расплачиваться собственной шкурой, — задумчиво произнес Сатг. — Русская рулетка. Я тоже игрок, но предпочитаю делать ставки не на свою жизнь, а на чужую, и

желательно не рискуя при этом проиграть. Вот мы незаметно подошли к сути дела, ради которого я приказал доставить тебя в мой штаб…

— Генерал умолк, встал и подошел к окну. Какое–то время он безмолвствовал, наблюдая за тем, как строительные роботы заливают бетонопластом площадку для махолетов, затем резко повернулся к Керлу.

— Итак, перейдем к делу. Надеюсь, ты не воспринял всерьез басню о том, будто страстный поклонник мечтал познакомиться со своим кумиром Керлом Вельхоумом.

— Воспринял, — признался Керл.

— Напрасно. Я не солгал, сказав, что видел многие твои поединки и что считаю тебя очень опасным противником. Но я не рукоплещу тем, кто убивает ради убийства. Они психи и полны нездорового азарта. А вот мой приятель, Тулт Данлоэ, занимающий в настоящее время пост военного министра Посьерры, действительно твой поклонник. Он предложил мне заключить пари…

— Ты хочешь посадить меня в одну из зон и стравить со своими толстозадыми сосунками–рейнджерами? — оживился Керл. — Давай! Я докажу, что эти люди будущего годны лишь на

то, чтобы щупать девок на Соммете или Микуле.

Слова гладиатора не понравились Сатгу, в его голосе появился холод.

— Нет, для тебя это слишком просто. Я прекрасно понимаю, что в Каменных джунглях ты способен уложить сотню рейнджеров.

— Запросто, — не опасаясь показаться самоуверенным, заявил Керл.

— Поэтому условия пари будут более жесткими. Ты слышал от меня, что мы собираем книлтический излучатель. Так вот, твоя задача избавиться от охраны, которую я к тебе приставлю, выбраться из лагеря и проникнуть в купол. Если сумеешь прикоснуться к двери конверторного модуля, считай, что выиграл.

— Оружие?

— Никакого. С оружием было бы слишком просто. Лишь руки и смекалка. Могу еще пообещать тебе, что запоры в камере, в которую тебя поместят, будут не очень крепки. Я хочу проверить сноровку моих рейнджеров, а не надежность стен.

Керл не выглядел обескураженным.

— Сколько у меня будет противников?

— Четыре охранника у входа в камеру. Ночью это число будет удвоено. Если же тебе удастся вы-

браться, во что, признаться, я не верю, ты будешь иметь дело с двумя когортами, прикрывающими штаб и купол, несколькими десятками тиммеров, тритберами, махолетами, линиями заграждения, минными полями, всевозможными ловушками. На все тебе дается двадцать шесть часов — полные сутки поместному циклу.

Гладиатор подумал и покачал головой.

— Это невыполнимое задание.

— Я тоже так думаю. А вот мой друг Тулт считает иначе. Он поставил на тебя тысячу двойных кредитов.

— Передай ему, что он проиграл.

— Стало быть, ты отказываешься?

— Да.

Сатг оказался на удивление покладист.

— Хорошо, я так ему и скажу. Жаль, мой друг будет разочарован. Да, — генерал сделал вид, что вспомнил нечто важное, — я забыл упомянуть, что имею приказ военного министра Посьерры Тулта Данлоэ, который предписывает мне казнить гладиатора Керла Вельхоума.

— В чем меня обвиняют? — поинтересовался Керл.

— Ни в чем. Просто как чрезвычайно опасного преступника. Закон об Особом положении, дей-

ствующий с сегодняшнего дня на Новой России, дает мне такое право. Ну как, ты по–прежнему отказываешься попытать счастья?

— Нет, последнее обстоятельство меняет дело.

— Вот и прекрасно! Мне будет приятно сообщить министру, что Керл Вельхоум принял его предложение.

— Генерал не оставил мне выбора.

— Правильно! — почти пропел Сатг.

Керл потер покрытую щетиной щеку.

— Где гарантии, что мне будет сохранена жизнь, если я выполню это задание?

— Честное слово генерала Сатга! — патетически воскликнул посьеррянин.

Керл не был склонен доверять обещаниям паци, но выбора у него не было. Оставалось лишь получить ответ на последний вопрос.

— Генерал, я хотел бы узнать еще кое о чем.

— Схему заграждений?

— Нет, с ней я как–нибудь разберусь сам. Кто была та девушка, что приносила нам кофе?

Генерал Сатг хмыкнул.

— Ты молодец, Керл Вельхоум! Даже в такую минуту ты ухитряешься думать о девушках. Она из обслуживающего персонала. Если хочешь, я могу навести о ней справки.

— Да, хочу.

Посьеррянин нажал на кнопку вызова и сказал:

— Узнайте и доложите мне имя девушки, которая приносила нам кофе. — Генерал вопросительно посмотрел на Керла. — Если не секрет, чем она тебя так заинтересовала?

— Я видел ее на Соммете. Мы танцевали волшебный танец, а потом она исчезла. Я искал ее три дня, но так и не смог найти.

— Она не могла быть на Соммете. Служащие Особого корпуса не имеют права покидать Посьерру, если… — На лице Сатта появилась кривоватая усмешка. — Если только это не вызвано особыми обстоятельствами.

— И все же я танцевал с ней! — стоял на своем Керл.

— Сейчас узнаем.

Информационная служба у посьеррян была налажена великолепно. Прошло всего несколько мгновений, и на пульте зажегся зеленый огонек.

— Докладывайте! — велел генерал.

— Ее имя Даймэ Ким, классификация три, сержант Особого корпуса. Желаете поговорить с ней?

— Нет.

— Нужна более подробная информация?

— Узнайте, бывала ли она на Соммете, э–э-э… — Сатг взглянул на гладиатора.

— Два года назад! — быстро подсказал Керл.

— Два года назад, — повторил генерал, адресуясь к невидимому собеседнику.

В личном деле подобный факт не зафиксирован. Прикажете допросить?

— Нет. Я доверяю своим солдатам. — Сатг отключил связь и развел руки в стороны. — Она никогда не бывала на Соммете.

Керл уже и сам начал сомневаться. Все же прошло столько времени…

— Может быть, попросить ее принести нам еще кофе, — предложил Сатг.

— Нет, не надо. Наверно, я ошибся.

— Ну, как знаешь. В таком случае тебе пора идти. Отсчет времени пошел. Удачи тебе, Керл Вельхоум.

— Спасибо, — ответил Керл, поднимаясь. — Мне уже желали ее сегодня.

Подойдя к двери, гладиатор внезапно обернулся и спросил:

— Генерал Сатг, а что ты будешь делать, если вдруг наступит день, когда все планеты войдут в Пацифис? Ведь тогда вы лишитесь последних

своих врагов.

— Ничего. — Генерал изобразил улыбку. — Мы изобретем себе новых.

Командующий Особым корпусом сдержал свое слово. Запоры в помещении, куда поместили Керла, были чисто символическими, но за дверью сидели четверо вооруженных до зубов рейнджеров, саженные плечи которых настраивали Керла на пессимистические размышления. Солдаты были поставлены в известность о том, кто их пленник, и знали, что он должен попытаться освободиться. Поэтому они держались настороже, а входили к Керлу не иначе, как вчетвером.

Керл пробыл в своей тюрьме примерно пять часов, но так ничего и не придумал. Скоро должно было стемнеть. Ночью, по словам генерала, караул удвоят. Затем наступит рассвет, солнце медленно доползет до полуденной отметки. Ровно в пятнадцать Керлу принесут обед, а через два часа его поставят к стенке. Сомневаться, что генерал исполнит свое обещание, не приходилось. Гладиатор мерял шагами узкое пространство комнаты и размышлял.

Спасительная идея пришла совершенно неожиданно. Сколь ни хороша была военная подготовка рейнджеров, инструкторы не смогли изменить

их психологию, психологию паци. Если человек мертв, значит, он умер. Именно так подумали охранники, обнаружив, что Керл болтается в петле под потолком камеры. Один побежал доложить о случившемся генералу Сатгу, другой бросился за доктором. Двое оставшихся стали снимать повесившегося гладиатора. Первый из них придерживал ноги Керла, а второй полез на табурет, чтобы перерезать веревку. С таким же успехом он мог пилить пальцем титановую трубу. Солдат упрямо тупил свой нож о керамическую жилу, и в этот миг Керл открыл глаза. Рейнджер хотел завопить, но кулак гладиатора врезался в его шею, и посьеррянин рухнул с перебитым кадыком. Второму охраннику Керл разбил коленом лицо, а потом добил его, уже лежащего, ударом ножа. Он не спешил и дождался доктора и третьего охранника. Право же, познания Керла в области анатомии были ничуть не хуже, чем у космомеда, явившегося засвидетельствовать его смерть. Тот даже не успел удивиться и рухнул навзничь с раздробленной височной костью. Рейнджера Керл удавил керамической жилой, с помощью которой так ловко изобразил повешенного.

Следовало поторопиться. Керл обыскал мерт-

вецов, пополнив свой скромный арсенал двумя чопперами и гранатами. К его огорчению, гранаты были обычные, а не синхронизированные, иначе он оставил бы своим тюремщикам небольшой подарок.

Генерал Сатг был настолько уверен, что Керлу не удастся справиться с приставленными к нему рейнджерами, что даже не позаботился о внешней охране. Керл беспрепятственно покинул модуль, в который его поместили. Теперь следовало подумать о том, как выбраться из лагеря.

Имелись две возможности, и обе далеко не идеальные. Можно было попытаться выбраться через вал, предварительно разорвав спирали Риола гранатами или мелтановыми импульсами, но в этом случае Керл привлек бы к себе всеобщее внимание, что не входило в его планы. Кроме того, за рвом могли располагаться минные поля и ловушки, избежать которых в темноте было очень непросто. Куда предпочтительней было покинуть лагерь через ворота, но и в этом случае беглецу пришлось бы пустить в ход оружие, что, впрочем, не гарантировало успех, так как ворота представляли собой двухсекционный ангар, разделенный прочнейшей нефелитовой перегородкой, которую было не прожечь даже

плазменной струей.

В легком замешательстве Керл огляделся вокруг себя и чертыхнулся. Как он мог позабыть про махолеты! Шесть летающих машин стояли на плацу рядом с энергетическими модулями. Керл неторопливо направился к ним, и в этот миг его бегство было обнаружено.

Пронзительно завыли сирены, вечерний полумрак прошили лучи установленных по периметру лагеря прожекторов. Из жилых модулей посыпались рейнджеры, напяливая на ходу шлемы и бронедоспехи. Они орали и суетились, командиры отдавали на ходу путаные приказы. В воздухе витало напряжение, словно перед взрывом. Достаточно было поднести спичку, что Керл и сделал.

Он размахнулся и швырнул сразу две гранаты. Черные шарики взвились в воздух, чтобы через мгновение превратиться в огненные цветы. Одна из гранат угодила в стену модуля, где размещались офицеры, другая разметала скопившихся на плацу рейнджеров. Как и следовало ожидать, началось всеобщее веселье, в котором Керл был главным заводилой.

Паника соткала в воздухе зеленую мелтановую паутину. Рейнджеры палили во все стороны, Керл

старательно отстреливал прожектора. Шальной импульс попал в один из энергетических контейнеров, и тот превратился в огромное огненное кольцо, испепелившее все в радиусе двухсот футов. Напрасно голос генерала Сатта, доносившийся из радиорателя, призывал рейнджеров успокоиться. Сообщение, что на территории лагеря находится сбежавший из плена гладиатор Керл Вельхоум, вызвало еще большую панику. Рейнджеры хорошо знали это имя.

Предоставив посьеррянам истреблять друг друга, Керл устроился в тени одного из махолетов и стал дожидаться, пока не появится какой–нибудь пилот. Как и всякий другой гладиатор, Керл умел управлять этими летающими машинами, но он не знал оборонительной системы лагеря, а кроме того, ему требовались более подробные сведения о куполе.

Ожидание затягивалось, и Керл избавился еще от пары гранат, дав веселью новый толчок. Рейнджеры почему–то решили, что он прячется в одном из модулей, и буквально растворили ни в чем не повинное строение в море мелтановых импульсов. Керл ждал.

Наконец у взлетной площадки появился человек, на шлеме которого был изображен значок

с двумя перекрещенными лопастями. Керл, не мешкая, схватил его за шиворот и впихнул в один из махолетов.

— Пилот?

— П–пилот, — лязгая зубами, подтвердил пойманный. Ему явно недоставало той храбрости, которая, по словам генерала Сатга, должна была переполнять каждого рейнджера.

Керл ласково улыбнулся посьеррянину.

— Тогда летим.

— Куда?

— Высадишь меня прямо на купол.

— Нельзя. Там полно тиммеров. Нас собьют. — Пилот немного успокоился, в его голосе появились нотки уверенности.

— Ну, тогда высадишь меня около купола.

— А ты меня не убьешь?

— А зачем? — вопросом на вопрос ответил Керл и добавил:

— Ведь ты не будешь делать глупости?

— Нет.

— Полетели!

— Но…

Керл решил прекратить дискуссию, в бок пилота уперся ствол чоппера. Под влиянием этого аргумента пилот поспешно поднял махолет

вверх и вывел его за пределы лагеря… Хаос мечущихся прожекторов, мелтановых импульсов и пламени остался позади. Керл позволил себе расслабиться.

Воздушное путешествие было недолгим. Вскоре машина приземлилась на небольшую лужайку. До купола, смутно поблескивавшего во тьме, оставалось не менее мили.

— Эй, приятель, я же велел тебе высадить меня около купола!

— Это невозможно, — ответил пилот. — Купол окружен минным полем. Видишь вон ту штуковину? —Посьеррянин указал на бетонный куб, смутно виднеющийся неподалеку. — Это знак, что дальше идти опасно. Все это поле напичкано ритм–минами. Знаешь, что это такое?

Керл кивнул. Ему приходилось сталкиваться с подобными взрывными устройствами, реагирующими на частоту колебаний человеческого сердца. Гладиаторы со свойственным им черным юмором именовали эти мины «сердечными друзьями». Человек не мог ни безнаказанно миновать, ни обезвредить подобное устройство, для этого требовался специальный робот.

Тоненько затрещал зуммер радиофона. Керл глазами приказал пилоту включить режим пе-

реговоров.

— Если я не ошибаюсь, это Керл? — Голос принадлежал Сатгу.

— Так точно, мой генерал! — ответил гладиатор.

— Ты ловко провел моих парней и улизнул из лагеря. Посмотрим, что ты будешь делать дальше.

Довольный собой Керл рассмеялся.

— Посмотрим. А ты не боишься, Сатг, что я просто смоюсь?

— Нет. Это не в твоем стиле. Кроме того, тебе не выбраться с планеты, а здесь ты рано или поздно будешь пойман. Добраться до конверторного модуля — твой единственный шанс спасти шкуру. С тобой есть пилот?

— Да. А что?

— Передай ему, что по возвращении он будет расстрелян, а лучше пристрели его сам.

— Я так и сделаю, — сказал Керл и выстрелил побледневшему рейнджеру в живот.

— Удачи, Керл.

— Всего хорошего, генерал.

Забрав находившиеся в махолете гранаты и ракетомет, Керл пошел в ночную тьму. Отойдя шагов на пятьдесят, он обернулся и выстрелил.

Импульс попал точно в энергетический кабель, и летающая машина превратилась в комок пламени.

Остаток ночи Керл провел на ногах, пытаясь найти лазейку в обороне купола. Но проклятое минное поле исключало малейшую возможность подобраться к нему поближе. Кроме того, по периметру купола стояли тиммеры, запрограммированные на поражение любой движущейся мишени. Пару раз в темноте мелькал тонкий мелтановый луч — это роботы обстреливали поле, уловив движение какой–то мелкой зверушки. Один из импульсов попал в «сердечного друга», тот с грохотом взорвался, натолкнув Керла на определенные размышления.

Ближе к рассвету в небе тоненько зажужжали махолеты. Вполне вероятно, они охотились не за Керлом, но гладиатор не пожелал проверить это. Один из махолетов рухнул вниз оранжевой кометой, остальные исчезли. Примерно через час, когда Керл закончил все приготовления и был готов приступить к осуществлению своего плана, послышался заунывный свист, и на поле выросли два фонтана земли. Буквально через мгновение узкий раструб на вершине купола издал отрывистый кашель. Это книлтический

излучатель отвечал своим невидимым врагам. Сражение между агрессорами и новороссами началось. Это было на руку Керлу.

В посьерранской армии применялись универсальные ракеты «Контан» со съемными боеголовками. На подобной ракете можно было установить обычный, плазменный, химический или бризантный боезаряд в зависимости от того, какую цель требовалось поразить. Керл не собирался обстреливать купол, ракета была нужна ему совсем для иной цели.

Вывернув капсулу боезаряда, Керл укрепил на ее месте моток тончайшего синтетического шнура, длина которого, если верить заверениям фирмы Кротт, составляла восемьсот футов—именно настолько простиралось минное поле. Убедившись, что со шнуром все в порядке и он легко сматывается с бобины, Керл приладил ракетомет к плечу, тщательно прицелился и выстрелил. В плечо толкнуло отдачей. Приставив руку ко лбу, чтобы защитить глаза от солнца, Керл наблюдал за кувыркающейся в воздухе ракетой до тех пор, пока она не упала на землю всего в каких–нибудь пятидесяти футах от купола. Первая часть плана была осуществлена успешно. Теперь можно было непосредственно заняться минным полем.

Сторожевые тиммеры, охранявшие периметр, были запрограммированы таким образом, что реагировали на движение, а не на инфракрасное излучение, как обычно. Людей должно было остановить минное поле, а в задачу механических защитников вменялось истребление махолетов, боевых роботов и радиоуправляемых бронемашин. Обладавшие примитивным мозгом тиммеры не видели различий между боевым устройством и металлической болванкой. Им было приказано считать врагом любой движущийся объект. Этим обстоятельством и решил воспользоваться Керл, чтобы расчистить себе путь к куполу.

Выбрав слабину, он резко дернул шнур, заставив пустотелую болванку ракеты подпрыгнуть на месте. Тиммеры мгновенно насторожились и навели дула чопперов на внезапно объявившегося врага. Керл вновь потянул за шнур, заставляя мертвую железяку ожить. Три тиммера плюнули в мишень зеленоватыми строчками импульсов. Но враг, столь нахально вторгнувшийся во владения тиммеров, не умер и продолжал сопротивляться. В скудные мозги роботов вселилась ярость. Тиммеры вскинули свое оружие и открыли беспорядочный огонь. Быстро перебирая шнур

руками, Керл начал тянуть металлического помощника к себе. Раздосадованные необъяснимой живучестью врага тиммеры перешли на автоматическую стрельбу. Длинные зеленые строчки впивались в землю вслед за ползущей болванкой. Некоторые из импульсов попадали в овальные тела мин, и те с грохотом детонировали.

Один взрыв, второй, третий. Керл вел счет уничтоженным минам и запоминал их местоположение. Вместе с тем он не забывал быстро сматывать шнур, опасаясь, как бы какой–нибудь импульс не перебил его.

Тиммеры не на шутку раззадорились. В этом они были весьма схожи со своими хозяевами–паци. Стрельбу начали три робота, теперь же к ним присоединились все те, что охраняли эту сторону периметра. За изрешеченным куском металла, стремительно убегающим к росшим на краю поля кустам, вставала огненная стена мелтана и детонирующих мин.

Вот и все. Керл подтащил свою приманку к кубу и позволил тиммерам добивать ее.

Он насчитал двадцать четыре взрыва. Если учесть, что «сердечных друзей» по инструкции ставили на расстоянии тридцати футов друг от друга, тиммеры уничтожили почти все мины в

том месте, по которому «пробежала» ракетная болванка, расчистив таким образом Керлу подход к куполу.

Потребовалось немало времени, прежде чем ретивые защитники убедились, что их враг мертв, и успокоились. Тогда гладиатор вышел из–за кустов и медленно направился к куполу. Тиммеры поработали на совесть. Выжженная импульсами трава указывала путь, которого Керл должен был строго придерживаться.

Он шел по черной перепаханной земле, пристально вглядываясь перед собой. «Сердечный друг» был бы идеальным оружием, если бы не один крохотный недостаток. Детектор, реагировавший на биение сердца, находился над поверхностью земли и при должном внимании его нетрудно было обнаружить. Керл прошел не менее половины пути, отделявшего его от купола, прежде чем заметил первую уцелевшую мину. Гладиатор подорвал ее гранатой и двинулся дальше. Теперь следовало быть настороже и поглядывать не только под ноги, но и на периметр купола, по которому неспешно курсировали тиммеры. Как ни медленно он двигался, роботы наверняка заметили нарушителя и вот–вот должны были открыть огонь.

Мелькнул зеленый импульс. Зная, что тиммеры при первом выстреле целятся чуть ближе мишени, словно предупреждая, что дальше идти не следует, гладиатор отпрыгнул назад и затаился. Купол был всего в двухстах футах, но теперь противниками Керла были не только мины, но и тиммеры.

Стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать тиммера на выстрел, Керл прицелился и послал импульс точнехонько в осязательный центр стрелявшего в него робота. У тиммера заклинило контакты, и он принялся палить во все стороны. Несколько импульсов попали в его собратьев, вынудив их открыть ответный огонь.

Пока тиммеры разбирались между собой, Керл преодолел еще около сотни футов, уничтожив при этом несколько мин. Ему оставалось пройти совсем немного.

Тем временем нешуточный бой разгорелся с другой стороны купола. Судя по всему, новороссы взялись за своих врагов всерьез. Звуки канонады постепенно приближались. Снаряды, прежде обильно падавшие на минное поле, теперь попадали непосредственно в матовое покрытие купола. Это обстоятельство было на руку Керлу.

Теперь охранявшим книлтическую установку рейнджерам было не до него, а с тиммерами гладиатор надеялся как–нибудь управиться.

В землю возле плеча вонзилась раскаленная игла импульса. Очевидно, опомнившиеся тиммеры взяли своего врага на прицел и ожидали лишь малейшего движения, чтобы обрушить на него ураган импульсов. Но Керл не собирался дарить им такую возможность. Он лежал очень долго. Лежал внешне неподвижно, но на деле постепенно принимал положение к выстрелу. Его руки и голова перемещались столь медленно, что даже тиммеры отказывались признавать это движением. Но все же Керл двигался, поднимая ракетомет. И вот его глаза уже смотрят в прорезь прицела. Из восьми тиммеров в строю оставалось пять. И все они были настороже, держа подозрительный объект под прицелом. Керл не шевелился, несмотря на то, что у него страшно затекли руки, и в конце концов добился своего. Тиммеры ослабили внимание. Один начал охоту за очень кстати вышедшим прогуляться розовым кроликом, два других стали медленно перемещаться по площадке периметра, высматривая, не крадется ли к куполу еще какой злоумышленник. И тогда Керл нажал на боевой спуск. Ракета

разнесла вдребезги двух самых бдительных роботов, наблюдавших за подозрительной точкой у края выжженной травы. Прежде чем исчезнуть в облаке пламени, тиммеры успели ответить, но ни один из пущенных ими импульсов не задел Керла.

Не успело эхо взрыва достичь земли, а Керл уже что есть сил бежал к куполу. На бегу он посылал импульсы, взорвав одну за другой три мины. В четвертую он не попал. Горячая волна дохнула в лицо, и Керл провалился в омут.

Сознание вернулось вместе с грохотом близкого разрыва. Керл сглотнул застрявший в горле комок и чуть пошевелился. Движение отдалось болью во всем теле, голова была словно налита чугуном. Застонав, Керл открыл глаза — сначала левый, затем правый. Для этого пришлось напрячь лицевые мускулы, потому что ресницы были склеены липкой массой, которая покрывала все лицо. Керл лизнул щеку и понял, что это засохшая кровь.

Над головой раздался надсадный кашель, затем издалека долетели отрывистые звуки, сменившиеся свистом. Оглушительно грохнуло, гладиатора подбросило вверх. Удар о землю вывел Керла из оцепенения. Стиснув зубы, он приподнял го-

лову и осмотрелся. У края минного поля стояли несколько бробилей. Один из них горел, остальные выплевывали сгустки пламени, которые, воя, проносились над Керлом и с грохотом раскалывались о купол. Новороссы успели сделать еще два залпа. Потом вновь раздался механический кашель, подобный тому, что Керл слышал мгновением раньше. В тот же миг поляну, где стояли бробили, захлестнула волна огня. Когда лепестки пламени опали, взору Керла предстали черные хрупкие остовы с причудливо оплавившимися стволами и вздутыми кормовыми надстройками. Таков был результат действия книлтического оружия.

Лишь сейчас Керл вспомнил, что сидит в нескольких шагах от купола, и удивился тому, что его до сих пор не прошил импульс. Медленно, моля судьбу и удачу, чтобы тиммеры не обратили на него внимания, гладиатор повернул голову. Роботы были мертвы. Снаряды бробилей довершили начатое Керлом. Теперь ничто не мешало гладиатору подобраться к самому куполу. Керл поднялся на ноги и, пошатываясь, побрел вперед. Перед глазами плыло. Ему здорово досталось при взрыве мины. Хотя гимпиор и защитил тело от осколков, он не смог уберечь его от ударной

волны, а в результате Керл чувствовал себя так, словно по нему проехал средних размеров третбер. Но еще сильнее досталось лицу и кистям рук, израненным сотнями крохотных иголок, которыми был начинен корпус «сердечного друга». Следовало признать чудом, что не пострадали глаза.

Тридцать неверных шагов, каждый из которых был наполнен болью, Керл добрался до купола и со вздохом облегчения привалился к чуть шероховатой, теплой поверхности. Только теперь он мог в полной мере оценить это гигантское, поистине неуязвимое сооружение из нефелита, чьи стены, казалось, уходили в облака.

Прислушиваясь к стремительному бегу ускользающего от него времени, гладиатор бессильно опустился на землю. Дыхание его было прерывистым и хриплым. Щурясь, Керл взглянул на солнце. Судя по положению местного светила, уже был полдень. В распоряжении гладиатора оставалось не более трех часов.

Вход… Вход. Вход! Вход!!!

Вход был — Керл видел его, когда изучал подходы к куполу, — но он был перекрыт массивной плитой.

Должен же быть хотя бы еще один вход!

Не сознавая, что делает, Керл лизнул окровавленный палец. Тиммеры. А что тиммеры? А то, что по правилам роботехники должны осматривать их через каждый день. Неужели они, каждый раз рискуя жизнями, пробираются мимо минного поля, чтобы потом невесть как вскарабкаться на площадку периметра? И вдобавок тут же быть подстреленными тиммерами! Нет, посьерряне не были похожи на идиотов, сознательно усложняющих себе жизнь. Керл извлек «кошку» и забросил ее на металлический обод, огораживавший периметр. Вскоре он стоял на узкой площадке меж двумя мертвыми тиммерами. Отсюда было прекрасно видно окрестности. Бой затихал. Книлтический излучатель кашлял все реже и реже. Вскоре новороссы будут окончательно разбиты, и тогда генерал Сатг всерьез примется за Керла. Но должен же быть какой–то выход! Точнее, вход. Миновав искореженные остовы роботов, гладиатор достиг края платформы. Неужели неудача? Нет, интуиция не подвела Керла. Он стоял перед небольшой, едва заметной в сером панцире брони дверью без каких–либо признаков замка. Очевидно, открывалась она только изнутри. Сделав шаг назад, Керл поднял чоппер и выпустил пять длинных импульсов. С

таким же успехом он мог пытаться пробить дверь головой. На гладкой поверхности остались лишь едва заметные оплавлины. Чтобы сокрушить эту преграду, был нужен плазмомет или мощный направленный взрыв, Керл же располагал лишь чоппером и тремя гранатами. Сам он сделать ничего не мог, оставалось лишь надеяться на оплошность врагов. Керл сел у двери и принялся ждать.

Мгновения тянулись томительно. Болело разбитое тело, ныли иссеченные осколками руки, нестерпимо чесалось покрытое кровавой коркой лицо. Вдобавок ко всему Керла начала донимать жажда, но он терпел, дожидаясь своей минуты, и дождался.

За дверью раздался едва слышный шорох. Мгновение — и Керл был на ногах. Еще одно — и он распластался на наклонной стене над дверью. Едва он успел сделать это, как бронированная крышка с легким гулом отошла в сторону, и из чрева купола вышел рейнджер. Следом за ним появился еще один. Приставив ко лбу ладонь, защищая глаза от солнца, они осмотрели изуродованное взрывами поле, затем перенесли свое внимание на разбитых тиммеров.

Этой секции досталось больше других.

— Да. И кажется…

Что ему показалось, рейнджер объяснить не успел. Керл ударил его ножом над ухом. Его напарник вскинул чоппер, но гладиатор оказался быстрее. Спустя мгновение второй паци лежал рядом с первым, а Керл вытирал окровавленное лезвие о его куртку. Затем он скинул трупы на землю, вошел внутрь купола и закрыл за собой дверь.

Длинный извилистый ход привел гладиатора в модуль, служивший складским помещением. Здесь хранились всевозможные боеприпасы, запасные детали, разобранные тиммеры и прочая дребедень. Керл не побрезговал порыться в этом хламе и был вознагражден. Между контейнерами с пищевыми концентратами он нашел упаковку синхронизированных гранат, что было приятной неожиданностью, так как паци громогласно объявляли, что отказались от них как от негуманного оружия. Выбросив часть ненужных ему более приспособлений, Керл заполнил освободившиеся контейнеры гранатами. Еще несколько он рассовал в штабеля боеприпасов, захватив синхронизаторы с собой. Азартная игра, затеянная генералом Сатгом, подходила к финалу. Надо признать, она увлекла Керла.

Теперь гладиатор был уверен, что выиграет. Понадеявшись на непреодолимость оборонительных систем купола, паци были чрезвычайно беспечны. Керл без особого труда миновал два контрольных поста, оставляя после себя трупы и синхронизированные гранаты. О том, что он все же ухитрился проникнуть в купол, паци догадались лишь тогда, когда Керл достиг энергореактора.

Это была важнейшая часть купола — если не сердце, то уж наверняка желудок. Именно здесь рождалась та энергия, что уничтожала броне-колонны и города новороссов. Энергореактор представлял собой большой бункер, изолированный тремя поясами защиты — сначала шел слой особо прочного керамопластика, затем двухфутовые нефелитовые плиты, за плитами располагались кремнебетонные блоки, которые гасили остатки взрывной волны.

Принцип действия книлтического оружия был весьма несложен. В энергореактор помещали нужную порцию грометола, затем его подрывали, направляя высвободившуюся энергию в специальный конвертор, который посылал силовой луч в нужном направлении. Там, куда этот луч был направлен, происходил взрыв, чья

мощь равнялась девяти десятым взрывной силы грометола, загруженного в энергореактор. Радиус действия этого оружия был практически неограниченным. Книлтические лучи можно было посылать даже в другое созвездие.

Энергореактор обслуживали десять техников. К тому времени, как прозвучал сигнал тревоги, Керл убрал шестерых из них. Уже не таясь, гладиатор быстро покончил с остальными. Под надрывный вой сигнальных сирен он затребовал со склада пять максимальных порций грометола. Взрывчатка, упакованная в контейнеры из химически инертного пластика, поступала по вертикальному конвейеру, а Керл тем временем отстреливал рейнджеров, которые пытались проникнуть в энергетический модуль. Должно быть, на конверторном пульте сидели полные тупицы, раз они позволили Керлу получить почти весь затребованный грометол. Лишь последняя партия была заблокирована и возвращена в хранилище.

В итоге Керл располагал восемью тоннами грометола, что намного превосходило критическую массу, которую мог выдержать энергореактор. Сняв синхронизаторы с двух гранат, гладиатор сунул их между контейнерами с взрывчаткой. Подумав, он положил еще одну под запасной пульт,

предназначенный для аварийного выброса энергии. Теперь гладиатор мог запросто поднять купол в небо. Это было неплохой гарантией того, что генерал Сатг сдержит свое обещание.

Пришло время закончить игру. Первым делом Керл избавился от всех лишних синхронизаторов. Внутренности купола потрясли раскаты взрывов, в довершение грохнул еще один — самый мощный. Это сдетонировали мелтановые накопители, хранившиеся в складском модуле. Взрывы создали у охраны ложное впечатление, что в купол проник не один, а несколько злоумышленников. Начавшаяся паника облегчила Керлу выполнение его задачи.

Бросая перед собой гранаты, он начал пробиваться к конверторному модулю, который размещался в верхней части купола. Каждый фут был насыщен смертью. Вокруг Керла бушевал дождь мелтановых импульсов, в одном месте он едва не напоролся на синхронизированную гранату, лишь чудом избежав гибели, в другом попал под массированный огонь тиммеров. Керл прыгал, бежал, падал, лез по каким–то трубам и скобам, уворачивался от огненных брызг, которые сыпались из пробиваемых импульсами переборок, щедро расшвыривал гранаты и тут

же сжимал синхронизаторы. В конце концов он пробился к заветной двери в конверторный модуль — иначе и быть не могло! — и коснулся ее. Выстрелы смолкли словно по команде. Это могло означать лишь одно — он выиграл.

Керл толкнул дверь и вошел в просторный, тускло освещенный зал, который и был конверторным модулем. Огромное пространство помещения было совершенно пустым, если не считать массивной, опутанной множеством причудливых приборов трубы конвертора, сиротливо приткнувшейся у одной из стен.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что в модуле никто не прячется, Керл направился к конвертору. В этот миг отворилась неприметная дверь, и появился генерал Сатг в сопровождении десятка рейнджеров.

— Я победил, генерал! — хрипло сказал Керл.

— Да, это так, — согласился Сатг.

— Теперь ты убедился, что один гладиатор стоит сотни твоих хваленых рейнджеров! — Посьеррянин не ответил. — Теперь ты отпустишь меня?

Генерал покачал головой.

— Нет. На твоей совести жизни многих граждан Посьерры. Лично я прощаю тебе это, но Пацифис

не может позволить подобной роскоши.

— Это означает, что ты не сдержишь свое слово?

— Сдержу. Тебя расстреляют. А мой друг Тулт Данлоэ будет извещен, что гладиатор Керл Вельхоум не справился с данным ему заданием. На изготовку!

Рейнджеры дружно вскинули чопперы.

— Не торопись, генерал! — Керл поднял руку и продемонстрировал пластиковый кружочек синхронизатора. — Видишь вот эту штуковину? Сейчас я сожму ее, и мы все вместе взлетим на воздух!

Сатг усмехнулся.

— Твой фокус не удался, я разгадал твой план. Рейнджеры уже осмотрели контейнеры с гранатометом и извлекли из них гранаты. А сейчас идет разгрузка энергореактора. Так что можешь умереть спокойно.

Окровавленное лицо Керла превратилось в жутко улыбающуюся маску.

— Это не та граната, генерал. Эту я подсунул под резервный пульт.

— Ты блефуешь, — медленно выговорил Сатг, но Керл заметил, что генерал побледнел.

— Проверим! — сказал гладиатор и начал мед-

ленно сжимать пластиковый комочек.

— Стреляйте! — что есть сил заорал Сатг. — Стре..!

Чопперы плюнули мелтановым огнем. Не менее десяти импульсов вонзились в тело Керла, прожигая гимпиор, один угодил в голову, а еще один в руку — точно в то место, где лежал синхронизатор. Гладиатор еще не успел рухнуть, как в недрах энергетического модуля грохнул взрыв. Осколки изрешетили резервный пульт, пробив предохранительные цилиндры, и начался аварийный выброс энергии, количество которой значительно превышало критический уровень, на который был рассчитан энергореактор.

Десять стремительных мгновений.

Десять — генерал Сатг разевал рот в безмолвном крике…

Девять — рейнджеры остервенело рвали импульсами мертвое тело Керла…

Восемь — в их глазах появился ужас…

Семь — они повернулись к выходу из конверторного модуля…

Шесть — крича и толкаясь, бросились вон…

Пять — рейнджер Миклин Хардецки вскинул чоппер и прострелил голову генералу Сатгу, который загораживал ему дорогу…

Четыре — орущее месиво покатилось по узкой лестнице…

Три — гулко бились сердца…

Два — жизнь была сладка, и паци на что–то надеялись…

Один — смерть была всего в шаге, но они еще на что–то надеялись…

И прогремел взрыв, от которого содрогнулась планета. Когда гигантское облако рассеялось по горизонту, новороссы обнаружили, что купол–убийца бесследно исчез. Вместе с ним растворилась в плазменном облаке большая часть Особого корпуса Посьерры.

Это был прекрасный салют в честь гладиатора Керла Вельхоума, но Керл не увидел его. Он вновь умер на десять секунд раньше…

Десять быстролетных мгновений. Было до слез обидно, Керл попытался куснуть губу. Мягкая рука коснулась его головы.

Сейчас десять часов по сомметанскому циклу. Только что мы вошли в Систему Радуги. Через шесть дней наше путешествие будет закончено.

Шесть дней. Паци здорово спешили. «Инферно» держал крейсерскую скорость. Они торопились доставить Керла Вельхоума на Соммету, где ждет суд. И толпы паци придут поглазеть на беспо-

мощного гладиатора. Последнего гладиатора. Сотни сытых, веселых, похожих один на другого паци. Словно розовощекие пауки, выпущенные из одной банки. Они не пьют водку — это не модно. Они не курят ганыпу — это вредно, это удел астронавтов, предпочитающих дарующий грезы наркотик тяжелым думам и онанизму. Они бегают трусцой и следят за дыханием. Они прекрасно знают свои права и ссылаются на них при каждом удобном случае. Они обожают длинные паци–проповеди и много говорят о мире. Их женщины одинаково приветливы и доброжелательны. У них мягкие руки и безвкусные губы. В постели они обычно думают лишь о том, чтобы выглядеть пристойно. Соммета, Посьерра…

У нее тоже мягкие руки. И губы — мягкие, но страстные, жгучие, словно телапотанский синий перец. Белонна… В последний раз он повстречал ее на Белонне.

— Ты меня слушаешь?

Керл чуть шевельнул ресницами.

— В Тааме тебя ждет суд. Совет Пацифиса поручил мне ознакомить тебя с приблизительным списком обвинений, которые тебе будут предъявлены.

«Почему ты занимаешься этим?» — хотел спро-

сить Керл.

Она тут же ответила:

— Скорей всего, твоим защитником на процессе буду я.

«Ты? Палач, защищающий казненную им жертву?!» — Керл мысленно расхохотался. Она не обратила внимания на его смех и заметила, поправляя синтикоровую подушку, хотя в этом не было никакой необходимости:

— Я ведь имею юридическое образование.

— Да, эти паци со столь чистыми взорами и грязными душами много знали и много умели. Взять хотя бы Лайта Пазонса, генерала Сатга или, например, ее. Ее… Девушку с голубоватой кровью и неутомимыми мышцами. Она крутила мечом вдвое быстрее Керла и к тому же была ослепительно хороша. У него не было шансов выиграть.

— Пункты с первого по двести сорок пятый. Они идентичны. Формулировка обвинения одинакова. Предумышленное убийство. По законам Пацифиса по каждому из этих обвинений суд вправе приговорить тебя к пожизненному заключению. При смягчающих обстоятельствах этот срок может быть снижен до десяти лет…

Керл едва не захлебнулся от смеха, представив, как он отбывает двести сорок пять пожизнен-

ных заключений. Подарите мне двести сорок пять жизней, и я отбуду их все! А если вы еще и вернете мне мое тело, то я уйду от вас! Ведь нет такой тюрьмы, из которой не смог бы убежать гладиатор Керл Вельхоум! И поэтому:

— Если суд обнаружит отягчающие обстоятельства, тебя ожидает смерть на электрическом стуле.

Прекрасно! Говорят, что мощные электрические разряды могут пробудить омертвелые мышцы. Тогда он порвет свои оковы и встанет. И подарит своим судьям смерть, ибо обрекающие на смерть других всегда должны быть готовы умереть сами. Двести сорок пять смертей… Они хотят осудить его за убийства, которые он не совершал. Ведь это была игра. Смертельная игра, участники которой знали, на что идут. Керл был уверен: они не в обиде на него, подарившего им смерть. По крайней мере те, кого он уважал, те, кто могли убить его. Гет Махров, Мирм Оэргаум, Эрн Торландер, стремительный, словно кошка, Андреев, гигант Джон Кэрдом по кличке Малютка, Диг Фейстерс, Фил Успинскй, с которым он дрался на розовом астероиде, великолепный Шер–Шер — после боя с ним Керл полгода мочился кровью, Ниринг, Форд Сейкер. Их было много.

И все они умерли. Их имена стали забываться. Керл гордился победами над ними, как они, будь чуть удачливей, гордились бы победой над ним. То были ветераны Гильдии, уважительно относившиеся к смерти и друг к другу.

Барри Гилмор — он мог подарить Керлу легкую смерть, и тогда великий Вельхоум лежал бы сейчас в Пантеоне, а на его саркофаге из жирно–черного базальта красовалось бы число 244. Впрочем, Пантеона уже нет.

А она могла бы стать двести сорок шестой, но Керл сам не захотел этого.

Зачесалась левая нога. Она не заметила этого, а Керл не захотел пожаловаться. И зачем она говорит все эти глупости, перечисляя имена, давно канувшие в лету, и забавно шевеля маленькими, розовыми теплыми губками? Разве ему теперь это нужно?

Двести сорок шестая.

— Пункт двести сорок шестой — глумление над идеями Пацифиса. Наказание…

Что ж, это обвинение можно предъявить миллионам обитателей Содружества — тем, кто открыто признавали себя иррационалистами. И все они отличные ребята хотя бы уже потому, что перед тем, как выстрелить в спину, они обя-

зательно окликнут тебя. Паци стреляли молча.

— Пункт двести сорок седьмой — причинение материального ущерба государствам Пацифиса. Далее следуют еще десять пунктов, содержащих обвинения по менее тяжким преступлениям.

«Зачем тебе это? — шепнули губы Керла. — Лучше погладь меня по голове, а то я начал забывать твою ласковую руку». Откуда–то сверху опускалась тяжелая непроницаемая пелена, окутывавшая голову и заставлявшая кровь стучать гулкими молоточками. Липкая лента отрезала Керла от мира, оставив его в полном одиночестве. Ни голоса, ни звука, словно вмурованный в черное безбрежье вакуума. Верно, так чувствуют себя приговоренные к «легкой смерти». Так паци именовали казнь, когда осужденного заключали в неуправляемую капсулу, снабжали трехдневным запасом пищи и воды и оставляли близ необитаемых астероидов. Эта казнь считалась гуманной. Керлу не подарят подобной смерти. Ведь он Вельхоум. А Вельхоума надо не только убить, но и трижды убедиться, что он мертв.

Липкая лента проникла в рот. Керл начал задыхаться. Он хотел закричать, но не мог, хотел пошевелиться, но пальцы не слушались его. Теряя сознание, Керл выдавил лишь одно слово:

— Белонна!

— Белонна…

После того как паци прибрали к рукам Новую Россию и Лербену, Белонна стала последним прибежищем гладиаторов. Остальные Свободные Планеты уже не рисковали проводить турниры, опасаясь спровоцировать вторжение войск Пацифиса. Лишь гордая прекрасная голубоводная Белонна во всеуслышанье заявляла о своей приверженности идеям иррационализма, а ее сферотрансляторы регулярно передавали репортажи с гладиаторских турниров.

Казалось, в этом уютном мире ничего не изменилось. Малиновое солнце было по–прежнему ласково, люди приветливы и улыбчивы, улицы утопали в зелени, стеллажи торговых модулей ломились от товаров. По вечерам доносилась негромкая музыка, и до самого утра по улицам нетвердым шагом бродили гуляки, дегустирующие всевозможные напитки — от старого андалусийского до модного ныне кепча.

Внешне ничего не изменилось. Но на деле все уже было не так, как прежде. Планету окутала тяжелая пелена обреченности. Пацифис одерживал верх. Об этом свидетельствовало многое — гладиаторы завершали карьеру, стремительно

сокращалось число зрителей, резко упали доходы маклерских контор. Люди стали осторожней в словах, понимая, что может наступить день, когда все сказанное будет поставлено им в вину.

Тени заполнили узкие, улочки Вольтервилля. День близился к концу. Солнечный диск наполовину утонул в бездне Лазурного моря. Сплевывая шелуху сладких терратовых орешков, Керл неторопливо шагал по направлению к Дворцу Меча.

Вольтервилль был типичным городом Эпохи Становления. Ровные ряды аккуратных небольших домиков с обязательными цветниками под окнами перемежались тавернами, барами и домашними пансионами, где за умеренную плату можно было жить и столоваться хоть круглый год. Скоро Керлу, возможно, придется поселиться в одном из подобных пансионов. Завтра последний день турнира «Корона и щит», что будет дальше, никто не знает. Впервые за многие годы не поступило ни одной заявки на проведение очередного турнира. Могло случиться так, что турнир в Вольтервилле окажется последним.

По большому счету, Керлу было наплевать на это. Жаль, конечно, расставаться с занятием гладиатора, в котором он достиг такого совершенства, но если Гильдия умрет, Керл не останется

без дела. Пока есть парни, заботящиеся не о том, чтобы прожить дольше, а о том, чтобы прожить повеселее, Керл Вельхоум найдет себе занятие. И даже если эти парни вымрут, подобно мастодонтам Сягьерры, Керл рассчитывал оставить этот бренный мир последним. Закончив карьеру гладиатора, он может записаться в укротители диких сатардов на недавно открытой Кээне или стать косморазведчиком. Во Вселенной еще предостаточно мест, где требуются меткий глаз, сильная рука и железная выдержка.

Керл выбросил опустевший пакетик в утилизаторный контейнер и свернул на улицу Торландера, которая выводила прямо к Замку Меча. Торландер некогда был его учителем в фехтовании. Очень хорошим учителем. Пожалуй, даже слишком хорошим, потому что в конце концов Керл убил его в поединке на мечах. Прекрасно владевший обеими руками Торландер решил воспользоваться этим обстоятельством и перебросил меч в левую ладонь, чтобы ошеломить Керла неожиданным выпадом. Но Керл подсел под удар и вонзил свой клинок точно в сердце противнику. Теперь Торландер лежал в Пантеоне, а так как на его счету было более сотни побед, в его честь назвали улицу в центре

Вольтервилля.

Известность весьма приятная штука, но порою она раздражает. Керл не раз имел возможность убедиться в этом. Вот и сейчас он начинал злиться из–за того, что прохожие — а этим теплым вечером их было необычайно много — уделяли гладиатору слишком пристальное внимание.

Подобные издержки популярности отравляли Керлу жизнь уже лет десять — с тех пор, как он одержал свои первые победы на гладиаторских турнирах. Первое время Керл улыбался приветствующим его, затем они стали его раздражать. Порой он даже доходил до того, что изменял свою внешность; на планетах Пацифиса это, кстати, было нелишней предосторожностью от пули из–за угла. Однако на Белонне Керл никогда не прятал своего лица — это был его дом, где по–настоящему любили. Появись он на улицах Вольтервилля или Гамеса с приклеенными усами — и это стало бы страшным оскорблением для белоннитов. Приходилось терпеть.

Но на сегодня лимит терпения был исчерпан. Керл был утомлен, к тому же ему пришлось изрядно понервничать во время утреннего поединка. Он бился против пяти гладиаторов–лербенитов, и был момент, когда противники загнали

его в ловушку — каменный карьер, щедро напичканный минами и синхронизированными гранатами. Стоило Керлу запаниковать — и он, верно, остался бы в том карьере навечно, но он сумел затаиться и пересидеть, а затем выбрался наверх и перестрелял своих оппонентов. За этот поединок он получил пятнадцать тысяч. Завтрашний бой с Костоломом Барри Гилмором принесет ему в случае удачи еще двадцать. Неслыханная сумма за один поединок! Таким образом устроители пытались повысить интерес к играм. Гильдия агонизировала. Керл подумал, что мог бы неплохо истратить эти деньги. На них, к примеру, можно бы было купить небольшую яхту и отправиться в созвездие желтых карликов — любимое место отдыха богачей с Сомметы и Океаниды. По слухам, в системе Терезы вновь объявились космические корсары. В случае чего можно было попытать счастья в их компании.

Какая–то девушка слегка задела Керла плечом — наверняка чтобы обратить на себя внимание — и тут же извинилась. Вот этого ей как раз не стоило делать. Гладиатор кисло улыбнулся в ответ, машинально ощупывая взглядом ладную фигурку. Девушка была очень даже ничего себе, но, право, в этот вечер Керлу было не до женщин.

Он стоял на перекрестке и размышлял, куда податься. Идти в свои апартаменты в Замок Меча Керлу отчего–то расхотелось. Ночи на Белонне длинны, и он имел в запасе куда больше времени, чем требовалось, чтобы отдохнуть перед боем. Можно было, конечно, посидеть в баре «У Керла» — за право дать своему заведению это название Лур Пуряну отсчитал Керлу триста кредитов, — но там попадалось слишком много знакомых, каждый из которых считал своим долгом похлопать знаменитого гладиатора по плечу. Керл не испытывал желания попасть в их дружеские объятья. Еще можно было пойти в гости к Квинту Курцию, который перебрался на Белонну незадолго до того, как на его родной Катанре одержали верх паци. Квинт был хорошим приятелем, Керл сильно сблизился с ним с тех пор, как они совершили полное опасностей путешествие на Соммету, на обратном пути едва ускользнув от кораблей тмендян. Но Квинт Курций слишком любил поговорить, а Керл в этот вечер не был склонен слушать умные речи.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам!

Незатейливый мотивчик, долетевший из бара напротив, заставил Керла встрепенуться. Он чем–то напоминал мелодию Луча зеленой звезды,

только был немного медленнее. Где–то Керлу уже доводилось слушать эту незатейливую музыку. Пам–рам… Но где? Внезапно нога скользнула чуть вправо и назад, гладиатор широко улыбнулся, вспоминая. Выбор был сделан. Плавно, почти пританцовывая, Керл пересек улицу и вошел в мягкий полумрак бара.

Заведение было небольшим и не слишком презентабельным. Декоративная обшивка под шкуру лилового тигропарда, покрывавшая стойку, порядком облезла, пол был обшарпан, а на пластиковых столах виднелись глубокие царапины, которые при внимательном изучении складывались в замысловатые выражения примерно на двенадцати языках Содружества. Керл устроился на табурете у стойки и заказал пиво. Он сидел, опершись на локти, и прихлебывал из высокого хрустального бокала, а в голове звучал негромкий мотив. Вот музыка плавно растворилась в воздухе, и тогда Керл бросил на стойку монету.

— Еще раз!

— Что еще раз? — угодливо спросил бармен, обнаружив, что посетитель швыряется двойными кредитами.

— Повтори эту песню.

— Момент!

Кабатчик метнулся к музофону и набрал код столь понравившейся гостю мелодии. Он льстиво улыбался, ведь монеты, столь небрежно брошенной на влажную стойку, хватило бы на то, чтобы заказывать музыку не один вечер.

Тоненько запел саксофон, начал отбивать такт невидимый барабанщик.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Керл неторопливо глотал пиво. Его ноздри раздувались, втягивая прохладный, чуть влажный воздух, тело медленно покачивалось в такт мелодии — пам–рам…

Посетителей в баре в этот вечер было немного. Один из столиков занимала веселая компания отчаянных — так именовали себя парни, отвергающие все статусы, в том числе и иррациональный. Керл, как и большинство белоннян, считал отчаянных идиотами, способными лишь на то, чтобы бузить на ночных улицах, мешая своими воплями отдыху добропорядочных граждан. Через столик сидели три размалеванные девицы неопределенного возраста. Девицы скучали и были явно не прочь подсесть или к Керлу или, на худой конец, к отчаянным. Еще одна девушка сидела в дальнем углу зала, ее небольшая фигур-

ка утопала в полумраке. Спустя какое–то время она оставила свой столик и подсела к стойке неподалеку от Керла. Рыжеватые волосы, мягкой пеленой падавшие на плечи, прятали ее профиль, от них исходил дразнящий тонкий запах.

Медленно играла музыка, рождая в сознании Керла неясные грезы.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам. — И так несчетное количество раз. Но вот саксофоны стали играть глуше, в их хор тоненько вплелась труба. Несколько визгливых звуков синте–скрипки — и музыка растворилась в тишине. Бармен вопросительно взглянул на Керла, и в этот миг по стойке прокатилась монета и смутно знакомый голос произнес:

— Еще раз эту же.

Керл вздрогнул и медленно повернул голову к своей соседке. Она также смотрела на него. Вне всякого сомнения, это была она — девушка, с какой он танцевал утром на улице Таама и которую он видел в штабе генерала Сатга.

Те же припухлые губы, чуть вздернутый носик, миндалевидные серые глаза. Прозвучали первые аккорды.

— Пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Керл встал с табурета и подал девушке руку.

Ему показалось, что она восприняла этот жест слегка удивленно, но приглашение приняла, вложив свои изящные пальчики в ладонь гладиатора. Легко, словно паря в воздухе, они медленно поплыли по серому влажному полу — сначала мимо стойки, затем вдоль стены с игровыми роботами, между столиками. Пам–рам–пари–бом… Смех и разговоры разом оборвались. Отчаянные и девицы с изумлением взирали на эту странную пару, которая вела себя так, словно этот мир принадлежал лишь ей.

— Пам–рам…

— Я уже стал забывать твое лицо… — наклонившись к уху девушки, шепнул Керл.

— Но я не знаю вас.

Керл улыбнулся и заглянул в глубину ее поднятых вверх глаз, оттененных пушистыми ресницами.

— Я танцевал с тобой на Соммете. И потом еще много раз во сне. Я танцевал во сне. Я не мог забыть твое лицо…

— Ты же сам сказал, что стал забывать его.

— Да. Но не мог забыть.

Она улыбнулась ласково и нежно, чуть распустив лепестки губ.

— Как тебя зовут?

— Керл. Керл Вельхоум.

— Тот самый знаменитый Керл Вельхоум?

— Да, тот самый. Разве ты не знала мое имя?

— Я слышала его.

— Нет, я не о том. — Керл думал, отбрасывая с ее лба тоненькую прядку рыжеватого цвета. — Я ведь уже называл тебе свое имя. Раньше. А ты мне свое.

Она молчала, ее стройные ножки медленно плыли по воздуху. Пам–рам–пари…

— И как же меня зовут?

Первый раз ты назвалась странным именем — Вельхаум Керл. Но потом я узнал твое настоящее имя — прекрасное, словно цветок сомметанского лотоса. Даймэ Ким!

— Действительно, красивое имя, — задумчиво промолвила девушка, старательно подстраивая свой шаг под замедляющиеся такты музыки. — Ты говоришь, мы целовались?

— Да, — выдохнул Керл, и его руки почувствовали, как гибкая спина чуть дрогнула под тонким шелком невесомого платья.

— Это забавно! — Девушка рассмеялась и прильнула головой к груди Керла. Точь–в-точь как во время колдовского танца на Соммете.

— А еще я пел песню, — добавил гладиатор и

негромко зашептал, аккуратно кладя слова в переливающиеся ячеи мелодии.

Я не помню уж цвет тех живых лепестков,

Их прозрачную плоть заметает пурга...

— Странно, — задумчиво шепнула девушка. — Мне кажется, я уже слышала эти слова.

Тоненько запела труба, и мелодия стихла.

— Еще! — велел Керл.

Они стояли, прильнув друг к другу, неподвижно, почти не дыша, пока не запели первые аккорды. Пам–рам...

И тогда девушка шепнула:

— Пойдем отсюда. Мне холодно.

В это мгновенье она была похожа на уставшую, чуть поблекшую бабочку. Керлу захотелось прижать ее к своей груди и вернуть ей былую яркость.

— Пойдем, — ответил он.

Гладиатор был счастлив, что не захватил с собой плащ. Ведь теперь он мог согревать ее теплом своего тела. Керл не глядя бросил на стойку несколько кредитов, и они медленно направились к выходу. Их ноги ступали в такт, скользя по

истертым ступеням, а за спиной звучала музыка.

— Пам–рам…

Веселые парни больше не смеялись. Они танцевали, прижимая к себе девок, по размалеванным лицам которых текли неожиданные слезы.

Ночной Вольтервилль был тих, прохладен и навевал меланхолию. Гладиатор и его знакомая незнакомка мерно ступали по вымощенной пластиковыми брусочками улице. Нежно обнимая талию девушки, Керл вдыхал сладкий аромат, исходивший от ее кожи. Так и не сказав ни слова, они дошли до Замка Меча, и лишь сейчас гладиатор спохватился.

— Извини, я забыл спросить, где ты живешь.

— В отеле «Ринлаунд». — Керлу показалось, что в ее голосе прозвучало легкое недоумение. — А ты здесь?

— Да. Вот уже пять лет я имею постоянные апартаменты в Замке Меча.

— Апартаменты? Это звучит по–королевски!

— А здесь прежде действительно жили короли и прочие знатные особы, прибывавшие с Свободных Планет и тайком с планет Пацифиса. Люди с тугими кошельками. Но потом они перестали посещать турниры, и их апартаменты отдали самым известным гладиаторам.

Керл замолчал, не зная, что делать дальше. Неловкую паузу прервала девушка.

— Апартаменты… — произнесла она мечтательно. — Быть может, это покажется тебе неприличным, но я с удовольствием посмотрела бы, как ты живешь.

Гладиатор обрадовался.

— Пойдем. Честно говоря, я просто не смел предложить.

— Не смел? — Девушка подняла на Керла смеющиеся глаза. — Я почему–то полагала, что гладиаторы решительны абсолютно во всем.

— Это так, — поспешно подтвердил Керл. — Но не всегда.

Она засмеялась, блеснув черточкой ровных зубов.

— Веди меня, король гладиаторов, в свои апартаменты! — Слово «апартаменты» перекатывалось в ее губах, словно сладкая карамелька. И Керл повел.

— Да, это действительно нельзя назвать иначе как апартаменты! — восторженно протянула гостья несколько мгновений спустя, окидывая взглядом огромную залу, оформленную в стиле эпохи древнеземного рыцарства — много бронзы, стекло, мебель с деревянными панелями и сереб-

ряной инкрустацией, синтетические гобелены, заполненные фигурами гладиаторов, рыцарей, фантастических животных и прочей древнеземной нелепицей.

— В свое время здесь останавливался король Дукара! — не без гордости заметил Керл, колдуя над поспешно извлеченной из морозильного контейнера бутылкой. — До тех пор, пока Пацифис не решил, что дукарцам не нужны короли.

Девушка перевела глаза на гладиатора.

— А может, и впрямь не нужны?

— Должно быть, так, — не стал спорить Керл. Он вытащил пробку и наполнил бокалы.

— За нашу встречу!

Девушка молча поднесла бокал к губам. Они сидели в креслах и медленно тянули вино. Керл откровенно любовался своей изящной гостьей, ее взгляд был неуловим. Он то скользил по растворенному солнцу бокала, то взлетал к украшенному лепниной потолку, то вдруг стремительно перебегал на лицо Керла, и тогда она чуть краснела. Эта безмолвная игра продолжалась довольно долго, затем девушка отставила недопитый бокал и поднялась.

— Мне пора.

— Уже ночь, — зачем–то напомнил Керл и, ре-

шившись, добавил: — Я полагал, ты останешься у меня.

— Однако ты не такой робкий, каким показался мне вначале!

— Я наглый, — вздохнув, сказал Керл. — И еще я очень хочу, чтобы ты осталась. Ты будешь смеяться, но, кажется, я влюбился в тебя.

Она действительно рассмеялась и одарила Керла странным взглядом. Маленькие острые зубки слегка прикусили нижнюю губу.

— Хорошо, — сказала она после краткой паузы, которая показалась Керлу вечностью. — Я останусь.

И снова играла музыка. И Керл целовал ее пахнущую цветами кожу. Это была любовная феерия, любовное безумие. Керл и не подозревал, что женщина может подарить такую бездну наслаждения. Он овладевал ею и, утомившись, падал навзничь на подушки. Ее мягкие губы ласкали его тело, вливая в него новую силу, и Керл вновь сжимал ее в своих объятиях. И любил, страстно и нежно.

Ему стоило бы давно остановиться, хотя бы потому, что утром его ждал бой с Барри Гилмором, но Керл забыл обо всем на свете. Страсть поглотила его целиком, Керл с трудом вырвался из

ее сладких пут, когда раздался гнусавый сигнал радиофона. Неохотно выпустив покрытое душистой испариной тело из своих рук, Керл нажал на кнопку приема.

— Керл.

— Керл, это я, Тан Шиммер. Надеюсь, я не разбудил тебя?

— Разбудил, — буркнул гладиатор. — Что это тебе вздумалось звонить мне ночью?

— Керл, я должен предупредить тебя, что произошли кое–какие изменения. Завтра будет еще один бой.

— С кем?

— Победитель будет драться с женщиной по имени Немма Тосьер.

Керл возмущенно фыркнул.

— Что? С женщиной? С каких это пор баб стали записывать в гладиаторы?!

— Не горячись. В Кодексе Гильдии нет запрета на участие в состязаниях женщин. Если ты помнишь, женщины уже пару раз сражались на арене.

— Еще бы! Лига воинствующих феминисток требовала моей казни, когда я оттрахал одну из этих новоявленных гладиаторш на арене в Торлтоне. Мне пришлось клясться на Собрании

Гильдии, что таким способом я пытался уничтожить свою противницу!

— Я помню это, Керл. Но это совершенно иной случай. Она выдержала все испытания и прошла отбор…

— Слушай, Тан, а нельзя ли послать ее ко всем десяти заповедям Пацифиса?

Устроитель засмеялся.

— Не получится. Тем более, что она сама паци.

— Паци?! — во всю силу легких завопил Керл. — Как же она может принять участие в играх?

— Гильдия постановила допускать к участию всех желающих при условии, если они пройдут отбор. Сейчас не то время, чтобы быть слишком разборчивыми. Тем более, эта дамочка сама назначила призовые деньги. Очень неплохие призовые деньги.

— Сколько?

— Десять тысяч.

Керл удивленно присвистнул.

— Ничего себе! Прежде, чтобы заработать такие деньги, мне требовалось угробить по меньшей мере десяток здоровенных мужиков.

— Тогда все улажено?

— Ладно, черт с тобой. Я с ней пообщаюсь. Хотя, честно говоря, ты мне и удружил — кончать свою

карьеру на бабе.

— Лишь голубые кончают на мужиках! — не удержавшись, спошлил Тан. — Доброй ночи, Керл.

Пожелав Тану провести свой отпуск на Супане, гладиатор выключил связь и откинулся на подушки.

— Ну и дела! Ты слышала, что они надумали?

Девушка не ответила, и Керл протянул руку в ее сторону, ожидая наткнуться на теплое упругое тело, но обнаружил лишь смятую простыню.

— Эй, где ты? — негромко позвал гладиатор.

Ответом была тишина. Керл начал медленно сползать с кровати, готовый при малейшем подозрительном шорохе упасть на пол. В этот миг раздался негромкий щелчок, и комнату залило ярким светом. Гостья стояла у стены, касаясь рукою пыльного гобелена. Почему–то она была одета.

— Ты что? — не понимая, в чем дело, спросил Керл. — Я чем–то обидел тебя?

— Нет, просто я хочу расставить все на свои места. Меня зовут не Даймэ Ким. Мое имя — Немма Тосьер. Это я буду завтра драться с тобой!

Что ж, если Керл иногда и удивлялся, то никогда не показывал этого. Вот и сейчас он остался

внешне бесстрастным, лишь чуть дернулась нервным тиком щека. Девушка была слегка разочарована тем спокойствием, с каким он воспринял эту новость.

— Ты ни о чем не хочешь меня спросить?

— Зачем? Ты все расскажешь мне сама. Ты ведь именно за этим пришла сюда.

— Да, ты прав. — Немма замолчала, следя за тем, как Керл натягивает на свое мускулистое тело гимпиор. — Завтра, когда ты разделаешься с Костоломом Гилмором, тебе придется драться со мной.

— Я это уже слышал. И постараюсь, чтобы ты умерла быстро и безболезненно.

Слегка распухшие от поцелуев губы девушки растянулись в тонкую линию.

— Ты слишком самонадеян, гладиатор Керл Вельхоум! Завтра будет днем твоего поражения.

Керл замкнул последнюю застежку и подошел вплотную к девушке. Она едва доставала ему до плеча.

— Ты рассчитываешь победить меня? — Керл взял в ладони ее миниатюрную голову и заглянул в серые глаза. — Если только в постели.

Немма не обратила внимания на это оскорбление.

— Я прошла специальное обучение. Я убью тебя.

— Посьерранские рейнджеры — хорошие солдаты, но это не война, а поединок. И здесь правят иные законы.

— Я не рейнджер. Я нечто большее. Я создана, чтобы убить тебя!

— Создана! Нечто! — хмыкнул Керл. — Ты говоришь о себе, словно о механической кукле.

— Отчасти так оно и есть. Меня лишь наполовину можно считать человеком.

Гладиатор был обескуражен подобным признанием.

— Как это понимать? Кто же ты в таком случае?

— Тебе приходилось слышать о киборгах?

Керл криво усмехнулся.

— И не только слышать. Это синтетические болваны, которых паци производят на заводах Сомметы и Океаниды.

— Ты имеешь в виду киборгов–онгов, которые весьма несовершенны и представляют собой по сути обычных роботов с весьма высокой степенью интеллекта и человеческой оболочкой. В последние годы кибергенетики Пацифиса работали над созданием принципиально иных

кибернетических систем. Им удалось создать киборгов, которые значительно превосходят человека в физическом и интеллектуальном отношении и в то же время совершенно неотличимы от него внешне. Я как раз и есть такой киборг.

— Брось рассказывать сказки! Ты человек с нежной и теплой плотью. Я лично имел возможность убедиться в этом!

— Не кричи. Лучше присядь и выслушай то, что я тебе скажу. И учти, я не должна была ни говорить тебе этого, ни даже встречаться с тобой. Возможно, мне придется понести за это кару, но уж если судьбе было угодно свести нас в этом баре…

— Пам–рам…

— Хорошо, говори.

Керл присел на край ложа, девушка устроилась в одном из кресел.

— Идея создания киборгов — полулюдей–полуроботов — возникла довольно давно, еще на Древней Земле. Она заключалась в том, чтобы создать некое человекоподобное существо, значительно превосходящее человека по мыслительным и физическим параметрам. Некоторые называли это существо сверхчеловеком. В по-

следующие столетия теория киборгов получила дальнейшее развитие в трудах древнеземных ученых–футурологов, но лишь с возникновением Пацифиса она начала обретать практические формы…

— Будь любезна, избавь меня от этой лекции. Переходи ближе к делу.

— Хорошо, — девушка бросила на гладиатора быстрый взгляд, в котором, как показалось Керлу, промелькнула грусть. — Я родилась в семье фермера по имени Ким, проживавшей на Фалтее, и была вполне нормальным ребенком. Когда мне было пятнадцать, произошел известный космический катаклизм, о котором ты, верно, слышал.

— Еще бы, — пробормотал Керл. — Звезды взрываются не каждый день.

— Верно, — подтвердила девушка. — Это взорвалась вторая звезда Фалтеи. Вся моя семья погибла, я же чудом осталась в живых, но при этом получила чудовищную дозу радиации. Врачи сказали, что я проживу от силы год. Я медленно умирала, чувствуя, как тело становится чужим; меня терзали страшные боли. Однажды в госпиталь на Соммете, куда меня поместили, пришел профессор Долл Кромер. Он искал добровольцев для опасного эксперимента. Мне было нечего терять,

и я согласилась, так как профессор сказал, что в случае успеха я буду жить, хотя и в несколько ином состоянии. Я не придала тогда значения его словам. Меня поместили в закрытую лабораторию в Форшауне, это недалеко от Делла–Кова. Кроме меня там было еще человек пятнадцать добровольцев, согласившихся принять участие в эксперименте во имя идей Пацифиса. Профессор Кромер объявил нам, что конечная цель его исследований — создание киборгов с очень высокими функциональными способностями; киборгов, в основе которых заложены не синтезистаторы, а обычные люди. Опыты велись около двух лет. Примерно половина группы Гемма, как нас именовали в секретных докладах, погибла, зато выжившие стали теми, в кого нас хотел превратить профессор. Мы — киборги новой формации, которые в будущем, вероятно, вытеснят человека.

— Чем же ты отличаешься, скажем, от меня?

— Этих отличий много. Я перечислю лишь основные из них. Мой мозг, благодаря имплантированным в него микромодулям, по своей решающей способности сравним с компьютером. Внутренние органы не претерпели значительных изменений, разве что генная перестройка

сделала их более долговечными. Костный мозг, пораженный излучением, заменен кремне–белковым составом, формулу которого профессор хранит в тайне. В моих венах течет не кровь, а синтетическая плазма, мышцы пропитаны стероидами, а в кожу введен специальный фермент, делающий ее крепкой, словно броня. Ну, и последнее — мои глаза изменены таким образом, что я могу великолепно видеть в полной темноте. После того, как реформация моего организма была завершена, я три года занималась в специальных школах на Посьерре и Араннме, где меня обучили владеть абсолютно всеми видами оружия, когда–либо применявшимися в Содружестве или на Древней Земле. Надеюсь, тебе понятно, кого из меня готовили?

— Да. Идеального убийцу.

— Нет, ты ошибаешься, Керл Вельхоум, — певуче растягивая слова, произнесла Немма. — Из меня готовили убийцу убийц. Я киборг–охотник, чье назначение убить самого опасного врага Пацифиса гладиатора Керла Вельхоума. Меня готовили специально для этой цели.

— Вот как? — Керл усмехнулся. — Чем же я не угодил его величеству Пацифису? Между мною и паци не было никаких серьезных недоразу-

мений.

— Фактом своего существования. Пацифис не может более терпеть, что существует некий Керл Вельхоум, который противопоставляет себя заповедям нашего общества и является своего рода символом иррационального неповиновения разумному началу.

— Старая песня. Я ее уже слышал. Но я не могу понять, зачем Пацифису убивать меня. Ведь он фактически уже добился своей цели — умертвить Гильдию. Завтра мой последний бой, и больше турниров, как я подозреваю, не будет. Так что гладиатор Керл Вельхоум мирно исчезнет.

Немма покачала головой.

— В том–то все и дело, что гладиатор Керл Вельхоум останется. Непобедимый Керл Вельхоум! Пусть он уже не будет гладиатором, но люди по–прежнему будут помнить о нем и шепотом пересказывать друг другу сплетни о его невероятных приключениях где–нибудь на Элвере. Непобедимый герой, символ отвергающего рациум, останется, а этого Пацифис не может допустить. Потому я должна убить тебя.

— Валяй, — сказал Керл. — Это даже забавно.

— Ты слишком легко относишься к собственной смерти, Керл Вельхоум, и у меня нет желания

отправлять тебя в вечное небытие. Я покончу с тобой другим способом.

— Неужели паци изобрели способ умерщвлять людей, не предавая их смерти?

Девушка не обратила внимания на эскападу Керла..

— Завтра мне предстоит назначать оружие. Я выберу меч. Я знаю, что ты неважно владеешь мечом, Керл Вельхоум; неважно по сравнению с прочими видами оружия. Поэтому ты проиграешь, но я не убью тебя, а сделаю так. чтобы ты был полностью лишен того, что делает тебя гладиатором — силы, движения, острого глаза. Ты станешь беспомощней младенца, и тогда ты будешь жалок. Это будет лучшим уроком всем тем, кто отвергает идеи Пацифиса. А потом на Белонну опустятся военные корабли, и тебя увезут на Соммету, где выставят на всеобщее обозрение в клетке. Словно дикого парда, у которого вырваны клыки. И люди будут приходить и глазеть на то, что осталось от гладиатора Керла Вельхоума.

— Безрадостная перспектива, — спокойным тоном заметил Керл. Он подошел к столику и налил себе вина. — А если ты не сумеешь победить меня?

— Это невозможно. Ты человек, а я стою над

человеком. Ты уступаешь мне абсолютно во всем — в скорости движений, в выносливости, в силе удара. Поэтому ты проиграешь и будешь выставлен на всеобщее осмеяние. Но есть еще один выход.

— Какой? — поинтересовался Керл, любуясь сквозь ломкие грани бокала прекрасным лицом своего убийцы.

— Завтра ты откажешься от боя со мной и признаешь свои убеждения ошибочными. Ты скажешь, что проникся идеями Пацифиса.

— Зачем?

— Чтобы остаться в живых.

— Я не о том. Зачем?

— Что, зачем?

— Зачем ты это делаешь? Ведь они приказали тебе расправиться со мной.

Девушка взглянула на Керла и тут же поспешно отвела глаза.

— Не знаю. Не хочу знать! — Керл молчал, и тогда она негромко заговорила:

— Еще сегодня утром я была готова убить тебя, жестокого и отвратительного человека, без содрогания умерщвляющего ради денег подобных себе. Я долго готовила себя к этому, с содроганием следя за тем, как растет число твоих жертв. Да,

конечно же, ты не ошибся — это я танцевала с тобой в Тааме, и это я подавала тебе кофе у генерала Сатга. Я изучала тебя, чтобы понять твою сущность. И мне показалось, что я узнала тебя. Но сегодня в баре ты показался мне совсем другим человеком. Я не хочу, чтобы ты умирал, Керл Вельхоум. Я готова подарить тебе жизнь. Я свяжусь с полномочным советником Пацифиса и докажу ему, что целесообразно оставить тебя в живых. При том условии, естественно, что ты покаешься в совершенных тобой преступлениях и поклянешься не участвовать больше в гладиаторских турнирах.

Керл допил вино и отсалютовал Немме пустым бокалом.

— Керл Вельхоум никогда не отказывался от поединка!

— Тогда мне придется умертвить твое тело, Керл Вельхоум.

Усмехнувшись, гладиатор швырнул бокал об пол. Затем он подошел к поспешно поднявшейся девушке и обнял ее.

— Пусть.

— И тебя не отвращает то, что я не человек?

— Пусть, — вновь ответил Керл.

— Ты сумасшедший, Керл Вельхоум!

— Пусть!

Керл нашел ее губы, и все потеряло для него значение.

— Пусть…

— Пусть. Керл стоял по пояс в воде и ожидал, когда тургеры дадут сигнал к началу поединка. Из одежды на нем были лишь узкие плавки и плотная кожаная перчатка на левой руке. Правая рука Керла сжимала нож, смазанный быстродействующим ядом; одной царапины этим ножом было достаточно, чтобы получивший ее стал мертвецом. Напротив стоял гладиатор Барри Гилмор по прозвищу Костолом. Внешность Барри как нельзя лучше соответствовала его прозвищу. Он был почти семи футов росту и весил килограммов на сорок больше, чем Керл. Фигурой Барри здорово смахивал на серую обезьяну с Чегеры. Это был его выбор — драться в воде отравленными ножами. Здесь Костолом мог рассчитывать на свои более длинные руки и на то, что вода сведет на нет преимущество Керла в быстроте движений. Это должен был быть нелегкий поединок. Барри прекрасно подготовился к нему, Керл же чувствовал себя разбитым.

«Да, страстные отношения с киборгами не доведут тебя, парень, до добра», — со смешком

подумал Керл. В этот миг тургер ударил в гонг, и Керл мгновенно ушел под воду. Держа нож перед собой, он медленно поплыл по замысловатой дуге, рассчитывая вынырнуть справа от своего противника. Вода была подкрашена синей эмульсией, сильно ухудшавшей видимость, но не препятствовавшей камерам с цветовым фильтром, которые во множестве были вмонтированы в дно и стенки бассейна, следить за каждым движением находящегося под водой человека.

Вынырнув, Керл обнаружил, что Барри также не оставался на месте. Он отступил назад к самой стенке аквааренды и терпеливо ждал, пока его противник не покажется на поверхности. Едва Керл вынырнул, как Костолом тут же двинулся ему навстречу. Прямое столкновение с этим длинноруким громилой не устраивало Керла, поэтому он вновь ушел под воду.

В этот раз он выскочил на поверхность неудачно — прямо перед носом у Костолома и едва сумел увернуться от смертельного удара. Пришлось вновь опуститься на дно и спасаться бегством. Костолом преследовал Керла, рассчитывая, что тот вот–вот выдохнется и будет вынужден принять невыгодный для себя бой. Но легкие у Керла были будь здоров. На полувзводе он обогнул громко

шлепающего по воде Костолома и вынырнул у него за спиной. Вынырнул быстрее, нежели противник ожидал. Голова Барри торчала над водой футах в двенадцати от Керла. Лучшей возможности могло не представиться. Коротко размахнувшись, Керл метнул нож в Костолома. Но, видно, при броске он все же издал всплеск. Барри обернулся и стремительно нырнул. Нож прошил пустоту и, чмокнув, скрылся в черной толще воды. Теперь Керл превратился из охотника в беззащитную добычу, и, как следствие, ставки на него мгновенно упали до двух против тринадцати.

Следовало экономить силы. Керл решил пока воздержаться от ныряний и поплыл мимо прозрачной пластиковой стены, за которой бесновались зрители. Барри плыл вслед за ним, пытаясь догнать. Как только он загонял Керла в угол, тот набирал воздух и нырял, обманывая Костолома. Так повторилось три или четыре раза. Затем Барри тоже стал нырять, надеясь случайно натолкнуться на Керла под водой.

Но Керл неизменно обманывал его и уходил в противоположную сторону. Смертельная игра продолжалась довольно долго. Зрители начали посвистывать, призывая гладиаторов перейти

к более решительным действиям. Учредитель объявил, что ставки на Керла возросли до пяти к восьми. Это известие разозлило Костолома, он начал нервничать, действия его стали более суматошными. Керл решил, что пора переходить в атаку. Сделав вдох, он нырнул, чтобы через миг выскочить на поверхность. Барри купился на эту уловку и тоже ушел под воду, но недостаточно быстро. Керл успел заметить, в каком направлении изогнулись ноги Костолома. Теперь он мог приблизительно вычислить, куда поплыл Барри. Стараясь делать как можно меньше шума, Керл устремился к тому месту, где должен был вынырнуть его противник. Зрители разгадали его замысел и, затаив дыхание, ждали развязки. Голова Костолома показалась из–под воды прямо перед Керлом. В то же мгновенье Керл Вельхоум прыгнул на своего противника. Правой рукой он поймал кисть Костолома, левая обхватила его толстенную шею. Барри дернулся, напрягая могучие мышцы. Но и Керл был не из слабого десятка. Завязалась отчаянная борьба, в которой преимущество оказалось на стороне нападающего. Керл что есть сил сдавливал шею своего противника, пытаясь лишить его последних остатков воздуха, а Костолом жаждал освободить правую руку и

нанести смертельный удар отравленным клинком. Зрители криками подбадривали отчаянно извивавшихся в черной воде гладиаторов.

Все же Костолом ушел из захвата — вода и обильно выступивший пот сделали его кожу слишком скользкой. Он повернулся лицом к Керлу, и они возобновили борьбу, понимая, что разойтись им не суждено — Костолом жаждал поскорее закончить этот изматывающий бой, а Керл знал, что стоит ему выпустить правую руку противника — и он мгновенно умрет. Извернувшись, Керл лягнул Костолома нотой в пах. Тот взвыл от боли и разбил Керлу лицо ударом головы. Он не оставлял своих попыток освободить руку с ножом. Керл с отчаянием чувствовал, как кисть Костолома постепенно ускользает из его пальцев.

Оставался лишь один шанс — весьма призрачный. Но все же стоило попытаться. Нанеся еще один удар ногой, Керл набрал полную грудь воздуха и ушел под воду, увлекая за собой противника. Здесь он выпустил левую руку Костолома, сосредоточив все свое внимание на той, в которой был зажат нож. Барри обрушил на врага град ударов. Закованный в сплетенную из нефелитовых колец перчатку, кулак превратил лицо Керла

в кровавую маску, рот заполнился солоноватой вперемешку с осколками раздробленных зубов слюной, в глазах потемнело. Но Керл терпел, клещом вцепившись в правую руку противника. Вскоре удары, сыплющиеся на его голову, стали слабее, а Барри начал дергаться, желая всплыть на поверхность. Собрав остаток сил, Керл воспротивился этому и нырнул еще глубже. Громадное тело Костолома начало содрогаться в конвульсиях, вода закипела от пузырей — умирающие легкие выплевывали остатки воздуха. Вот Костолом дернулся в последний раз и затих. Керл осторожно извлек из безвольной руки нож и вонзил его в живот лишившегося чувств противника. Затем он оттолкнул от себя мертвое тело и, теряя сознание, начал подниматься наверх.

Здесь его ждали воздух, солнце и крики зрителей. Все это пришло по очереди. Сначала Керл, хрипя легкими, хватал воздух, затем его ослепило раскаленное солнце, а уж потом в его уши ворвался оглушительный рев приветствующих его победу вольтервильльцев.

— Керл Вельхоум победил! Великий Керл Вельхоум одержал свою двести сорок пятую победу! Слава гладиатору Керлу Вельхоуму! — раздирался радиофон голосом Тана Шиммера.

Гладиатор опустил лицо в воду, смывая остатки крови, прополоскал дергающийся зубной болью рот и медленно поплыл к мосткам, где ожидали тургеры. Присутствовавший здесь же врач осмотрел его синяки и ссадины, на всякий случай проверил реакцию зрачков.

— Тебе здорово досталось. Может быть, стоит отложить следующий поединок?

Керл покачал разбитой головой.

— Нет, я хочу покончить с этим сегодня.

Немма была в арсенале, когда Керл пришел выбрать себе меч. Бросив быстрый взгляд на его изуродованное лицо, она сказала:

— Ты здорово дрался!

— Спасибо, — ответил Керл.

— Ты не передумал? Еще не поздно последовать моему совету.

— Нет. — Керл прикинул на руке один из мечей. — Вот этот будет в самый раз. Пожалуй, он возьмет даже твою бронированную кожу.

— Попробуй.

Керл усмехнулся и приставил меч к ее упругой груди, но затем опустил его.

— Не могу.

Немма презрительно скривила губы.

— Тряпка! Дай!

Крепко сжав крестообразную рукоять, она провела острием по левой руке. На коже осталась лишь едва заметная белая полоса.

— Как видишь, не берет. Впрочем, здесь мы в равных условиях. Ведь ты будешь драться в гимпиоре.

— А ты не наденешь доспех?

— К чему мне лишний вес?

Керл натянуто засмеялся. Взявшись рукою за шею девушки, он заглянул в ее стальные глаза.

Закованный в доспех Керл Вельхоум против слабой девушки. Они, — Керл указал взглядом на стену, за которой нетерпеливо шумели зрители, — не поймут этого.

— Ее губы чуть дрогнули.

— Но ведь ты знаешь, что моя кожа крепче любой брони.

— Я знаю. Но они — нет.

— Мне жаль, Керл Вельхоум. Но это твой выбор.

Не отвечая, Керл прильнул разбитым ртом к губам Неммы. Девушка не оттолкнула его, но и не ответила на поцелуй. Отстраняясь, она сказала:

— Ночь любви прошла. Ты сам не захотел, чтобы она повторилась вновь.

— Кто бы ты ни была, — произнес Керл сквозь

плотно сжатые зубы, — человек или чудовище, я люблю тебя.

Немма попыталась усмехнуться, но усмешка вышла жалкой.

— Тогда тебе суждено умереть с любовью в сердце.

Сказав это, девушка решительно повернулась и вышла из арсенала, утонув в крике и свисте жаждущей крови толпы.

Поединок должен был происходить на пятидесятифутовой круглой арене, огороженной со всех сторон нефелитовой сеткой. Учредитель объявил имена гладиаторов, а также ставки на каждого из них. Пять против трех в пользу Керла. Это было не так уж много. Значительная часть зрителей поставила против него — возможно, сочувствуя девушке, возможно, опасаясь, что серьезно пострадавший в предыдущем поединке Керл будет сражаться не столь сильно.

Распахнулась дверь, и бойцы вышли на залитый солнечным в клетку светом песок. Зрители оглушительно закричали, Керл болезненно скривился. Он не очень любил драться в Вольтервилле именно из–за того, что зрители располагались здесь в непосредственной близости от арены. Поединок был для Керла священным действом,

крики и вой толпы раздражали его. Сопернице это обстоятельство, похоже, напротив, доставляло удовольствие. Она широко улыбалась, и публика невольно начинала симпатизировать этой отчаянной девчонке–паци, бросившей вызов самому Несущему смерть. Она была очаровательна в своей белой бойцовской тунике, подчеркивавшей изящные линии ее аккуратной фигурки. Распущенные волосы овевали голову огненным светом. Был миг, когда Керл заколебался и был готов бросить меч и отказаться от поединка, но он взглянул в ее стальные глаза и понял, что пути назад нет. Нет, пожалуй, он понял это одиннадцать лет назад, когда впервые ступил на арену. Нужно было отбросить жалость, что Керл и сделал, заставив себя помнить, что перед ним опаснейший противник, может быть, один из самых опасных в его жизни.

Ударил гонг. Немма не кинулась сломя голову в атаку, а начала осторожно приближаться к гладиатору, внимательно следя за тем, чтобы быть вне пределов досягаемости его меча. Керл также не спешил атаковать. Он не дрался на мечах уже много лет. С тех пор, как он убил Эрна Торландера, никто из его соперников не решался выбрать для поединка это оружие. Керл несколько раз

подкинул клинок на руке, вспоминая бойцовские приемы, которые он некогда во множестве знал.

Первый выпад сделала Немма. Она направила меч в шею Керла, гладиатор без труда парировал этот удар и контратаковал. Далее последовала серия взаимных выпадов и контрударов. В результате Керл убедился, что рука его соперницы действительно словно соткана из нефелитовых волокон, а Немма — что Керл устал не столь сильно, как она предполагала и что в скорости движений он ничуть не уступает киборгу–охотнику.

Противники стали драться осторожней, пуская в ход все более изощренные приемы. Завороженные стремительной игрой мечей зрители молчали. Многие начали понимать, что происходит нечто большее, чем простой гладиаторский поединок. Затих и неутомимо болтливый Тан Шиммер.

Почувствовав, что правая рука начала уставать, Керл перебросил меч в левую, которой владел не хуже. Немма немедленно последовала его примеру, вызвав аплодисменты зрителей. Керл невольно восхищался тем мастерством и даже изяществом, с которым она орудовала тяжелым мечом. Похоже, эта девушка действительно полу-

чила хорошую подготовку. И все же постепенно она начала уставать. Ее напичканные стероидами мышцы были по–прежнему сильны, дыхание — ровно, а сверхчеловеческий мозг четко предугадывал все замыслы Керла. Но в ее действиях уже не было былой отточенности. Гладиатор ошеломлял свою соперницу яростным натиском, стремительно меняя боевые стили. Еще мгновение назад Керл делал выпад, словно центурион эпохи Принципата, сейчас он обрушивал удары подобно рыцарю Круглого стола, а через миг его меч уподоблялся легкой рапире. Используй он любой из этих стилей в отдельности — и Немма без труда отразила б его атаки. Но она не успевала подстраиваться под ту рваную манеру боя, какую предложил ей Керл. И не было в этом мире никого, кто смог бы это сделать.

Керл дважды прижимал Немму к ограждению и оба раза давал ей уйти. В нем пробудилась неведомая сила и уверенность, выстави сейчас на арену еще пять таких Немм — и Керл совладал бы со всеми сразу. Хотя нет — нет в мире девушки, которая была б похожа на нее, рыжеволосую куколку с нефелитовыми мышцами и белой кровью, нет в мире девушки со столь нежными губами и глазами цвета стали. Потому–то Керл

и позволил ей дважды уйти из–под занесенного для смертельного удара меча.

Третьего раза Немма ждать не стала. Внезапно она пошла ва–банк и поймала в ладонь лезвие меча Керла. Зрители охнули, Ожидая, что еще миг — и окровавленные пальчики упадут на арену. Но, к их великому изумлению, ничего подобного не произошло. Девушка осталась совершенно невредимой, а ее меч коснулся бедра Керла Вельхоума, рассекши кожу и верхний слой мышц. Керл не без труда высвободил клинок и отскочил назад. Немма подарила ему несколько мгновений, чтобы он мог осмотреть рану, которая была неглубока и обильно кровоточила, и вновь атаковала. Теперь она чувствовала себя намного уверенней, а Керл был вынужден все чаще отступать, припадая на левую ногу.

Удавчик. Торландер называл этот прием Удавчиком. Следовало сделать вид, что оступился, заставить противника атаковать, резко уйти вправо, поймать проскочивший мимо меч левой рукой и рубануть противника по голове или предплечью. Удавчик некогда пользовался популярностью, но спустя годы о нем позабыли. Инструкторы–паци вряд ли могли знать о нем.

Гладиатор оступился на раненую ногу. Немма

шагнула вперед и вытянулась в изящную дугу, метя ему точно под левый сосок. Керл видел, как напряглись наполненные плазмой жилки на столь хрупких внешне руках. Он убрал корпус в сторону, позволяя мечу проскочить в дюйме от его плеча, выбросил вперед левую руку и поймал запястье Неммы. Затем он замахнулся. Зрители охнули. Девушка инстинктивно зажмурилась. Керл отчетливо представил, как клинок опускается на тонкую руку, разделяя. ее на две части, как из безобразного обрубка хлещет белесая плазма и маленькие пальцы судорожно скребут по песку. Он не смог опустить меч и освободил ее руку. Еще не успели смолкнуть крики зрителей, приветствующих благородный жест Керла, а девушка уже атаковала. Она все наращивала свой натиск, с надеждой посматривая на рану Керла, из которой обильно капала кровь. Сколь ни силен гладиатор Керл Вельхоум, но рано или поздно он ослабнет. Керл также понимал это. Он уже жалел о своем опрометчивом поступке. Нет, конечно же, он не собирался рубить ей руку, но надо было хотя бы обезоружить ее. Обезоружить…

Парируя непрерывно сыплющиеся удары, Керл медленно отходил назад, оставляя на песке кровавые строчки. Все же паци немало потруди-

лись над тем, чтобы научить ее в совершенстве владеть оружием. Размахнувшись словно для очередного удара, Немма вдруг распласталась на песке и резко ударила ногой по правой голени Керла. Потеряв равновесие, гладиатор упал. Он ослаб, и время не подчинилось ему, как это бывало обычно. Он поднимался слишком медленно, и девушка–киборг опередила его. Скользящий удар рассек мышцы правой руки, заставив Керла выпустить меч. Через мгновение окровавленное острие уперлось ему в подбородок.

На трибунах творилось нечто невообразимое. Никому не известная девушка победила самого Керла Вельхоума. Часть зрителей из числа тех, что готовы приветствовать любого победителя, восторженно вопили, другие подавленно молчали, а третьи плакали, Они вдруг поняли, что уходит великая эпоха, эпоха непобедимого гладиатора Керла Вельхоума, их эпоха. Они плакали, не стесняясь своих слез.

— Ты еще можешь признать свое поражение и остаться в живых, — негромко сказала Немма, и Керл с удивлением заметил, что ее глаза подозрительно блестят. Гладиатор покачал головой и поднял руку, словно желая схватиться за меч. Он желал умереть. Вместе со своей эпохой. И она по-

няла это. Тоненькая рука сделала едва заметное движение, и наступила тьма…

«Инферно» прибыл на Соммету точно в намеченный срок. С военной космобазы Керла повезли прямо в лабораторию профессора Долла Кромера.

— Хороший удар! — похвалил профессор Немму, осмотрев рану Керла. — Вижу, девочка, тебя многому научили. Как функционируют системы?

Послышался легкий шлепок — это Долл Кромер фамильярно похлопал Немму по мягкому месту. Затем по обнаженной коже Керла скользнуло дуновение ветерка. Он понял, что девушка отмахнулась от профессора.

— Нормально. Что будет с ним?

— С этим? Починим и станет как новенький. Но сначала мы снимем пару сферокассет. Их покажут по системе Центровидения. Так сказать, в пропагандистских целях. Затем мы его починим, а остальное пусть решает суд. — Профессор вновь позволил себе небольшую вольность. — Ты хорошо дралась, девочка! А он — последний идиот, что пощадил тебя.

— Ты бы на его месте непременно отсек мне руку!

— А что в этом такого? — Профессор Кромер рас-

смеялся. — Приклеили б новую! Я могу починить кого хочешь. Починим!

Профессор не хвастал. Он и вправду «починил» Керла. Пораженный участок был заменен имплантантом, взятым у осужденного на смерть преступника. Долл Кромер цинично заметил по этому поводу:

— Это тебе, приятель, на время. Потом я встрою эту детальку кому–нибудь еще.

Едва только Керл смог пошевелить рукой, его тут же перевели в самый прочный каземат Сомметанского Пенитенциария, невзирая на протесты Кромера, уверявшего, что потребуется немало времени, прежде чем Керл сможет более–менее нормально двигаться, и намного больше, прежде чем он станет вновь опасен. Совет Пацифиса считал иначе.

Злое обещание Неммы, что Керла посадят в клетку и будут показывать словно чудовище, по сути сбылось. Сферостанции Пацифиса почти ежедневно транслировали репортажи о последнем гладиаторе — сначала беспомощном и жалком, затем благодаря гуманным сомметанским ученым возвращенным к нормальной жизни. Были показаны даже несколько старых поединков Керла, а также запись его последнего

боя, которая была по вполне понятным причинам несколько урезана. Все это сопровождалось нравоучениями и славословием в адрес Пацифиса. Делалось все, чтобы настроить публику против Керла, но, как выяснилось, пропагандистская кампания дала обратный результат. Керла стали жалеть, а затем, как это нередко бывает; полюбили. Дошло до того, что Общество воинствующих феминисток даже потребовало его освобождения. К Керлу зачастили высокопоставленные гости. Слегка удивляясь подобному повороту судьбы, Керл принимал известных политиков, ученых и актеров. Его посетила ослепительная сферозвезда Катя Лавински, на прощанье чмокнувшая гладиатора в покрытую шрамами щеку. Однажды ночью Керла удостоил визитом член Совета Пацифиса Ир Полупан.

Гладиатор ждал Немму, и она пришла. Разговор вышел коротким и скомканным. Девушка присела на краешек кровати, посмотрела на Керла, затем на стоящую на столике вазу с фруктами.

— Я вижу, тебе здесь неплохо живется.

— Не жалуюсь. — Керл сделал паузу. — Пока.

— Скоро состоится суд.

— Надеюсь, ты не передумала быть моим защитником?

— Немма покачала головой.

— Не получится. Меня отправляют на Посьерру.

Сердце Керла невольно сжалось.

— Почему?

— Они узнали о том, что я была у тебя перед боем, и о том, что я тебе говорила.

— Но откуда?

— Я сама им рассказала.

— Зачем?!

— Они все равно бы узнали. Кроме того, защитник на этом процессе — чистая формальность.

— Я знаю, — Керл положил руку на хрупкое плечо. — Просто мне было бы приятно видеть тебя рядом.

— Мне тоже, — сказала Немма и отвернулась. Какое–то время они сидели молча, Керл гладил рукою ее спину. Затем Немма повернула голову к гладиатору. Глаза ее были сухи. — Мне пора. Прощай.

— До свидания, — сказал Керл.

Она горько усмехнулась и, не говоря больше ни слова, ушла.

Новым защитником Керла был назначен — кто бы мог подумать! — Лайт Пазонс. Он вошел в камеру с широкой улыбкой на лице и с грудой

упаковок ЛЛЛ в руках. Как ни в чем не бывало, Лайт осведомился:

— Насколько я помню — твое любимое?

Керл молчал, пристально разглядывая катанрянина. Лайт немного пополнел и походил на полностью довольного жизнью человека. Или, по крайней мере, желал походить. Бодро похохатывая, Лайт сообщил:

— Совет назначил меня твоим защитником на суде.

— Вот как! Я не знал, что ты записался в паци.

— Уже давно, Керл. Я стал пацифистом еще до нашей совместной поездки на Соммету. Помнишь ту славную заваруху на площади у Дворца Трех Добродетелей?

— Допустим.

— Это я стрелял в тебя, Керл. Этого хотел Пацифис.

Хотя гладиатор еще не слишком твердо стоял на ногах, у него возникло желание врезать Лайту по физиономии, скомкав застывшую на ней улыбку. Лайт догадался, о чем думает его бывший приятель.

— Это жизнь, Керл. Тогда мне приказали стрелять, и я стрелял, сейчас мне приказали защищать, и я защищаю.

— Полагаю, ты защищаешь точно так же, как и стреляешь.

Лайт широко улыбнулся.

— Я сделаю все, что в моих силах, — Катанрянин, не спеша, освободил упаковки с пивом от пластиковой сетки и бросил одну из них Керлу. — Хотя, по–видимому, в моих силах не слишком многое. Пей пиво!

— Иначе говоря, все уже решено.

— Как ты мог такое подумать! — с деланным возмущением воскликнул Лайт и выразительно показал глазами на стену, давая понять, что он волен говорить далеко не все. — Пацифистский суд справедлив. Но обстоятельства твоего дела таковы, что у тебя ничтожно мало шансов на оправдательный вердикт.

— Догадываюсь, — сказал Керл. — Меня уже просветили насчет того, какой приговор меня ожидает.

— Ну, не надо так мрачно, Керл. Думаю, если ты будешь вести себя разумно, суд учтет это.

— Что ты подразумеваешь под словом «разумно»?

Катанрянин оскалился.

— Всему свое время, Керл. Пей пока пиво. И ознакомься вот с этими документами. — Лайт

извлек из плоского кожаного контейнера внушительную стопку листков. — Извини, мне не разрешили принести тебе электронный модус. Все прекрасно знают, какие чудеса ты можешь творить с помощью самых примитивных микросхем. Здесь перечислены все выдвинутые против тебя обвинения — числом двести шестьдесят три. Прочитай их на досуге.

— Я вытру ими задницу, — пообещал Керл.

— Как знаешь.

Слушание дела Керла Вельхоума проходило ровно через месяц после этого разговора. У здания Верховного суда Таама собралась огромная толпа зевак, желавших видеть знаменитого гладиатора.

— Публичные выступления Секретаря Пацифиса собирают куда меньше народу, — с едва заметной усмешкой сказал Лайт. — Ты стал знаменитостью.

Это стало ясно и сомметанским властям. Здание суда было окружено кордонами херувимов, над центром Таама непрерывно кружили махолеты. Поговаривали даже о том, что Совет собирается ввести комендантский час.

Керл прибыл на судебное заседание под охраной пятидесяти посьерранских рейнджеров,

вслух недоумевавших по поводу того, какую опасность может представлять этот человек, только что вернувшийся практически с того света. Они симпатизировали Керлу и угощали его бескалорийными леденцами.

Большую часть дел суд решил рассматривать вместе — это были однотипные дела по гладиаторским поединкам. Почему–то отдельно должны были разбираться обстоятельства смерти Пила Блюма, Костолома и Дига Фейстерса. Кроме того, Керлу были предъявлены обвинения в убийстве толстяка Маркуса Висбата и Квинта Курция. Оказывается, несчастный Квинт был найден мертвым около своего дома в тот самый день, когда Керл дрался с Неммой, а над Белонной уже висели сомметанские крейсера.

Керл без особого сопротивления признал, что был невольной причиной гибели двухсот сорока двух гладиаторов, имена которых были перечислены обвиняющей стороной. Лайт тут же предъявил суду копии расписок, данных гладиаторами, павшими от руки Керла, а также указал на то обстоятельство, что погибшие сами были причиной смерти многих людей и угрожали жизни его подзащитного. Суд принял это во внимание, и на лицевом счету Керла появилась цифра 2150 лет

заключения на ледяных рудниках в Горбере за двести тринадцать непредумышленных убийств и двадцать девять случаев превышения пределов необходимой обороны. По делу Костолома Керл был оправдан, так как суд посчитал, что обвиняемому действительно угрожала смертельная опасность, и он был вправе защищаться. Случаи с Дигом Фейстерсом и Пилом Блюмом были признаны умышленным убийством, и к сроку Керла добавили еще два пожизненных заключения.

Все эти дела были рассмотрены в первый день. Толпа, с трудом сдерживаемая херувимами, восторженно ревела, когда Керла выводили из здания суда. Информационные агентства, щедро выплачивая цензурные штрафы, сыпали сообщениями с кричащими заголовками типа «Керл Вельхоум — величайший преступник нашего времени» или «5000 лет в ледяных рудниках». Компания «Хэмэл бразерс» объявила о намерении создать фильм о последнем гладиаторе, главную роль в котором должен был сыграть любимец женщин неповторимый Сиг Локар. На роль Неммы претендовали сразу три красотки, в том числе Катя Лавински. Правда, с этой затеей ничего не вышло, так как Совет Пацифиса запретил данный проект.

На второй день число зевак увеличилось примерно втрое, толпа перекрыла все подступы к зданию суда. Керла, скованного на всякий случай тремя парами наручников, доставили на место с помощью махолета. Лайт поглядывал на своего подзащитного с тихим обожанием — Керл делал ему фантастическую карьеру. На этот раз слушались дела о смерти Маркуса Висбата и Квинта Курция. Суду не удалось доказать причастность Керла к обоим преступлениям. Гладиатор ощутил странное удовлетворение, когда его признали невиновным в смерти толстяка Висбата, быть может, еще и потому, что на совести Керла было по крайней мере тридцать человек, умерщвленных им не на ринге.

Третье разбирательство — в этот день был праздник Прогресса, и камеру Керла завалили цветами, сладостями и упаковками с пивом — было посвящено обстоятельствам, связанным с пребыванием Керла на Соммете. Верховный судья Ламурк пытался обвинить Керла сразу в пяти преступлениях— использовании фальшивых документов, незаконном провозе оружия, «убийстве по крайней мере трех человек» во время беспорядков у Дворца Трех Добродетелей, сопротивлении при аресте и вынашивании за-

мыслов взорвать Сердце Сомметы.

Керл признал себя виновным в двух первых преступлениях, за что получил еще восемь лет — это мало огорчило его. Обвинение в «убийстве по крайней мере трех человек» Керл отверг напрочь, и этот пункт был тут же снят за бездоказанностью. Далее гладиатор с огромным удовольствием, порядком конфузя судей, поведал о том, как разогнал десятерых агентов Службы Порядка, явившихся в его номер с ордером на арест, и как префект Таама Саймолс вынужден был лично просить своенравного гостя дать показания относительно того, что он делал около Дворца. Суд решил считать это досадным недоразумением.

Последнее, пятое обвинение поставило Керла в тупик. Поднявшись со своего места, он громогласно потребовал от судей объяснить, что они подразумевают под понятием «Сердце Сомметы». Выяснилось, что это распределитель энергии планеты, расположенный в глубокой шахте под Таамом. Керл заявил, что слышит об этом сооружении впервые. Лайт активно поддержал его, заверив, что был рядом с подсудимым в то время и не слышал от него никаких угроз в адрес Сердца Сомметы. Судьи посовещались и добавили Керлу

еще пять лет. На всякий случай.

— Все идет просто великолепно! — кричал Лайт тем же вечером, хлопая Керла по плечу. — Я только что говорил с очень… — Катанрянин многозначительно поднял вверх указательный палец. — Очень важным лицом. Они обещают, что ты попадешь под амнистию, и твой срок будет сокращен вдвое.

— Очень мило с их стороны, — заметил Керл.

— Быть может, ты даже будешь амнистирован за все эти преступления полностью, если будешь вести себя благоразумно на завтрашнем заседании.

Керл посмотрел в бегающие глаза адвоката.

— Поясни.

— Ну что тебе стоит признать, что ты заблуждался все эти годы, отвергая идеи Пацифиса, что был неправ, осмеивая законы и обычаи Лиги.

— Значит, стоит мне признаться, и…

— И ты получишь лет десять. А учитывая, что ты вызываешь у сомметанцев всеобщую симпатию, я думаю, ты отсидишь от силы лет пять. Если же ты будешь упорствовать, тебя ждет электрический стул.

— Вот как! За две с половиной сотни убийств, какими признал суд мои гладиаторские поедин-

ки, я не получу ни года, а за то, что останусь верен своим убеждениям, мне обещают электрический стул. Объясни мне логику, которой вы руководствуетесь. Ведь паци на каждом шагу кричат о ценности человеческой жизни и свободе на мысль.

— Мысли, дорогой мой! Никто не мешает тебе мыслить, но не говори о том, что думаешь, вслух, особенно если это не согласуется с тем, что думает большинство. А насчет ценности человеческой жизни — Керл, не строй из себя наивного простачка, считающего, что кто–то всерьез верит в эту басню. Может быть, девочки из приличных семей. И то до тех пор, пока они девочки. — Лайт отрывисто захохотал. — Жизнь — ничто, идея — все! Суд простил бы тебе и тысячу мертвяков, тем более что все они были иррационалистами, признай ты, что ошибался, отстаивая свои бредовые идеи. Так что подумай, Керл!

— Гладиатор потер рукой подбородок, на котором еще не успели зажить раны, полученные в схватке с Костоломом.

— Если я сделаю все, как вы хотите?

— Отсидишь несколько лет — и свободен.

— И смогу отправиться, куда захочу?

— Да хоть на Супану!

— Я подумаю, — медленно выговорил Керл.

На следующий день было четвертое и последнее заседание. Толпа походила на огромного разноцветного спрута, заполнившего своей слизистой массой весь центр города. Непрерывно жужжали махолеты, доставляя в здание суда высоких гостей, пожелавших быть свидетелями того, как будет каяться Керл Вельхоум. Когда последний гладиатор появился в зале заседаний, собравшиеся дружно зааплодировали, а толпа на улице издала рев, от которого задрожали стены.

Посасывая конфетку, которой по уже устоявшейся традиции угостил его один из рейнджеров, Керл уселся на жесткую скамью, установленную на возвышении по правую сторону судейского стола. Прозрачная стена из сверхпрочного пластика отделяла подсудимого и его адвоката от публики. Какое–то время Керл лениво рассматривал сытые розовощекие физиономии пацифистской элиты, затем, не скрывая своего отвращения, отвернулся и стал переговариваться с охранниками. Бравые рейнджеры были не прочь поболтать со столь известным в Содружестве человеком, чье внимание им явно льстило; посьеррян даже не останавливали свирепые взгляды, что бросали на них сидевшие в первых

рядах члены Совета Пацифиса.

Безмятежный вид Керла и ликующая улыбка, не сходившая с лица Лайта Пазонса, давали присутствующим повод думать, что последний гладиатор пошел на сделку со своими обвинителями. Эти подозрения еще более усилились, когда стало известно, что новым обвинителем по делу Керла Вельхоума назначен один из самых влиятельных членов Совета Пацифиса Люк Зубарт, который в далеком прошлом был весьма известным гладиатором.

Ровно в десять часов по сомметанскому циклу верховный судья объявил о начале заседания. Слово для обвинения было предоставлено Люку Зубарту.

Керл внимательно следил за тем, как на трибуну неторопливо восходит сухой тщедушный старичок с совершенно седой головой. Он походил на мудрого деда–примирителя из пацифистских сказок, и лишь немногим было известно, что под этой маской скрывается жестокий и расчетливый убийца, на чьей совести был не один десяток загубленных жизней. Керл, знавший Люка Зубарта примерно восемь лет, с удивлением отметил, что за все эти годы он совершенно не изменился. Та же расслабленно–неспешная походка,

чуть согбенная спина, усталый добрый взгляд. Столь же безобидным он выглядел на турнире в Растебуре, и семеро гладиаторов–ламетян имели неосторожность поверить в это. Заговорщицки подмигивая друг другу, они выбрали поединок на ножах, рассчитывая вдоволь натешиться над беспомощным стариком. Люк перерезал им глотки. Это был славный бой, о котором еще долго вспоминали. Вскоре после этого Люк внезапно отрекся от иррационалистских убеждений и переметнулся к паци. Сильный, беспощадный и умный, он быстро сделал себе карьеру. Не так давно Содружество было ошеломлено сообщением о том, что белоннянин Люк Зубарт избран в Совет Пацифиса. Кстати, Люк был единственным белоннянином за всю историю Содружества, удостоенным подобной, весьма сомнительной, по мнению Керла, чести.

Люк вскарабкался на трибуну и только сейчас посмотрел на Керла. Их взгляды встретились. Некогда они состояли почти в приятельских отношениях и даже должны были драться на турнире в Коммоде. Бой не состоялся, так как Керл Вельхоум предпочел выступить на Армагаске. Вскоре после этого Люк и заявил о том, что заканчивает карьеру гладиатора. В Гильдии тогда ходило

много сплетен по этому поводу, причем наряду с именем Люка неизменно упоминали Керла Вельхоума. И вот судьба назначила им встретиться вновь, сделав участниками нелепейшего фарса.

— Верховный Суд Пацифиса против гражданина Содружества белоннянина Керла Алинса по прозвищу Вельхоум. — Прислушиваясь к дребезжащему голосу Люка Зубарта, Керл слегка улыбнулся — надо же, оказывается, кто–то еще помнил его настоящее имя! — Упомянутый Керл Вельхоум обвиняется в преступлении против человечества, выраженном в несогласии с общепринятыми нормами морали. Верховный суд предъявляет Керлу Вельхоуму обвинения в злостном отрицании восьми заповедей Пацифиса, а именно: первой, второй, третьей, пятой, седьмой, девятой, десятой… И восьмой! — поспешно добавил обвинитель, после чего сделал многозначительную паузу. — Теперь с позволения суда я перейду к подробному разбирательству каждого пункта обвинения.

Верховный судья Ламурк, словно попугай, закивал головой, усердно показывая, что он позволяет, но Люк Зубарт даже не подумал посмотреть в его сторону. Он решил быть кратким и сразу перешел к делу.

— Заповедь первая: мир превыше всего. Уже самим фактом участия в столь отвратительном деле как гладиаторские поединки обвиняемый отвергал эту заповедь. Полагаю, иных доказательств суду не требуется. — На этот раз Люк посмотрел на судью. Тот, обрадованный, что обвинитель наконец–то обратил на него внимание, благосклонно кивнул. — Заповедь вторая: мир есть условие гармонии. Обвиняемый отрицал как мир, что уже доказано обвинением выше, так и гармонию. Идеям иррационализма, которые он столь яростно проповедовал, чужда гармония. Заповедь третья: убийство противоречит человеческой натуре. Своей деятельностью обвиняемый напрочь отвергал этот нравственный постулат. Заповедь пятая: убивая других, убиваешь себя. Обвиняемый был причиной смерти стольких людей, что давно уже мертв морально. От него смердит болью и человеческой кровью!

Здесь обвинитель явно переиграл. На лицах сидящих в зале паци появились кривоватые усмешки, выражавшие то, что никто не рискнул бы сказать вслух. О том же подумал и Керл — эх, старина Люк, говоря твоими словами, от тебя смердит не меньше, чем от того, кого ты сейчас обливаешь грязью!

Люк не обращал внимания на реакцию публики и продолжал свою речь.

— Обвиняемый всю свою жизнь нарушал и седьмую заповедь: подчинись разумной воле большинства. Он, напротив, противопоставлял себя этой воле. Восьмая заповедь: обуздай свое «я», и заповедь девятая: руководствуйся разумом, а не чувствами. Керл Вельхоум всю жизнь делал так, как подсказывали ему его чувства, не ограничивая свои желания…

Люк говорил еще довольно долго, но его мало кто слушал. Вязкая паутина слов, в искренность которых не верил даже он сам, поглотила сознание слушателей, заставляя их невольно смежить веки. Керл заметил, что многие вздрогнули, словно стряхивая оцепенение, когда Люк сказал:

— Я закончил, господа судьи.

— Сложив листки, обвинитель медленно двинулся с трибуны, намереваясь занять место среди прочих членов Совета. Судья Ламурк провозгласил:

— Слово предоставляется обвиняемому Керлу Алинсу!

Розовощекие хари оживились, на них расцвели победные улыбки. Вот, наконец, и настал миг торжества Пацифиса, миг, когда отречется от

своих идей ярый иррационалист и гладиатор Керл Вельхоум. Но Керлу было не привыкать ниспровергать ликующих врагов, нанося свой удар именно в то мгновенье, когда, празднующие свою победу, они менее всего ждут его. Поднявшись со скамьи, он сделал шаг вперед и прижался ладонями к стеклу, словно желая разорвать прутья своей прозрачной клетки. Кое–кто из сидящих в зале невольно вздрогнули, живо представив себе, как пластик разлетается острыми клочьями и яростный тигр Керл Вельхоум вырывается на свободу.

— Господа паци! — Голос Керла, усиленный динамиками, гулко разнесся по судебной зале. — Вы торжествуете, полагая, что победили меня. Да, это так. Вы победили, но не силой и умением, а нечаянной волей рока, суть которой вам непонятна и сейчас. Я проиграл, а побежденный должен каяться. И тогда ему, может быть, сохранят жизнь. При условии, конечно, если он выполнит то, что желает от него победитель. Покайся, сказали мне, и тебя простят. И, быть может, даже допустят в этот благословенный мир, предварительно вырвав клыки. Покайся — и будешь жить, где захочешь, иметь, что захочешь, и ты можешь стать, кем захочешь. Даже членом Совета. А почему бы

и нет? — Керл взглянул на сидящего напротив Люка Зубарта и усмехнулся. — Покайся! Ведь тебе нужно сказать всего три слова — мир, разум, прогресс — и это будет сочтено за покаяние.

Мир! Разум! Прогресс!

Но о каком мире можете говорить вы, обрушившие пламя войны на Белонну, Катанр, Новую Россию и Армагаску? О каком разуме, о каком прогрессе? Уж не о них ли вы ведете речь, оболванивая под одну гребенку умы миллионов граждан Пацифиса?! Это лишь слова. Красивые и лживые. Вы произносите их, сами не веря в искренность сказанного.

Провозгласив о создании общества, в котором правят равенство и счастье, вы на деле создали государство, ставшее над человеком, принизившее его до уровня бессловесного насекомого. Вы говорите мы там, где должно звучать Я. Вы позабыли гордое — Ты Человек! И говорите — мы, люди. Человек умер, остались только винтики, маленькие крохотные винтики в гигантской машине технократической империи, где живые чувства подменены сытостью и спокойствием. Да, наш мир был жесток, но это был мир, который каждый из нас мог с полным основанием считать своим. Своим! Он существовал ради нас, а не мы

ради него. Вы же наполнили этот мир приторной сытостью, лживым благополучием и обряженной в улыбающуюся маску жестокостью. Вы наполнили его насилием. Вы, на словах отвергающие насилие!

Вы растоптали судьбы несогласных с вами. Теперь же вы хотите растоптать и их души. Я не скажу вам — да. Я не раскаиваюсь. Я прожил свою жизнь так, как хотел, и верил в то, во что хотел, и никто не вправе отобрать у меня прошлое. Вы можете отнять у меня жизнь, но не прошлое!

Керл видел, как рожи сидящих в первых рядах паци наливаются дурной кровью. И крикнул, добивая их:

— Керл Алинс, которого мир знает под именем Несущий смерть, отвергает эту сделку, господа паци! Я верил, верю и буду верить, сколько назначит судьба, в то, что Человек должен быть Человеком, в то, что он вправе делать все, что не противоречит интересам окружающих его, при условии, что действия окружающих не противоречат его интересам, в то, что свобода человека ограничивается лишь благими намерениями. Вы утверждаете, что подобные идеи мог породить лишь жестокий мир. Да, мой мир жесток, но это мой мир!

Вы победили меня, но, даже проиграв, я оставляю последнее слово за собой. Вам было угодно назначить мне поединок? Будь по–вашему. Керл Вельхоум еще никогда не отказывался от поединка. Это будет мой последний бой, и я выиграю его и принесу вам смерть. Это говорю я, Керл Несущий смерть!

Вы жаждали моего унижения, а я торжествую. Торжествую, ибо даже побежденный я страшен вам. В ваших сердцах живет страх, что я разнесу вдребезги эту прозрачную клетку, это здание, этот город, эту планету. Вы боитесь, что я и сотни подобных мне разнесут ваш правильный, граненый единым резцом мир, превратив его ложную гармонию в первобытный хаос!

Да, я разрушитель! Я разрушаю то, что создано во имя химеричных идей. Я презираю всех тех, кто поклоняется Миру, Прогрессу, Разуму, Гармонии или иному идолу. Я не верю в призрачные фетиши, я верю лишь в себя, я верю в Человека!

Я Человек! И Человек бросает вам вызов, паци!

Эхо заключительных слов Керла гулко отлетело от стен и растворилось в месиве сытых физиономий и белых воротничков. Установилась тяжелая тишина, через мгновение взорвавшаяся яростными криками.

— Смерть ему! Смерть!

Керл смотрел на брызжущие бешеной слюной хари и хохотал. Он смеялся, видя, как трясется от страха бледный Лайт Пазонс и как отводит свой взгляд бывший гладиатор Люк Зубарт. Он хохотал, и этот смех проникал в сердца победителей, заставляя их дрожать от страха и злобы. Он хохотал, и бравые рейнджеры с невольным уважением поглядывали на отчаянного пленника. Они любили граничащую с безумством отвагу, эти крепкие ребята с Посьерры. А смех звонко летал по залу, заглушая ненавидящие крики розовощекой толпы…

Суд совещался недолго. Верховный судья Ламурк вновь занял место председательствующего. Стараясь не смотреть в сторону смеющегося Керла, он провозгласил:

— Принимая во внимание всю тяжесть преступлений, совершенных Керлом Алинсом, именуемым еще Вельхоумом, Верховный Суд Пацифиса приговаривает оного к смертной казни путем умерщвления на электрическом стуле. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

В зале было жарко, и пока судья произносил эту тираду, по его лицу текли струйки жирного пота,

но он не решался вытереть их, а лишь изредка облизывал солоноватую верхнюю губу языком.

Приговор был произнесен, и публика зашумела. В ее говоре можно было услышать одобрение. Этот человечишко, осмелившийся бросить вызов их миру, заслуживал смерти. Сытые лица выражали радость и довольство, не знающие мозолей ладони сомкнулись в дружных аплодисментах.

— Браво!

Керл продолжал улыбаться, а глаза его были полны презрения. Он дал достойный ответ своим врагам. Теперь следовало позаботиться о том, чтобы этот ответ не стал последним в его жизни. Керл быстро обернулся к сидевшему позади него Лайту.

— Лайт!

Адвокат вздрогнул, поднял голову и бессмысленно посмотрел на гладиатора.

— Безумец, — прошептал он. — Ты сам погубил себя.

— Я знаю, Лайт. — Керл заглянул своему адвокату в глаза. — Когда–то мы были почти друзьями. Лайт, дай мне электронный самописец, который лежит у тебя в нагрудном кармане.

— Но я…

— Быстрее, Лайт! — шепотом выкрикнул Керл,

видя, что к ним приближаются охранники.

И катанрянин сдался. Дрожащими руками он извлек самописец, намеренно уронил его, а поднимая, сунул в руку Керла.

— Спасибо. А теперь прислушайся к моему совету. Беги как можно быстрее с этой планетки. Скоро ее не будет.

Керл не сомневался, что Лайт этим же вечером отбудет в срочную деловую поездку куда–нибудь на Ламет или Армагаску.

Казнь была назначена на следующий день. Керл отнесся к этому известию равнодушно. Ночью его посетила целая делегация, в состав которой входили Люк Зубарт и сам Вольф Бермлер. Уговаривал Керла на правах старого знакомого Люк Зубарт. Он говорил:

— Керл, система идет с тобой на компромисс. Не глупи, пожми протянутую тебе руку. Ты уже сотни раз доказывал всем, что не боишься смерти. К чему весь этот спектакль? Совет согласен считать, что ты погорячился. Так, д–р Бермлер? — Секретарь Пацифиса утвердительно кивнул пегой головой. — Завтра мы предоставим тебе возможность выступить по сферовидению. Скажешь, что был неправ, раскаиваешься, признаешь идеи Пацифиса.

— Да–да, — встрял д–р Бермлер. — Он обязательно должен упомянуть, что признает все десять заповедей!

— Совет примет это во внимание, и господин Секретарь подпишет указ о твоем помиловании. Я знаю, что ты собирался обзавестись домом на Чегере. Ты получишь двести тысяч кредитов и можешь построить там хоть дворец. Кроме того, тебе будет назначена ежегодная пенсия, достаточная для очень безбедной жизни.

— Господин Зубарт, не забудьте о втором варианте! — вновь вмешался д–р Бермлер.

— Я помню, господин Секретарь. Совет также не исключает возможность использовать твои навыки и знания. В последнее время в поясе Розовых астероидов возобновились нападения на карговые суда. Похоже, какие–то безумцы пытаются возродить космическое пиратство. Совет Пацифиса принял решение послать в этот район военную экспедицию. Если захочешь, ты можешь стать одним из ее руководителей…

— Какая честь! — не удержавшись, воскликнул Керл, с усмешкой подумав, что еще совсем недавно он подумывал о том, чтобы отправиться именно в этот район, как раз с намерением заняться пиратством.

— Мне не нравится твой тон, Керл, но я стараюсь быть спокойным, — заметил Люк Зубарт. — Совет может предложить тебе и другие весьма заманчивые возможности и помочь тебе стать полезным членом общества. Поверь, ты нуждаешься в нашей помощи. Так какое решение ты примешь?

Керл, до того сидевший на кровати, поднялся.

— Люк, я уже давно понял, что вы желаете не просто убить меня, а растоптать мое имя, а заодно и то дело, которому я посвятил жизнь. Это у вас не выйдет. Гладиатор Керл Вельхоум не пойдет на сделку со своими врагами. Мой ответ — нет.

— Как знаешь, Керл. Мы все же дадим тебе еще день, чтобы ты мог подумать. День перед казнью… — Люк перешел на шипящий шепот. — В этот день приходят самые странные мысли. Подумай, Керл. И не надейся на то, что сумеешь убежать. Я принял все меры, чтобы не допустить повторения тех трюков, что ты проделывал на Тменде, Дарибе и Латиноне. Тебе не убежать из этой тюрьмы!

— Я польщен, что ты помнишь об этом, Люк, — сказал гладиатор.

— У меня всегда была отличная память!

Люк Зубарт нехорошо ухмыльнулся и напра-

вился к двери. За ним двинулись прочие члены Совета. Уже на выходе д–р Бермлер обернулся и прошипел:

— Тебя изжарят на электрическом стуле. Знаешь, как пахнет паленое мясо?!

— Знаю, — спокойно ответил Керл.

Верный своим обещаниям, Люк Зубарт сделал все возможное, чтобы не дать Керлу совершить побег. Руки и ноги гладиатора были закованы в нефелитовые наручники, камера просматривалась шестью сфероглазами, в коридоре возле нее неотлучно находились двадцать вооруженных охранников. В город на всякий случай была введена бригада рейнджеров с Посьерры. Агенты Службы Порядка доносили, что многие таамцы недовольны приговором, вынесенным Керлу Вельхоуму. Это было непонятно Совету Пацифиса, и неприятно. Керла было решено ликвидировать без лишнего шума, как только истекут тридцать шесть часов, отведенных на то, чтобы он мог дать ответ на сделанные ему предложения.

Керл ответил отказом и на этот раз.

— Как знаешь, Керл, — сказал Люк Зубарт, которому Совет поручил руководить казнью последнего гладиатора. Затем он кашлянул и заговорил официальным тоном — Согласно

гуманным законам Пацифиса я должен поинтересоваться, есть ли у тебя последнее желание. Или, может быть, ты не имеешь такого?

— Почему же? Имею. Я хочу в мгновение моей смерти быть одетым в комбинезон рейнджера.

Люк Зубарт подозрительно посмотрел на гладиатора.

— Странное желание. Что ты задумал, Керл?

— Считай, что я хочу дискредитировать посьерранскую армию.

— И все?

— Все, — ответил Керл, делая честные глаза.

Член Совета задумчиво прикусил губу.

— Что ж, я думаю, мы удовлетворим твою просьбу. Но если ты надеешься воспользоваться этим комбинезоном для побега, то расстанься с этой мыслью сразу. — Люк ласково коснулся плеча гладиатора. — Я буду рядом с тобой, Керл Вельхоум.

Облаченный в черный комбинезон, под охраной двух десятков рейнджеров, которых отличали от Керла лишь покатые шлемы и чопперы, гладиатор вошел в камеру смерти, где должна была завершиться его бренная жизнь. Посреди этого небольшого, похожего на аквариум помещения стояло массивное черное кресло, называвшееся

по древнеземной традиции электрическим стулом. Металлические ножки этого сооружения были накрепко вделаны в цементопластный пол, с подлокотников свисали плотные кожаные ремни, познавшие боль не одного человека. Камера смерти имела всего одну глухую стену, в которую был вделан пульт с двумя черными кнопками, с остальных сторон ее окружала прозрачная перегородка. За этой перегородкой находились места для зрителей, а их в это утро было немало. Уютно устроившись в креслах, они переговаривались между собой и потягивали пиво. Здесь были д–р Бермлер и прочие члены Совета, полномочные представители ряда планет Пацифиса, несколько генералов, среди которых Керл узнал Сатга, а также с десяток известных шоузвезд и артистов. Прямо напротив зловещего кресла сидела Катя Лавински, жаждавшая острых ощущений.

Не опуская чопперов, охранники освободили Керла от оков, Люк кивком головы предложил ему сесть в кресло. Керл повиновался, предварительно отвесив публике пару шутовских поклонов. От подобной наглости члены Совета побледнели, а генерал Сатг сложил пальцы особым образом, показывая, что он восхищен самообладанием Керла.

Кресло было жестким и неудобным, его создатели явно не рассчитывали, что кому–то удастся просидеть в нем долго. Керл немного поерзал, затем положил руки на подлокотники, позволяя двум экзекуторам заключить их в наручники, простегнутые изнутри серебряной проволокой, по которой проходил ток. Вот кожаная петля плотно охватила правую кисть. Далее произошла небольшая заминка. Один из экзекуторов попытался снять с руки Керла планетарный хронометр, вызвав тем самым негодование гладиатора.

— Я поклялся носить его до самой смерти! Это произвол!

Конфликт разрешил Люк Зубарт. Он обследовал тонкий браслет на запястье Керла и, усмехнувшись, бросил:

— Меделит. Великолепный электрик. Пусть остается. — Люк присмотрелся к стрелкам на циферблате и сообщил Керлу: — Кстати, он у тебя неправильно работает.

— Спасибо, Люк, — поблагодарил Керл, не обращая внимания на последнее замечание. — Видишь вон ту блондиночку, что таращит на меня глаза?

— Допустим, — сказал Зубарт, наблюдая не

за блондинкой, а за тем, как левую руку Керла привязывают ремнями к эбонитовому подлокотнику.

— Можешь передать ей пару слов?

— Зачем передавать? Говори сам. Они нас великолепно слышат.

— Эй, милашка! Ты, ты, что посещала мою камеру! — завопил Керл. — Прости, что забыл твое имя. Я хотел бы тебя трахнуть, но похоже, это мне уже не удастся! Я завещаю тебе мой планетарный хронометр, который остановится в тот миг, когда перестанет бить сердце великого Керла Вельхоума! Повесь его между сисек и почаще вспоминай о том, кто тебя столь пламенно любил!

Катя Лавински была готова сгореть со стыда. Ее лицо покрылось яркими пятнами, руки судорожно тискали прозрачный платочек. Часть публики в лице генерала Сатга и сидевших рядом с ним военных отреагировала дружным ржаньем. Прочие паци взирали на них с неодобрением. Затем они перенесли внимание на Керла, в их глазах читалась лютая ненависть к этому нахальному человечишке, который даже перед смертью не пал перед ними на колени.

— Тебе нужен проповедник? — негромко

осведомился Люк Зубарт, подергав за ремни и убедившись, что они затянуты на совесть.

— Позови его лучше для себя.

— Я не спешу туда, где через мгновенье окажешься ты.

— Как знать, старина Люк. Судьба играет человеком, а человек — судьбой.

— Ты все сказал?

— Пожалуй, да.

Люк еще раз проверил, хорошо ли закреплены ремни, и повернулся к д–ру Бермлеру.

— Господин Секретарь, все готово.

— Бермлер махнул рукой — начинайте!

— Пока, Керл! — с издевкой шепнул Люк Зубарт.

— Пока, приятель, — в тон ему ответил Керл.

По приказу Люка стражники и два экзекутора вышли вон. Камера смерти опустела, на потолке ее зажглись еще несколько ярких шаров. Испускаемый ими свет заключил Керла в ослепительно белый круг. Паци жадно впились взглядами в его лицо, надеясь заметить хоть нечаянную искру страха. Но гладиатор был невозмутим, словно его ожидала не смерть, а дружеский ужин. Люк Зубарт медленно подошел к вмонтированной в стену панели и нажал сразу на обе кнопки.

Мелькнула ослепительно яркая вспышка, оборвавшаяся густой тьмой. Послышался стук опрокидываемых кресел и ругань, несколько экзальтированных дам завизжали.

— Спокойствие! Спокойствие, господа! Сейчас все будет налажено.

— Раззявы! — Это был голос д–ра Бермлера. Почтенный Секретарь Совета Пацифиса не ограничился лишь этим замечанием, но присовокупил к нему несколько не слишком приличных слов. — Что у вас там случилось?

— Небольшая поломка, господин Секретарь. Дали чересчур сильное напряжение. Сейчас подключимся к аварийному источнику питания, и все будет в порядке.

Прошло еще несколько неприятных мгновений, и вот робко мигнули шары, а через миг все залило ярким светом. И тут же собравшиеся дружно закричали. На электрическом стуле дергался в конвульсиях человек. Но это был не гладиатор Керл Вельхоум, а член Совета Пацифиса Люк Зубарт!

Люк был очень хорошим учителем, и Керл должен был низко поклониться ему за науку. Ведь не научи он молодого гладиатора всяческим хитроумным премудростям, и Керл действительно

жарился б сейчас на электрическом стуле. Люк обучил Керла Вельхоума всему, что умел, но сам явно потерял былую сноровку. Потерял… Иначе разве бы он разрешил казнимому гладиатору оставить при себе планетарный хронометр, прекрасно зная, что Керл ничего не делает просто так, особенно в такую минуту. Люк просто обязан был заподозрить неладное.

Он отнял у Керла возможность бежать из камеры, тогда гладиатор решил совершить побег прямо с электрического стула. Использовав микромодули, извлеченные из электронного самописца Лайта Пазонса, Керл превратил свой планетарный хронометр в мощнейший энергетический отражатель. Ток, который должен был пронзить тело гладиатора, наткнулся на неодолимую преграду и повернул обратно, выведя из строя энергосистему Пенитенциария. Едва погас свет, как Керл тут же вцепился зубами в ремень, сковывавший его правую руку. Ему потребовалось много усилий и совсем немного времени, чтобы освободиться.

Искать в кромешной темноте Люка Зубарта не пришлось. Люк нашел его сам. Высохшие цепкие пальцы коснулись плеча Керла — Люк желал убедиться, что его жертва мертва. Схватив своего

палача за горло, Керл слегка придушил его, после чего устроил обмякшее тело на электрическом стуле, накрепко спеленав ремнями. В этот миг он здорово рисковал, ведь если бы внезапно дали энергию, Керл изжарился бы на пару с Люком Зубартом. Но все обошлось.

Когда опомнившиеся тюремщики подключились к аварийному питанию, Керл был уже далеко от камеры смерти. По узким коридорам Пенитенциария шагал одетый по полной форме рейнджер, глухо выкрикивавший сквозь непроницаемое забрало шлема:

— По поручению Секретаря Совета Пацифиса!

Тюремные стражники беспрепятственно пропускали бравого вояку через все решетки. Лишь один из них осмелился потребовать документы, и Керл убил его, ударив двумя пальцами в кадык. Выбравшись из Пенитенциария, он крикнул ожидающей известий толпе:

— Гладиатор Керл Вельхоум казнен! Господин Секретарь Бермлер разрешает всем желающим взглянуть на тело этого подонка!

Дружно взревев, зеваки бросились вперед, преградив путь спешащим вдогонку за беглецом рейнджерам. Те попытались разогнать толпу с помощью чопперов, но добились лишь того, что

завалили тюремные коридоры горами трупов и были вынуждены прекратить преследование.

Через два часа развлекательное сферошоу «Скажи да своему другу» было внезапно прервано. На экранах появился Первый Диктор Пацифиса Лес Мигульский. Его прическа была на удивление неаккуратной, а голос слегка подрагивал.

— Передаем экстренное сообщение. Сегодня утром из таамского Пенитенциария с помощью тайных пособников–иррационалистов бежал осужденный на смерть гладиатор Керл Вельхоум. Чтобы помочь своему вожаку скрыться, иррационалисты решились на открытое выступление. В этот час в центре Таама идут столкновения между бунтовщиками и силами Службы Порядка. По решению Совета Пацифиса в городе вводится чрезвычайное положение. Все дороги, ведущие из города, блокированы отрядами Службы Порядка, космопорт закрыт на неопределенный срок. Совет Пацифиса призывает жителей и гостей Таама не покидать своих жилищ. Каждый вышедший на улицу будет рассматриваться как пособник бунтовщиков. Совет Пацифиса также назначает награду в сумме десяти тысяч кредитов за помощь в поимке гладиатора Керла Вельхоума…

— Десять тысяч — огромные деньги! С этой

минуты следовало ожидать, что неисчислимое множество глаз займут наблюдательные позиции в черных бельмах окон, высматривая сбежавшего монстра–гладиатора. Керла это мало волновало. Он уже был у цели. Бронированный талиптер, позаимствованный на время у одного из порядов, неспешно подъезжал к объекту 5'3 — так официально именовалось Сердце Сомметы.

Керл прикинул, сможет ли, разогнавшись, выбить массивные нефелитовые створки, прикрывавшие въезд на секретный объект. Однако делать этого ему не пришлось. Едва талиптер подрулил к воротам, как те гостеприимно распахнулись.

Наземная часть Сердца Сомметы представляла собой огромный энергетический склад. Гладиатор медленно вел талиптер мимо бочкообразных синих резервуаров, высовывавших из–под земли лишь макушки. О том, что содержится в этих емкостях, Керл не знал, но был уверен, что быть входом в подземную шахту они не могут. То же самое Керл решил и относительно трехэтажного серого здания, украшенного двумя декоративными башенками. Оно было слишком чистым, чтобы быть жилым. Это была явная декорация. Задержавшись здесь лишь на мгновение, глади-

атор поехал дальше, вдоль бесконечных рядов резервуаров, удивляясь тому, что за все время пути ему не повстречалась ни одна живая душа.

Вход в подземную шахту находился в небольшом куполообразном строении, здорово смахивающем на утилизатор. Керл понял это сразу, как только увидел его. Уж слишком навязчивым было желание строителей комплекса сделать это сооружение как можно менее приметным. Именно так ставят мину дилетанты — в ямку, закидав ее песком, да еще набросав сверху веток. Умный кладет смерть прямо посреди дороги, придавая ей вид камня, чья нахальная рожа так и напрашивается, чтобы ее пнули. Керл не считал паци слишком умными, поэтому он оставил верно послуживший талиптер и направился по узкой цементопластной дорожке к входу в строение.

Они ждали его втроем, без лишних свидетелей. Д–р Бермлер, генерал Сатг и невредимый Люк Зубарт. Последний сказал Керлу, широко улыбаясь:

— Да, я недооценил тебя, Керл, но признайся, ты недооценил нас.

Гладиатор прикинул свои шансы. В его грудь смотрели три чоппера, а прославленный гимпиор висел в качестве трофея в музее Лиги. Попытаться выхватить оружие означало быть мгновенно

застреленным. Люк мог сбить на лету осу, да и генерал Сатг должен был обладать неплохой реакцией. Керл ослабил готовые взорваться мышцы.

— Да, я недооценил вас.

Его признание доставило троим паци огромное удовольствие. Д–р Бермлер широко ухмыльнулся, генерал Сатг помахал Керлу левой рукой. Почему–то заглавную скрипку в этой троице играл Люк. Именно он вновь заговорил с Керлом.

— Ай–яй–яй, Керл! Какая непростительная неосторожность. Вынь из контейнера чоппер за ствол и медленно положи его на пол. Только медленно, без резких движений. — Керл повиновался. Враги внимательно следили за ним, а Люк продолжал разглагольствовать: — А какой был гладиатор! Он перебил всех моих старых друзей. И как перебил! Красиво! Почему же ты не захотел сражаться со мной в Коммоде?

Керл положил оружие у своих ног и медленно выпрямился. Люк взглядом приказал ему отойти назад.

— Так почему, Керл?

— Я бы не смог в то время победить тебя, — сквозь зубы процедил гладиатор.

Люк неопределенно покачал седой головой.

— Мне приятно слышать эти слова. Да, я был классным гладиатором. Лучшим, до тех пор, пока не появился Керл Вельхоум. Ты победил бы меня, Керл. И ты прекрасно знал об этом. Так почему же ты отказался убить меня?

— Люк, может быть, стоит отложить выяснение этого вопроса?! — предложил д–р Бермлер.

— Заткнись! — велел ему Люк, и Секретарь Совета Пацифиса послушно замолчал.

— Я отвечу за тебя, Керл Вельхоум. — На сморщенной физиономии Люка появилось подобие грустной усмешки. — Ты пожалел того, кто многому научил тебя, а жалость в такой игре, как наша — последнее дело. Никогда не жалей людей, Керл Вельхоум, как это делаю я!

Чоппер в руке Люка дернулся дважды. Генерал Сатг и д–р Бермлер рухнули замертво. Старичок рассмеялся.

— Ну что, Керл, поднимем эту чертову планетку поближе к звездам?

Еще не до конца веря в происходящее, гладиатор потянулся к лежащему на полу чопперу.

— Смелее! — приказал ему Люк, но его оружие было направлено в голову Керла, словно раздумывая, послать или нет смертельный импульс. С трудом подавив искушение убить, Люк Зубарт

отвел дуло чоппера в сторону.

— За мной. Вход там. — Гладиатор бежал вслед за своим проводником, тот объяснял на ходу: — Здесь пять уровней охраны. Через три я тебя проведу. Два последних тебе придется преодолевать самому. Ты готов?

— Пробьемся!

Люк сдвинул замаскированную панель, и они вошли в небольшую цилиндрическую кабину. С легким жужжанием сомкнулись одна за другой три бронированные двери, и лифт мягко заскользил в чрево планеты. По пути он трижды останавливался. В совершенно гладкой матовой стене образовывалась узкая щель. Люк скармливал ей пластиковые квадратики. На третьем уровне двери распахнулись. За прочной нефелитовой решеткой стоял стражник. Он скользнул быстрым почтительным взглядом по невзрачной фигуре члена Совета Люка Зубарта и уставился на Керла. Его лицо выражало целую гамму чувств.

— Ну, что вылупился! — прикрикнул на него Люк. — Да, это тебе не кажется. Перед тобой действительно Керл Вельхоум, бывший гладиатор, а с этого дня генерал армии Пацифиса.

— Но сегодня утром передали, что он сбежал из Пенитенциария, — промямлил страж.

— Ага, и я вместе с ним, — подтвердил Люк и заорал: — Вниз, болван!

Захлопнув пасть, охранник исчез. Двери сомкнулись, и лифт вновь заскользил в преисподнюю.

— Как видишь, Сердце Сомметы охраняется на совесть. Даже тебе не пройти б через такую охрану. Я лично разрабатывал эту систему безопасности. — Люк победоносно взглянул на Керла и расхохотался. — Но лучше, если б это сделал кто–нибудь другой, потому что сейчас тебе предстоит преодолеть непреодолимое. Через минуту эта штука остановится. В твоем распоряжении будет ровно полсекунды, чтобы выскочить отсюда и резко прыгнуть вправо. Прямо перед выходом из лифта установлена батарея ультразвуковых пушек, которая уничтожает всякого, кто не располагает специальным пропуском для посещения закрытого сектора.

Словно подтверждая слова Люка, в стене вновь образовалась щель, ее узкий жадный рот требовал кусок пластика, отсутствие которого означало смерть.

— Но где этот пропуск?! — закричал Керл. — Почему ты не взял его?!

— Этот пропуск выдается лишь Конклавом

Пацифиса. У меня не было ни времени, ни возможности получить его.

Гладиатор схватил Люка Зубарта за плечи.

— Мы спасемся! Я помогу тебе. Или погибнем вместе!

— Но я слишком стар. Я не успею…

Щель исчезла, на ее месте появилось табло со стремительно мелькающими цифрами.

— Но почему ты это сделал? — закричал Керл, с отчаянием видя, как семерка сменяет восьмерку.

— Просто я вспомнил, что когда–то был гладиатором. Ты заставил меня вспомнить! — скороговоркой выпалил Люк. — Приготовься! Вправо! Прыгай!!!

И Керл прыгнул. Он покатился по каменному полу, и в тот же миг раздался оглушительный визг. Это означало, что ультразвуковые излучатели превратили в дряблую студенистую массу то, что еще мгновение назад было гладиатором Люком Зубартом.

Сокрушающий все живое смерч бушевал мгновение, затем стало оглушительно тихо. Керл поднялся с пола и бросился туда, где гудели от перенапряжения энергетические заборники. Он бежал по сумрачному коридору, в конце которого блестела яркая звездочка света. Коридор все

сужался и сужался. Вскоре Керлу пришлось передвигаться на четвереньках, а затем ползти. Пахло теплым озоном, снизу доносилось глухое клокотанье рвущейся на волю магмы. Царапая ногтями сверхпрочный пластик, Керл преодолел последние футы и очутился в большой зале. Посреди ее, в круге ослепительно яркого света, располагался заключенный в хрустальную броню распределитель, властвовавший над энергией, чью мощь превосходила лишь пылающая звезда.

Мелькнули зеленые вспышки импульсов. Гладиатор привычно бросил тело вперед и на лету открыл ответный огонь. Врагов было десять. Восемь ладных парней и две изящные девушки. Меткие импульсы Керла бросали их навзничь, оставляя черные отметины на золотисто–сверкающих комбинезонах, но они тут же поднимались и вновь открывали огонь. Это были киборги–охотники, рожденные в лаборатории профессора Долла Кромера. Стремительные, могучие, стреляющие с быстротой молнии, практически неуязвимые — это были совершеннейшие машины убийства, почти такие же, как гладиатор Керл Вельхоум.

В этом смахивающем на стартовую площадку космодрома помещении некуда было укрыться.

Ровные стены, зеркально–гладкий пол да прозрачная призма распределителя. Керл веретеном катился по скользкой поверхности и стрелял, стрелял, стрелял, ожидая, что еще мгновенье — и раскаленные иглы вопьются в его тело. Его меткие выстрелы сбивали киборгов с ног, но не могли причинить им серьезного вреда, а их импульсы вонзались в пол все ближе от Керла. Тогда гладиатор подчинил себе время, превратив его в тягучую, словно патока, бесконечность, и бросился в лобовую атаку. Киборги растерялись, и Керл сразил троих из них, попав каждому точно в переносицу. В тот же миг рухнули еще двое, сраженные девушкой с глазами цвета стали. И киборгов посетил страх. Забыв о своем превосходстве над человеком, они начали пятиться, пытаясь укрыться за пределами белого круга. Лишь один встал на пути Керла. Гладиатор сломал его нефелитовую шею.

Дальше все было как во сне. Керл схватил девушку за руку, и они подбежали к прозрачной оболочке распределителя. Размахнувшись, гладиатор ударил по невидимой стене рукоятью чоппера, и та рассыпалась искрящимися хрустальными осколками. Вот оно, сердце Сердца Сомметы — пульт с тремя рядами разноцветных

кнопок, регулирующих работу энергозаборников. Палец Керла опустился на первую из них. В тот же миг в одном из заборников, находящемся под Ладертауном, нарушился нормальный процесс. Такелитовые стержни, поглощающие избыток планетарной энергии, медленно вползли в чрево предохранительного клапана, позволяя огненной стихии рвануться вверх. Керл нажал на вторую кнопку…

Уцелевшие киборги–охотники опомнились и стреляли. Один из импульсов пронзил огнем плечо гладиатора. Спиной Керл почувствовал, как несколько раз вздрогнула прикрывавшая его сзади Немма. Гладиатор, не целясь, посылал ответные импульсы, а другая его рука торопливо нажимала на кнопки. Двенадцать, тринадцать…

Всхлипнула Немма. Такой звук издает пробитое горло. Керл обернулся. Девушка медленно оседала на пол, из многочисленных ран, покрывавших ее тело, сочилась прозрачная жидкость. Вскрикнув, Керл нагнулся, чтобы подхватить ее. Это движение спасло ему жизнь. Мелтановая струя скользнула над его головой и опрокинула киборга, сразившего Немму. Еще одного прикончил метким выстрелом сам Керл. Последний киборг истерично расхохотался, сунул дуло чоппера себе

в рот и разнес голову вдребезги, испещрив стену за своей спиной серо–красной кашицей мозгов с вкрапленными в нее осколками микромодулей.

Тишина ножом полоснула по оглушенному мелтановым грохотом сознанию. Керл тупо взглянул на мертвую Немму, на свой полностью израсходовавший боезапас чоппер. Он начал оборачиваться, собираясь вернуться к распределителю, но в этот миг раздался отвратительный хриплый голос.

— Кхе–кхе! Ты славно поработал, Керл! Теперь ты можешь с чистой совестью умереть!

Существо, произнесшее эти слова, появилось из тени. Оно было облачено в черный балахон, костлявые руки крепко сжимали остроконечный, покрытый ржавыми пятнами крови, посох.

— Я Смерть. Или ты не узнал меня, свою верную подругу? — Смерть движением головы откинула капюшон, явив Керлу свое ужасное лицо. Лишенное кожи, оно было изъязвлено трупной гнилью, сквозь которую местами проступали белые кусочки кости. — Я люблю тебя, Керл! Я пришла за тобой, мой возлюбленный!

— Прочь, тварь!

— Ты еще не докончил свое дело? Хорошо, я дам тебе немного времени. А пока я заберу душу этой

дрянной девчонки. — Смерть направила острие посоха на неподвижное тело Неммы. В тот же миг Керл заслонил ту, которую любил и которая спасла ему жизнь. Смерть оскалилась беззубым ртом. — Она же причинила тебе боль, Керл! Она желала твоей смерти! — Гладиатор не отвечал, и тогда Смерть рассвирепела. — Ты пытаешься помешать мне? Берегись!

— Она сделала шаг вперед, угрожающе нацелив посох в грудь Керла. Тот стоял не шелохнувшись.

— Уйди, — попросила Смерть. — Ведь я не мешаю тебе докончить свое дело. Так позволь мне делать мое.

— Эта девушка моя! — скрипнув зубами, процедил Керл.

— Нет, моя! — отчеканила Смерть. — Или, быть может, ты отважишься спорить с самой Смертью?

— Пусть будет так!

Смерть захохотала.

— Глупец! Ты умрешь, так и не выполнив того, что задумал! Неужели эта механическая мразь стоит великой мести?!

— Не смей ее так называть! — заорал Керл.

— Ну давай, давай, давай! Давай попляшем, мой любимый Керл!

Из посоха вырвался тонкий красный луч, устремившийся к сердцу гладиатора. Керл увернулся. Орудуя посохом, словно заправский рейнджер чоппером, Смерть осыпала дерзкого человека веером лучей. Один из них обжег левую руку Керла, и рука мгновенно омертвела.

Смерть издала восторженный вой.

— Что, больно, красавчик Керл? Получай!

Она повела посохом, целясь в ноги гладиатора, но тот подпрыгнул, и лучи прошли под ним.

— Ты полагаешь, что подчинил себе время?! — завопила Смерть. —Так попробуй ускользнуть от меня вне времени!

Время замедлилось, затем вообще остановилось. Керл и Смерть перемещались по кругу, отделенному плотной черной пелериной от реальности. Смерть постоянно ускоряла движения и торжествующе вопила:

— Сейчас ты выдохнешься, мой красавчик Керл! Твои легкие захлебнутся, а мышцы обмякнут. И тогда я возьму тебя, и мы займемся любовью!

Дикий хохот заполнил мозг Керла, помутив сознание. Воя от пронзившей голову боли, Керл сжал ладонями виски и чуть замедлил бег. Смерть воспользовалась этим и уколола посохом его пра-

вое бедро. Нога мгновенно перестала слушаться, и Керл был вынужден прыгать на одной.

— Ну вот и все, Керл Несущий смерть! А теперь я возьму тебя!

Костлявая рука взмахнула посохом, и в этот миг Керл обрушился на своего врага. Смерть не устояла на ногах, и они оба покатились по полу. И вновь время принадлежало Керлу. Обхватив костлявую шею мертвеющими пальцами, гладиатор рванул ее на себя. Чмокнула гнилая плоть, но привычного хруста не последовало. Смерть захихикала. Беззвучно, но Керл чувствовал, как острый кадык скользит меж его пальцами.

— Что, не вышло, Керл?!

И тогда в сердце гладиатора зародилась невиданная ярость. Огненная волна прошла по телу, наполняя умирающие мышцы титанической силой. Взревев, Керл сдавил холодную плоть стальным обручем пальцев, и Смерть умерла. Умерла, чтобы возродиться через десять секунд.

Из недр планеты доносился вой высвобождающейся из оков стихии. Керл поднялся с колен и играючи, словно органист, пробежал пальцами по оставшимся кнопкам.

Ему осталось ждать всего десять секунд.

Ему осталось жить всего десять секунд.

Десять…

И пред глазами Керла предстали безбрежные луга Белонны, где изумрудную зелень травы испещряют крапинки розовых и фиолетовых амароузов, а воздух напоен росой и искрится разноцветными мотыльками.

Девять…

И сердце, стучавшее ровно, вдруг забилось быстрее от звонкого смеха Неммы, льющегося из припухлых сладких губ.

Восемь…

И бушевал огонь в проснувшемся жерле вулкана, выплевывая в воздух языки раскаленной магмы; грохот, порожденный первобытной яростью, сотрясал планету и превращал время в вечность — так рождаются звезды.

Семь…

И клекотал орел, уносящий кровавую добычу в кривых, словно чегерский кинжал, когтях; его кровь, толчками бегущая по синим прожилкам, давала силу крыльям, ее кровь, стекающая с острого клюва, должна была дать жизнь пищащим птенцам.

Шесть…

И корчился от боли член Совета Пацифиса Люк Зубарт, чье тщедушное тело пронзили мириады

ультразвуковых импульсов, пробивших сочную плоть клеток подобно стрелам, протыкающим висящие на ветке спелые плоды; это была страшная и быстрая смерть — именно о такой мечтал гладиатор Люк Зубарт.

Пять…

И был дождь, смывший грязь с улиц Таама, кровавый дождь; дождь, напоенный пламенем и вихрем; дождь, смывший все.

Четыре…

И восторженно кричали зрители, приветствуя последнюю победу Керла Вельхоума — победу над Смертью, победу над собой, победу над пресным миром.

Три…

И Космос был похож на шоколадный пирог с вкраплениями кисловатых цукатов–звезд; цукаты мерцали, набухали, образовывая замысловатые пентаграммы, и тонули в черной приторной бесконечности.

Два…

И лилась мелодия — пам–рам–пари–бом–пам–рам.

Луч зеленой звезды мое сердце пронзил,
Обжигая его, словно взгляд твоих глаз.

Позабыл я о том, что когда–то любил,

И забыть я мечтаю, о чем грежу сейчас.

Я не помню уж цвет тех живых лепестков,

Их прозрачную плоть заметает пурга.

Лишь безбрежная зыбь ее снежных валов.

От зеленой звезды не осталось следа.

Один…
А Немма улыбалась.
А потом был взрыв.
ВЗРЫВ.

Керл плакал и не стыдился своих слез. Он был счастлив потому, что дожил до ВЗРЫВА, он был счастлив оттого, что мог плакать.

Он плакал, а она сидела рядом, и ее теплая мягкая рука ласкала его голову.